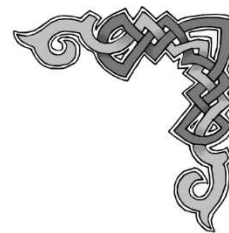




ООО «Наука и образование»



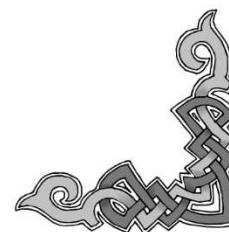
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

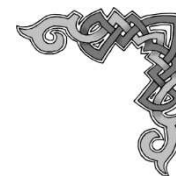


**№ 12
2020**





**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**



2020, № 12

Часть 1

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП ИТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

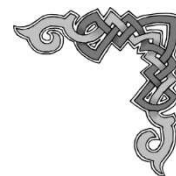
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;



EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

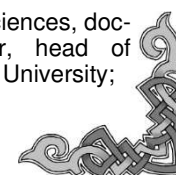
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;





Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия



Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovlov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice





Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института речевого риса.



Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.





*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Невский Сергей Александрович,

Силин Анатолий Николаевич.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала





СОДЕРЖАНИЕ:



Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Голубихина Н.В. Дисфункции процесса социализации как фактор деформации правовой культуры и правового сознания	13
Долгополов К.А. Проблема противостояния заключенных системе исполнения наказания	17
Жиденко А.А. Институт медиации как регулятор социальных конфликтов	21
Кириллов П.Е., Рябцев С.В., Малинин И.М. Практика перехода к пятидневной учебной неделе как социальная проблема	25
Колмыкова М.А. Роль корпоративной культуры при внедрении проектного управления в современных организациях	30
Константинова А.Г. Развитие современных методологических подходов к формированию системы статистических показателей анализа демографического потенциала региона	34
Коркия Э.Д. Одиночество как предмет социокультурологического исследования	38
Кривопусков В.В. Кризис государственного управления в России в «зеркале» социального доверия	41
Кулик С.В. Российский цивилизационный дискурс на современном этапе	45
Курдюков Д.Н. Военнослужащий как субъект здоровьесберегающего поведения	52
Муха В.Н. Структура идентификационных матриц разных поколений русских в условиях пандемии	56
Олонец С.Б., Ефремова Т.Г., Согомонян К.В. Адаптивная физическая культура как фактор социальной интеграции молодежи	59
Петров А.П., Хорошкевич Н.Г., Шиловцев А.В. Социальное партнерство в современной России: субъекты взаимодействия	63
Планидин Е.С. Спортивно-оздоровительная деятельность в системе рекреации: социальный аспект	68
Поливина М.А., Шкуропий О.И., Майба В.В. Социально-психологические последствия влияния фейковых новостей на общественное сознание	71
Пчегатлук С.К. Социальные противоречия раннего индустриализма	75
Стригуненко И.К. К вопросу о проблеме делинквентного поведения сотрудников органов внутренних дел	80
Стригуненко И.К. К вопросу о причинах профессиональных деструкций сотрудников органов внутренних дел	83
Стригуненко Ю.В. Роль эстетической культуры в формировании нравственного облика сотрудника органов внутренних дел	86

Тужба З.Э. Городская среда в контексте социальных рисков: американская социологическая мысль	89
Тужба Э.Н. Инкорпорация мигрантов с Юга-Востока Украины в локальное сообщество: экспертный опрос	93
Харькова В.А., Муха В.Н. Особенности социальной адаптации беженцев с Юго-Востока Украины на территории Краснодарского края (по материалам интервью)	97
Шевченко О.П. Предпринимательская культура в эпоху интернет-коммуникаций	101
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аюпов А.А., Бадыкова А.Р. Специфика внедрения корпоративного блокчейна в энергетической отрасли на примере компании «Россети»	107
Ван Синьбо Сравнение динамики экономического развития КНР и США в новом тысячелетии	113
Вахова Е.С., Куропятник Е.В. Перспективы и опыт финансирования разработки арктических нефтегазовых месторождений	118
Гончаров А.И. Эмоциональный интеллект как средство регулирования взаимоотношений в коллективе	122
Жеглатый С.Ю. Оценка современных российских инновационных предприятий с позиций обеспечения импортозамещения	125
Ивашкин М.В., Колесников А.В., Оттева И.В. Интернет-мерчандайзинг: понятие и специфика использования в современном ритейле	130
Каримов Б.Н. Влияние экономических санкций на управление российскими инновационными предприятиями	136
Кулькова И.А. Как повышение пенсионного возраста может повлиять на рождаемость: мнение экспертов	141
Лыщикова Ю.В., Германова О.В., Кочергин М.А. Внедрение концепции «Умный регион»: управленческие практики в России и за рубежом	146
Можина Е.Л. Влияние требований МСФО на подготовку управленческой отчетности	151
Ноева Е.Е., Евсеев В.А., Саакян С.А. Реализация бюджетно-налоговой политики государства в условиях пандемии COVID-19	154
Солнцева О.Г., Фирсова А.Е., Цунаева Ю.О. Возможности крауд-технологий в гостиничной индустрии	159
Терещенко А.П. Обеспечение лекарственной независимости как фактор экономической и национальной безопасности государства	162
Фролов И.В. Проблемы определения понятия «дистанционная торговля»	166



CONTENTS:



Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Natalia V. Golubikhina Dysfunction of the socialization process as a factor of deformation of legal culture and legal consciousness	13
Kirill A. Dolgopolov The problem of prisoners' opposition to the system of execution of punishment	17
Angelina A. Zhidenko The institution of mediation as a regulator of social conflicts	21
Pavel E. Kirillov, Sergey V. Ryabtse, Ilya M. Malinin The practice of moving to a five-day school week as a social issue	25
Marina A. Kolmykova The role of corporate culture in implementing of project management in modern organizations	30
Alexandra G. Konstantinova Development of modern methodological approaches to the formation of a system of statistical indicators for the analysis of the demographic potential of the region	34
Eka D. Korkiya Loneliness as a subject of socialcultural research	38
Viktor V. Krivopuskov The crisis of public administration in Russia in the «mirror» of social trust	41
Stanislav V. Kulik Russian civilizational discourse at the present stage	45
Dmitry N. Kurdyukov Serviceman as a subject of health-saving behavior	52
Viktoria N. Mukha The structure of identification matrices of different generations of Russians in a pandemic	56
Svetlana B. Olonets, Tatiana G. Efremova, Ksenia V. Soghomonyan Adaptive physical culture as a factor of social integration of youth	59
Andrey P. Petrov, Natalya G. Horoshkevich, Andrei V. Shilovtsev Social partnership in modern Russia: subjects of interaction	63
Evgenii S. Planidin Sports and recreational activities in the recreation system: social aspect	68
Marina A. Polivina, Olga I. Shkuropy, Mayba Vita Victorovna social and psychological consequences of the influence of fake news on public consciousness	71
Svetlana K. Pchegatluk Social contradictions of early industrialism	75
Ivan K. Strigunenko On the problem of delinquent behavior of employees of internal affairs bodies	80
Ivan K. Strigunenko On the question of the causes of professional destructions of police officers	83
Julia V. Strigunenko The role of aesthetic culture in the formation of the moral character of an employee in internal affairs bodies	86
Zakhar E. Tuzhba City environment in the context of social risks: american sociological thought	89

Emir N. Tuzhba Incorporation of migrants from the South-East of Ukraine into the local community: expert survey	93
Viktoriya A. Kharkova, Viktoria N. Mukha Features of social adaptation of refugees from the South-East of Ukraine in the territory of the Krasnodar region (based on interview materials)	97
Olga P. Shevchenko Entrepreneurial culture in the age of Internet communications	101
ECONOMIC SCIENCES	
Aydar A. Ajupov, Alfiya R. Badykova Specificity of corporate blockchain implementation in the energy industry on the example of the «Rosseti» company	107
Wang Xinbo Comparison of the dynamics of the economic development of the prc and the usa in the new millennium	113
Elizaveta S. Vakhova, Egor V. Kuropyatnik Prospects and experience in financing of the development of arctic oil and gas fields	118
Aleksandr I. Goncharov Emotional intelligence as a means of regulating relationships in a team	122
Sergei Yu. Zheglatyi Assessment of modern Russian innovative enterprises from the point of view of ensuring import substitution	125
Mikhail A. Ivashkin, Andrei V. Kolesnikov, Irina V. Otteva Internet merchandising: concept and specifics of use in modern retail	130
Bulat N. Karimov Influence of economic sanctions on the management of Russian innovative enterprises	136
Inna A. Kulkova How the retirement age increase can affect fertility: expert opinion	141
Julia V. Lyshchikova, Olesya V. Germanova, Mikhail A. Kochergin Implementation of the Smart Region concept: management practices in Russia and abroad	146
Elena L. Mozhina The impact of IFRS on preparation of management reports	151
Elena E. Noeva, Vasiliy A. Evseev, Sona A. Sahakyan Implementation of the budget and tax policy of the state in the conditions of the COVID-19 pandemic	154
Oksana G. Solntseva, Anna E. Firsova, Yulia O. Tsunaeva Opportunities of crowd technologies in the hotel industry	159
Alexey P. Tereschenko Ensuring drug independence as a factor in the economic and national security of the state	162
Ivan V. Frolov Problems with the concept of «distance trading» definition	166

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Голубихина Наталья Валерьевна
кандидат юридических наук,
заместитель начальника
кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
karnl@mail.ru

ДИСФУНКЦИИ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье отмечается, что в современном обществе на фоне высоких скоростей научно-технического прогресса, повышения общего уровня информатизации и компьютеризации, складывается достаточно опасная ситуация, когда нарастает дисфункциональность ряда социальных институтов, подсистем и ключевых социальных процессов. В частности, процесс социализации под воздействием информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий принимает стихийный характер, отодвигая на второй план традиционных агентов социализации – семью и школу.

Ключевые слова: информационное, общество, социализация, стихийная социализация, агенты социализации, информационно-компьютерные технологии, право, правовая культура, правовое сознание.

Современное трансформирующееся общество характеризуется высокой динамикой происходящих процессов. По мнению большинства исследователей, новый этап общественного развития целесообразно отождествлять с информационным, постиндустриальным. Значительные трансформации современной социальной системы во многом связаны с развитием компьютеров, компьютерных технологий. Соединение возможностей средств массовой коммуникации с потенциалом компьютерной техники привели к возникновению нового явления – компьютерной коммуникации. Это социотехническое явление, по мнению Г.П. Бакулева, развивается быстрыми темпами в конце XX – начале XXI в., охватывая все большее число институтов, организаций, групп и отдельных личностей [1, с. 68].

Согласно Д. Беллу, развитие информационного общества и производства ведет к перевороту как в технике и технологии производства, так и в характере социальных отношений. Социальные отношения, создаваемые новыми сетями информации (от обмена информацией между исследователями с помощью компьютеров до широкой социальной однородности, образуемой с помощью национального телевидения), не являются

Natalia V. Golubikhina
Candidate of Law Sciences,
Deputy head of the Department
Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
karnl@mail.ru

DYSFUNCTION OF THE SOCIALIZATION PROCESS AS A FACTOR OF DEFORMATION OF LEGAL CULTURE AND LEGAL CONSCIOUSNESS

Annotation. The article notes that in modern society against the backdrop of high speed of scientific and technological progress, improve the overall level of Informatization and computerization, it is quite a dangerous situation when growing dysfunctionality of a number of social institutions, subsystems, and key social processes. In particular, the process of socialization under the influence of computer information and telecommunications technology accepts the natural character, overshadowing the traditional agents of socialization – family and school.

Keywords: information, society, socialization natural socialization, agents of socialization, information and computer technology, law, legal culture, legal consciousness.

больше трудовыми отношениями индустриального общества [2].

Э. Тоффлер утверждал, что информационное общество – это эпоха «блип-культуры». Вместо длинных «нитей» идей, связанных друг с другом, «блипы» информации: объявления, команды, обрывки новостей, которые не согласуются со схемами. Современный человек чувствует себя свободнее, именно сталкиваясь с «блипами» – информационными сообщениями, отрывком из песни или стиха, заголовком, мультфильмом, коллажем и т.д. [6]. Исследователь справедливо обращал внимание на существенные изменения в сознании людей, живущих в постиндустриальном обществе.

Новая фаза общественного развития несет и весьма существенные риски. В частности, в начале XXI в. отчетливо проявляется действие нескольких факторов инновационного риска, связанных с ускоренным развитием информационно-коммуникационной (научно-технологической) подсистемы. В результате этого, социальные напряжения возникают вследствие значительного опережения в развитии технико-технологической сферы над духовной. Данная ситуация

приводит к возникновению определенного вакуума, так как девальвируются прежние ценности, нормы, идеалы, а новые еще не приобретают необходимой регулятивной силы. Именно духовная сфера российского общества XXI в. вызывает наибольшую обеспокоенность.

Стоит обратить внимание на некоторые аспекты проблемы дисбаланса духовной сферы вследствие ускоренной информационно-компьютерной трансформации. Прежде всего, в таких условиях девальвируются социокультурные, мировоззренческие ориентиры социума. Это серьезно ухудшает условия и «стартовые позиции» социализации и воспитания как основополагающих процессов, позволяющих оптимизировать преемственность и смену поколений в обществе.

В научной литературе распространена точка зрения о том, что в условиях масштабных социальных трансформаций российского общества, под влиянием технико-технологических факторов, усиления социальной значимости Интернета, электронных медиа систем, телекоммуникационных и спутниковых технологий в сознании подростков возникает хаос антагонистических оценок, обусловленный смещением и даже дезориентацией системы социокультурных координат, основ мировосприятия [5, с. 6].

Проникновение в жизнь общества информационных, телекоммуникационных технологий создает благоприятную среду для появления и развития феномена стихийной социализации. При этом стихийная социализация – это не только новый технологический «фон», отражение определенной ступени исторического развития социума; речь идет об изменении условий, движущих сил и результатов процесса социализации.

Как отмечает А.И. Кудактина, в современном российском обществе на передний план выходят стихийные аспекты социализационного процесса, в котором ключевую роль играют Интернет, электронные СМИ, которые постепенно начинают институционализироваться и приобретать статус традиционных агентов социализации. В результате данного процесса они нивелируют действие традиционных агентов социализации – семьи и образовательных учреждений [5, с. 11–12].

Особую опасность представляет не сама стихийная социализация как спонтанная, неконтролируемая система приобщения молодежи к ценностям, нормам, идеалам и другим элементам духовной жизни общества. Наибольшее беспокойство вызывает усвоение некачественной, общественно опасной информации в ходе социализационного процесса. Как известно, получение и обмен информацией в процессе социализации играет ключевую роль, именно так передается социальное и культурное наследие подрастающим поколениям. Поэтому результатом усвоения сообщений, в которых содержится антисоциальная, антиправовая информация может стать, в том числе, деформация правовой культуры и правового сознания. Подобные изменения в системе социокультурных координат индивида, прошедшего социализацию, грозят крайне опасными

последствиями, так как правопорядок во многом опирается на добровольность, сознательность, честность людей. Формирование подобной конструкции социального порядка невозможно без опоры на правовое сознание и правовую культуру.

Правовое сознание представляет собой сложную многоуровневую систему взглядов, идей по отношению к праву. Подобная система формируется у молодежи посредством целенаправленной деятельности государства и общества, систематизирующих социально-правовую информацию и транслирующих ее на молодое поколение. С точки зрения В.Н. Гуляихина, феномен правосознания в зависимости от своего содержания и структурных компонентов может выступать основанием как институционализации инновационных правовых ценностей, так и консервации традиционных правовых институтов общества [4, с. 54–74].

В свою очередь, *правовая культура – это духовная и материальная система правовой жизни социума, детерминируемая общественно-экономическим строем, и оцениваемая, исходя из достигнутого уровня развития правосознания, правовой деятельности, юридической техники и эволюции человека как субъекта права* [3, с. 135–158]. Основой правовой культуры, как и правового сознания, выступает объективная информация о социально-правовых фактах, явлениях, процессах.

Стоит отметить, что правовая культура и правовое сознание, формируясь в ходе социализации, закладывают основу, прежде всего, системы социокультурных координат индивидов. В качестве наиболее зримого социального последствия стоит отметить тот факт, что люди становятся обладателями устойчивой, долговременной духовной системы, позволяющей добиться осознанного, инициативного, добровольного сотрудничества людей во имя обеспечения стабильности общества, удовлетворения основополагающих потребностей и интересов человека, прежде всего, в безопасности, устойчивости, предсказуемости повседневной жизни. Такое состояние достигается лишь в условиях, когда человек уверен в том, что не только он соблюдает требования социальных норм, но и окружающие его люди; при этом к нарушителям социальных норм применяются инструменты социального контроля с широким санкционным репертуаром. В данном случае речь идет не только о нормах права, но и, в целом – всей соционормативной системе, в том числе – нормах морали, традиций, формирующих духовно-нравственный, аксиологический облик человека.

Правовая культура и правовое сознание, занимая устойчивое положение в системе духовной культуры общества, позволяет осуществить теоретическое и практическое воплощение норм права в жизнь людей. Развитый теоретический уровень позволяет осуществить глубокий охват массового сознания необходимыми государству и обществу теоретическими конструктами. Проблема

заключается в том, что лингвистические, семантические элементы норм права довольно сложно усваиваются населением, особенно с низким уровнем образования, культуры. В этой связи, становится очевидной необходимость развития оптимального научно-практического сотрудничества. Основным итогом такой деятельности должно стать повышение уровня правовой информированности, усвоение необходимых знаний правового характера, без чего невозможно формирование устойчивых конструктов правовой культуры и правового сознания.

Вместе с тем, теоретический уровень весьма сложен для усвоения индивидами. Вследствие этого, люди, чаще всего, осваивают правовые нормы посредством практической деятельности, в ходе реализации повседневных практик и актуализации обыденного сознания. В этом случае может возникать дисбаланс между теоретическим и практическим уровнем правовой культуры и правового сознания. Над устранением данного противоречия должен работать социальный институт государства, так как искажения в понимании норм права, их особенностей функционирования, целей, последствий применения могут привести к деформированному состоянию правовой культуры и правового сознания.

Становится очевидным, что в современном обществе основным и наиболее значимым результатом устойчиво сформированных конструктов правовой культуры и правового сознания становится именно правомерное поведение, которое целесообразно рассматривать как зримый, значимый эффект правовой культуры и правового сознания. И, напротив, неустойчивое, противоречивое состояние правовой культуры и правового сознания приводит к криминализации социума, массовому распространению неправомерного поведения, нигилистическому отношению к законам. «Накладываясь» на состояние аномии, духовно-нравственного вакуума, данный эффект может принимать социально опасные формы, угрожая среднесрочной или долгосрочной дестабилизацией социального института государства, а, шире, и социума в целом.

Необходимо заметить, что одним из ориентиров в процессе социализации и воспитания (понимаемого как целенаправленного, регулируемого государством, в отличие от социализации) становится формирование у подавляющего большинства населения эталонов правомерного поведения. В случае развития противоправных тенденций, когда правомерное поведение не становится ориентиром, стратегической целью общества, возникают опасные социальные последствия.

Для современного общества важное значение имеет трансляция установок правопонимания и правопослушания от поколения к поколению. Обычно это осуществляется в ходе двух взаимосвязанных процессов, играющих ключевую роль в социуме – социализации, а также – воспитания. Социализацию всегда отличает от воспитания большее влияние стихийных, несистемных, флуктуационных факторов, она сопровождает человека всю жизнь и во многом формирует его

социокультурный, духовно-нравственный облик. Социализация – более долговременный и сложный процесс, чем воспитание. Именно поэтому отклонения, дисфункции в процессе социализации угрожают, прежде всего, духовно-нравственным, а затем уже соционормативным кризисом. Стихийная социализация, вытесняющая «традиционную», вполне может рассматриваться как фактор риска развития отклонений.

Как известно, система права не будет эффективной в том случае, если не опирается на добровольное, взаимовыгодное сотрудничество людей, осознающих необходимость и важность подчинения единым правилам поведения в обществе. Именно в ходе процесса социализации на протяжении долгих лет эта целевая установка внедряется в сознание людей. Особенно эффективно этот процесс проходит в молодежном возрасте; чем старше человек, тем сложнее (а порой и абсолютно не возможно) изменить его социокультурный, духовный облик.

Однако в последние годы наметились две тревожные тенденции. Во-первых, телевидение и Интернет оказываются заполненными в большом количестве материалами, где демонстрируется агрессивное, антисоциальное, неправомерное поведение, зачастую отклоняющееся поведение оказывается преднамеренным, в силу криминализованного сознания и деформированной психики. Как правило, эту деструктивную роль выполняют самые низменные образцы массовой индустрии культуры (сериалы, шоу, низкокачественные голливудские и отечественные фильмы и т.п.), а также материалы, размещенные в Интернете физическими лицами. В наибольшей опасности оказываются подростки и молодежь, некритическое сознание которых воспринимает данные видеоматериалы как образец для подражания, как элемент реальности, а не как артефакт массовой культуры, например. Этот факт не имел бы столь серьезных социальных последствий, если бы не существенно возросшая роль стихийной социализации, где центральными элементами выступают телевидение и Интернет.

Во-вторых, российское общество глубоко поражено коррупцией, организованная преступность и криминалитет контролируют многие экономические сферы. Нерешенность данной проблемы, проявляющаяся слабостью государственной власти, приводит к криминализации сознания значительной части населения, так как происходит легитимизация противоправного поведения, которое выступает просто как «умение жить». В результате, именно подрастающее поколение глубоко усваивает криминальные идеалы, антиценности, агрессивный, эгоистичный стиль поведения. В современном российском обществе сознание молодежи настолько криминализировано, что даже курсанты образовательных учреждений ФСБ, МВД, МЧС периодически совершают массовые вызывающие антиобщественные акции, совершая «пробеги без правил» по улицам городов, копируя знаменитый стиль передвижения на автомобилях бандитов из сериала «Бригада». Последний инцидент имел место в Воронеже в 2017 г. [7]. Данный пример иллюстрирует глубокое

проникновение в сознание российской молодежи элементов криминальной контркультуры.

Таким образом, виртуальная и физическая реальность современного российского общества создают довольно опасный симбиоз, когда элементы одной реальности пересекаются с другой и формируют, более менее непротиворечивую картину в сознании людей, особенно – молодежи. Виртуальная реальность, проникнув в систему стихийного социализационного воздействия, создает в сознании подростков и молодежи симуляционную реальность криминального, антисоциального характера, которую они воспринимают как объективную реальность (в силу своих

социально-психологических особенностей). С другой стороны, действуя и взаимодействуя в физической, повседневной реальности, субъекты социализационного процесса также сталкиваются с проявлениями коррупции, организованной преступности (прежде всего, в экономической сфере), различными общественно резонансными преступлениями. В результате сложившаяся картина реальности формирует у них предвзятое отношение к российскому обществу, неприятие сложившихся социально-политических и социально-экономических отношений, детерминирует общее «опозиционное» отношение к социуму, его духовной культуре и системе социальных отношений.

Литература:

1. *Бакулев Г.П.* Кабельно-спутниковое телевидение: Мировой опыт. М., 1999.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999.
3. *Гуляихин В.Н.* Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Юридические исследования. 2013. № 4.
4. *Гуляихин В.Н.* Архетипы правосознания в системе правовой культуры личности // Юридические исследования. 2014. № 1.
5. *Кудактина А.И.* Политическая социализация российских школьников в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2014.
6. *Толфлер Э.* Третья волна. М., 2010.
7. URL : https://autorambler.ru/novosti/v-voronezh-kortezh-iz-devyati-toyota-land-cruiser-popalsyana-narusheniyakh-28-06-2017.htm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения 12.03.2017).

Literature:

1. *Bakulev G.P.* Cable-satellite TV: international experience. M., 1999.
2. *Bell D.* The coming of post-industrial society. M. : Akademiya, 1999.
3. *Gulyaikhin V.N.* Legal culture as an object of scientific research: methodological approaches, structure and assessment criteria // Legal research. 2013. № 4.
4. *Gulyaikhin V.N.* Archetypes of legal consciousness in the legal culture of the personality // Legal research. 2014. № 1.
5. *Kudaktina A.I.* Political socialization of the Russian students in terms of socio-communicative transformations of the early twenty-first century : author. dis. ... cand. of social sciences. Krasnodar, 2014.
6. *Toffler A.* The third wave. M., 2010.
7. URL : https://autorambler.ru/novosti/v-voronezh-kortezh-iz-devyati-toyota-land-cruiser-popalsyana-narusheniyakh-28-06-2017.htm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (date of application 12.03.2017).

Долгополов Кирилл Андреевич
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский
федеральный университет
nadal06@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ СИСТЕМЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация. В статье затрагивается вопрос, связанный с проблемами, возникающими в процессе исполнения назначенного судом наказания в виде лишения свободы. Объектом исследования является процесс отбывания уголовного наказания, связанного с лишением свободы. Предметом является результат процесса воздействия системы исправления на заключенного в местах лишения свободы. Индивид во время отбывания наказания в местах лишения свободы подвергается исправительным воздействиям со стороны пенитенциарной системы. Однако статистика рецидивной преступности показывает, что данное воздействие зачастую не является эффективным. Автором делается вывод о том, что, попадая в места лишения свободы, индивид оказывается в условиях, когда складывается противостояние заключенных и администрации учреждения, что приводит к противостоянию заключенных с системой исполнения наказания, в целом. Причиной этого выступают отсутствие четкой законодательной базы, регламентирующей процесс социальной адаптации, отсутствие единой программы, методики, учебно-методические пособия для работы с осужденными. На основе выделения данных факторов и их влияния, компенсирующего десоциализацию в местах лишения свободы, делается ряд предложений по формированию системы работы с заключенными в направлении выработки единой системы мер, реализуемых в пенитенциарной системе России, что позволит сделать процесс исправления и перевоспитания более эффективным.

Ключевые слова: места лишения свободы, исправительные воздействия, заключенный, пенитенциарная система, противостояние.

Проблемы, существующие в отечественной системе исправления осужденных к лишению свободы, обсуждаются достаточно давно [2; 6; 8; 14]. Важность данных проблем очевидна по причине того, что по отбыванию срока наказания человек, освобожденный из мест лишения свободы, возвращается в общество, которое ожидает от него законопослушного поведения и

Kirill A. Dolgopolov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Procedure,
North Caucasus Federal University
nadal06@mail.ru

THE PROBLEM OF PRISONERS' OPPOSITION TO THE SYSTEM OF EXECUTION OF PUNISHMENT

Annotation. The article deals with the issue related to the problems that arise in the process of execution of a court-imposed sentence in the form of deprivation of liberty. The object of the study is the process of serving a criminal sentence related to deprivation of liberty. The subject is the result of the process of influence of the correction system on the prisoner in places of deprivation of liberty. While serving a sentence in places of deprivation of liberty, an individual is subjected to corrective actions by the penitentiary system. However, statistics on recidivism show that this effect is often not effective. It is concluded that when an individual enters a prison, he finds himself in a situation where there is a confrontation between the prisoners and the administration of the institution, which leads to an increase in the opposition of prisoners to the system of execution of punishment as a whole. The reasons for this are the lack of a clear legislative framework regulating the process of social adaptation, the lack of unified programs, methods, and training manuals for working with convicts. On the basis of allocation of these factors and their impact, compensating desocialization in prison, made a number of proposals on formation of system of work with prisoners towards a unified system of measures implemented in the penitentiary system of Russia, which will make the process of correction and re-education more effective.

Keywords: places of deprivation of liberty, corrective actions, prisoner, penitentiary system, opposition.

адекватного участия в социальных процессах. Однако социальной интеграции, зачастую, не происходит.

В 2015 году первый заместитель директора ФСИН Анатолий Рудый сообщал о том, что 85 % заключенных составляют люди, которые два и более раз были судимы [1].

По данным МВД за 2018 год, более половины преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Их удельный вес составляет 58,3 % от всех предварительно расследованных преступлений в отчетном периоде [12]. По данным того же источника за 2019 г., ситуация не изменилась – те же более половины и, соответственно, тот же удельный вес говорят о существовании проблемы неэффективности системы исправительных воздействий в России [11].

Существование преступности в обществе порождает формирование системы уголовного наказания и, соответственно, системы исполнения уголовного наказания. Указанные социальные процессы рассматривал в своем подходе Э. Дюркгейм, определяя соразмерное наказание, выносимое обществом за преступное поведение, в качестве необходимости с точки зрения данного общества. В рамках анализа процесса исторического развития наказания Э. Дюркгейм объясняет данный момент с точки зрения функционалистских позиций в качестве способа удовлетворения коллективного сознания, оскорбленного девиацией. Э. Дюркгейм указывает на первоначальную связь уголовного права с религией, согласно чему традиционное общество в наибольшей степени выражает негативную реакцию в связи с нарушением религиозных норм. В ходе исторического процесса право заняло собственную нишу, общество стало отдавать приоритет индивидуальным аспектам перед коллективным сознанием, а органическая солидарность пришла на смену механической. В центре системы уголовного права заняла место личность; в условиях индивидуализированного общества на первый план вышли человеческая жизнь и неотъемлемые права каждого человека [4, с. 98]. Таким образом, девиантное поведение, посягающее на указанные ценности, вызывает жесткую реакцию общества. Согласно Э. Дюркгейму, общество напрямую заинтересовано в полноценном срабатывании механизма наказания такого девианта. Целью функционирования данных механизмов является стремление общества предотвратить повторное совершение преступления за счет опасения жесткости наказания.

Формирование современной российской пенитенциарной системы происходило во времена СССР. Направленность ее деятельности изначально имела своей целью, в первую очередь, наказание, а не исправление индивида [7, с. 74]. При этом следует отметить, что указанная направленность системы исполнения наказаний, доставшаяся в наследство от СССР, также наследовала и другие проблемы. Одной из главных ее проблем являлось и является отсутствие системности в работе с заключенными.

Специалисты отмечают наличие в реальном процессе исправления возникающих противоречий между педагогической целесообразностью и юридическими предписаниями. При этом взаимное влияние педагогики и права расширяет сферы их положительного воздействия на осужденных и

усиливает процесс исправления их личности. При совершенствовании норм уголовно-исполнительного права нужны не просто их «гуманизация» или «ужесточение», отмечает М.П. Стурова, а создание эффективной системы исправления [14]. Тем не менее, следует отметить один важный момент: единой системы четких эффективных методов исправительного воздействия на заключенных никогда не существовало – их выбор официально оставался на усмотрение администрации исправительного учреждения [5, с. 9]. Уже на протяжении длительного времени – со времен СССР и по сей день остаются нерешенными проблемы:

– во-первых, отсутствие четкой законодательной базы, регламентирующей процесс социальной адаптации, который бы охватывал основные ее сферы: трудоустройство, сохранение жилья и семьи;

– во-вторых, до сих пор практически отсутствуют единые программы, методики, учебно-методические пособия для работы с осужденными [10].

При этом, со слов специалистов, процесс исправления в колонии осуществляется в условиях исполнения наказания, поэтому он воспринимается осужденными через призму кары. Отрицательное отношение к каре создает в сознании правонарушителей смысловые и эмоциональные барьеры, которые препятствуют усвоению ими нравственных и правовых норм общества [10].

К этому необходимо добавить, что, находясь в заключении, человек воспринимает тюремную субкультуру. Данная проблема рассматривается в рамках научных подходов к социализации, которая, согласно теории Т. Лукмана и П.Л. Бергера, представляется процессом освоения личностью норм и ценностей общества. Они выделяют интернализацию – глубокое усвоение индивидом ценностей и норм конкретного социокультурного контекста [2, с. 37]. В нашем случае таким контекстом являются места лишения свободы.

Согласно анализу социальных отношений внутри тюремного сообщества, субкультура данного сообщества сформировалась на основе противостояния контингента заключенных действиям администрации учреждения [8; 6, с. 131; 2, с. 118]. С одной стороны, нормы данной системы ему навязаны тюремным сообществом. С другой стороны, избегая конфликта с данным сообществом, индивид не может игнорировать нормы его субкультуры, будучи вынужденным их исполнять. К этому следует добавить, что, с учетом карательной направленности системы исправительной работы учреждения, заключенный, зачастую, перенимает настроения тюремного сообщества по отношению к данной работе и характеризующиеся противостоянием ей. Таким образом, неэффективность исправительного воздействия заложена в противостоянии «заключенные – администрация» на самом начальном этапе отбывания заключенным срока наказания. Отсюда, в полный рост встает проблема противостояния заключенных системе исполнения наказания.

Решение проблемы может быть связано с изменением правил отбывания наказания. Речь в данном случае идет, в первую очередь, не об улучшении бытовых условий, а о сокращении чрезвычайно большого, зачастую, ничем не обоснованного количества запретов различной деятельности заключенных. Большое количество запретов порождает постоянную почву для их нарушения. При этом наказания не должны выноситься в виде лишения свиданий и передач, возможность которых необходимо максимально увеличить. Связи заключенного с близкими являются важнейшим фактором, компенсирующим десоциализацию заключенного [6, с. 84].

Наконец, необходима выработка и официальное закрепление единых правил работы с заключенными для администрации и работников исправительных учреждений. Данные правила должны отражать выбор необходимых методов, форм такой работы, а также, подробное описание прав заключенного, четкий перечень запрещенных действий и наказаний за их совершение. При этом необходимо привлечение к разработке таких правил профессиональных педагогов, поскольку специалисты, работающие в системе исполнения наказаний, ориентированы, прежде всего, на карательной стороне исполнения наказания в силу

того, что нынешняя отечественная пенитенциарная система сохранила основные черты советского аналога. Советскими внутрисистемными традициями не декларировалась социальная значимость смягчения наказания. По мнению идеологов советского общества, уголовное наказание должно было располагать набором жестких мер, оперативность и неизбежность использования которых должна заставить человека, совершившего преступление, испытывать страх перед наказанием, и, таким образом, предотвратить повторное совершение преступления [9]. Результатом явилось формирование тюремной субкультуры, являющейся инструментом противостояния заключенных системе исправительных воздействий и усложняющей исправление заключенного.

Указанные моменты могут вызвать возражения в силу того, что наказание для человека, совершившего преступление, не должно быть мягким, иначе теряется его смысл. Однако следует отметить, что суд в качестве наказания приговаривает человека к лишению свободы, а не к тяжелым условиям содержания – бытовым и психологическим. Данные факторы вызывают противодействие заключенных системе исполнения наказаний и усложняют достижение результата процесса исправления заключенного. Поэтому влияние их должно быть устранено.

Литература:

1. Горьковатая статистика: 85 процентов российских заключенных – рецидивисты. URL : <https://www.vesti.ru/article/1764143> (дата обращения 28.10.2020).
2. *Барабоха Б.С.* Десоциализация в местах лишения свободы: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Ставрополь, 2005. 139 с.
3. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М. : Издательство «Медиум», 1995
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 575 с.
5. *Зубков А.И.* Организация исправления и перевоспитания осужденных. Методические разработки и материалы к курсу / А.И. Зубков, М.П. Стурова и [др.]; Под ред. А.И. Зубкова, М.П. Стуровой; Типография Академии МВД. М., 1982. 415 с.
6. *Корольков К.В.* Социально-педагогический анализ воспитательно-исправительных воздействий в местах лишения свободы : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Ставрополь, 2003. 152 с.
7. *Корольков К.В.* Институциональный механизм защиты подростков от пенитенциарной инклюзии : монография. Ставрополь : СевКавГТУ, 2009. 146 с.
8. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура. URL : <http://www.univer5.ru/sotsiologiya/tyuremnaya-sub>

Literature:

1. Bitter statistics: 85 percent of Russian prisoners are repeat offenders. URL : <https://www.vesti.ru/article/1764143> (date of application 10/28/2020).
2. *Barabokha B.S.* Desocialization in places of imprisonment: sociological analysis : dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.04. Stavropol, 2005. 139 p.
3. *Berger P.* Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman. M. : Medium Publishing House, 1995.
4. *Durkheim E.* On the division of social labor. Sociology method. M. : Nauka, 1991. 575 p.
5. *Zubkov A.I.* Organization of correction and re-education of convicts. Methodological developments and materials for the course / A.I. Zubkov, M.P. Sturova and [oth.]; Ed. A.I. Zubkova, M.P. Sturova; Printing house of the Academy of the Ministry of Internal Affairs. M., 1982. 415 p.
6. *Korolkov K.V.* Social and pedagogical analysis of educational and correctional influences in places of confinement : dis. ... cand. of pedagogical sciences: 13.00.01. Stavropol, 2003. 152 p.
7. *Korolkov K.V.* Institutional mechanism of protection of adolescents from penitentiary inclusion: monograph. Stavropol : SevKavGTU, 2009. 146 p.
8. *Oleinik A.N.* Prison subculture. URL : <http://www.univer5.ru/sotsiologiya/tyuremnaya-subkultura->

kultura-v-rossii-a.n.-oleynik.html (дата обращения 03.10.2020).

9. Россияне требуют ужесточить меры наказания для некоторой категории преступников. URL : <https://news.rambler.ru/crime/42957989-rossiyane-trebuyut-uzhestochit-mery-nakazaniya-dlya-nekotoroy-kategorii-prestupnikov/> (дата обращения 30.09.2020).

10. *Рушак Р.В.* Педагогические аспекты перевоспитания осужденных в местах лишения свободы / Р.В. Рушак, В.И. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 3 (43). С. 230–232.

11. Состояние преступности в России. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/9fb/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения 30.09.2020).

12. Состояние преступности в России. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/9fb/sbornik_12_2018.pdf (дата обращения 30.09.2020).

13. Социально-педагогический анализ воспитательно-исправительных воздействий в местах лишения свободы : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Ставрополь, 2003. 152 с.

14. *Стурова М.П.* О социально-педагогическом назначении уголовного наказания как методе воздействия на личность осужденного // Совершенствование воспитательной деятельности органов, исполняющих наказания. Сборник научных трудов. Рязань : РВШ МВД РФ, 1992.

v-rossii-a.n.-oleynik.html (date of application 03.10.2020).

9. The Russians are demanding tougher penalties for a certain category of criminals. URL : <https://news.rambler.ru/crime/42957989-rossiyane-trebuyut-uzhestochit-mery-nakazaniya-dlya-nekotoroy-kategorii-prestupnikov/> (date of application 09/30/2020).

10. *Ruschak R.V.* Pedagogical aspects of the reeducation of convicts in prisons / R.V. Ruschak, V.I. Kolesov // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2009. № 3(43). P. 230–232.

11. The state of crime in Russia. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/9fb/sbornik_12_2019.pdf (date of application 09/30/2020).

12. The state of crime in Russia. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/9fb/sbornik_12_2018.pdf (date of application 09/30/2020).

13. Socio-pedagogical analysis of upbringing and correctional influences in places of imprisonment : dis. ... cand. of pedagogical sciences: 13.00.01. Stavropol, 2003. 152 p.

14. *Sturova M.P.* On the socio-pedagogical appointment of criminal punishment as a method of influencing the personality of the convict // Improving the educational activities of the bodies executing punishment. Collection of scientific papers. Ryazan : RVSh of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1992.

Жиденко Ангелина Александровна
начальник отдела
по воспитательной работе
и реализации молодежных программ,
Ростовский государственный
экономический университет
rinkh_vosp@mail.ru

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать потенциал института медиации как регулятора социальных конфликтов. В статье дается комплексный анализ социальной ситуации, требующей внедрения дополнительных инструментов регулирования социальных конфликтов. Автор рассматривает основные препятствия к распространению медиации в России и делает вывод о несовпадении отечественной культуры разрешения конфликтов и той, в которой медиация зародилась. Сформулированы рекомендации по распространению культуры посредничества и выявлены эффективные способы по преодолению препятствий, стоящих перед институтом медиации в России.

Ключевые слова: медиация, конфликты, внесудебное решение конфликтов, арбитраж, переговоры.

Современная социальная реальность сопряжена с постоянным столкновением интересов множества акторов, сосуществующих в той или иной её плоскости. Они обладают оппортунистическими интересами, которые ориентированы на улучшение собственного благополучия, что, в свою очередь, может отрицательно сказаться на других индивидах.

Если рассмотреть современный город через призму новой теории институтов, то можно прийти к выводу о том, что для неконфликтного сосуществования оппортунистических акторов требуются четкие правила игры, создаваемые властными институтами. Иными словами, основной задачей власти является создание пространства, в котором столкновение интересов акторов будет вызывать наименьшее количество негативных последствий для социума, в целом [1]. Зачастую, интересы людей являются противоположными и взаимоисключающими, что требует разработки инструментария по их объединению и гармонизации. Традиционно, это достигается на двух уровнях: регламентированном, представленном в виде законов и подзаконных актов, издаваемых властными институтами, и на общественном, реализуемом в виде социальных норм, этики и ценностей. В случае эскалации

Angelina A. Zhidenko
Head of the Department
for Educational Work and Implementation
of Youth Programs,
Rostov State University of Economics
rinkh_vosp@mail.ru

THE INSTITUTION OF MEDIATION AS A REGULATOR OF SOCIAL CONFLICTS

Annotation. This article attempts to analyze the potential of the institution of mediation as a regulator of social conflicts. The article provides a comprehensive analysis of the social situation requiring the introduction of additional tools for regulating social conflicts. The author considers the main obstacles to the spread of mediation in Russia and concludes that the domestic culture of conflict resolution and the one in which mediation originated are incompatible. Recommendations for disseminating a culture of mediation are formulated, and effective ways to overcome the obstacles facing the institution of mediation in Russia are identified.

Keywords: mediation, conflicts, out-of-court conflict resolution, arbitration, negotiation.

социального конфликта и его перехода из латентной в активную фазу принято прибегать к помощи суда как наиболее компетентного органа в решении споров между людьми, стремящимися к урегулированию сложных вопросов на законных основаниях. Однако использование лишь судебных инстанций для разрешения все более усложняющихся споров в современном мире более не представляется рациональным [2]. По этой причине одним из самых многообещающих решений множества социальных конфликтов является применение медиации. В рамках этой статьи мы проанализируем потенциал института медиации как регулятора социальных конфликтов.

Начнем с рассмотрения основного отличия медиации от судебного-правового урегулирования конфликтов. Решение спорных вопросов в суде ставит однозначную и юридически обоснованную точку в любом конфликте и обязывает одну сторону уступить что-либо другой, согласно озвученному судьей решению. В этом случае конфликтная ситуация, с одной стороны, является решенной, а, с другой стороны, имеет высокий потенциал повторной эскалации. Судебный процесс занимает продолжительное время, требует финансовых вложений со стороны спорящих, а множество решений можно оспорить и апеллировать,

затянув процесс еще сильнее. Иными словами, судебное решение конфликтных ситуаций позволит прийти к согласию в краткосрочной перспективе, но не к соглашению, ориентированному на долгосрочное решение проблем [3]. Судебные инстанции пользуются кодифицированным набором установок и правил для того, чтобы определить «кто прав» в той или иной ситуации и обязать противоположную сторону выполнить предписанные судом решения в определенные сроки. Однако, как говорилось выше, победа в одной битве не приводит к прекращению войны и в будущем породит еще больше конфликтов, так как отношения индивидов после судебного заседания будут еще более антагонизированными.

Институт медиации концентрируется не на краткосрочном урегулировании спора, а на гармонизации интересов сторон, ориентированном на создание между конфликтующими среды, благоприятствующей конструктивному диалогу, направленному на решение спорных вопросов взаимовыгодным способом [4]. Из этого следует, что инструментарий медиации направлен, в первую очередь, на полное погашение конфликта и на гармонизацию отношений между людьми. В России существуют и внесудебные способы разрешения конфликтов, однако, они используют в своей деятельности те же правовые инструменты, что и в суде. Это не обеспечивает прекращения конфликта, а лишь откладывает дальнейшую его эскалацию [5]. Медиация же, ориентирована на необходимость конфликтующих сесть за стол переговоров, войти в положение друг друга и принять участие в модерлируемой конструктивной дискуссии, направленной на поиск решения, способного удовлетворить интересы всех сторон. Институт медиации, по своей сути, является институтом посредничества, предоставляющим третью сторону, способную взглянуть на проблему сверху, предложить наиболее релевантные делу решения или направить действия конфликтующих сторон в конструктивное русло.

Однако институт медиации в России не является распространенным, развитым и функционирующим. Объясняется это, в первую очередь, недоверием населения к посредникам в процессе решения конфликтов. В российской культуре переговоров готовность пойти на компромиссы, уступить своему оппоненту и проявлять инициативу по выходу из конфликта может считаться проявлением слабости, и именно по этой причине институт медиации очень медленно проникает в решение групповых споров физических лиц [6]. Если говорить о препятствиях его распространению среди юридических лиц, то здесь, помимо вышеописанной проблемы, также играет роль устоявшаяся бизнес-культура и этика, указывающая на то, что за стол переговоров следует садиться лишь в случае обладания неоспоримым преимуществом и возможностью вести торг с позиции силы [7]. Не стоит и говорить о том, что подобная установка в значительной степени препятствует широкому распространению института медиации в обществе и не позволяет ему начать приобретать доверие.

Стоит отметить, что наиболее рациональные и практичные индивиды готовы воспользоваться

посредниками в решении своих конфликтов, так как ценят, в первую очередь, результат. Однако недоверие к столь молодому и непроверенному в общественном сознании инструменту решения конфликтов не позволяет ему раскрыть свой потенциал в полной мере.

В западных странах институт медиации часто применяется в решении крупных корпоративных споров и чередуется с участием сторон в судебных заседаниях [8]. В Российской Федерации же, переговоры на высших уровнях являются, в первую очередь, переговорами не организаций, а людей. Это можно понимать следующим образом: российская управленческая культура ставит во главу угла не пост, занимаемый человеком, а самого человека. Из этого следует, что решение конфликтов на уровне топ-менеджмента непосредственно связано со столкновением личностей руководителей и работает по принципам жесткого торга, не позволяющего «показать спину врагу» [9]. Очевидно, что в подобной ситуации потенциал медиации также значительно снижается.

Исходя из вышеописанного, можно прийти к выводу о том, что сама культура решения конфликтов современной России не соответствует тем, в которых институт медиации может полноценно функционировать [10].

Важнейшим вопросом, определяющим применимость медиации, является сам процесс социального конфликта, имеющий свои особенности в разных странах. В западных странах конфликт является препятствием для работы и жизни, который необходимо решить. Во главу угла ставится результат – элиминация элемента, породившего конфликт. Это позволяет сказать, что стороны социальных конфликтов заинтересованы, в первую очередь, в достижении выгодных для себя результатов и готовы пойти на нужные уступки и компромиссы. Институт медиации, в этом случае, выступает своеобразным буфером между конфликтующими, генерирующим решения спорных вопросов.

Таким образом, медиация работает как полноценный регулятор социальных конфликтов в рациональных и практических культурах, ориентированных на скорейшее и наиболее безболезненное решение конфликтов.

Российская культура решения конфликтов значительно отличается от той, в которой институт медиации был создан. Здесь стороны конфликта редко умеют разделить проблему и личность, что приводит к тому, что любой конфликт становится личной обидой, требующей соответствующего, по мнению спорящих, воздаяния. Исследователи обращают внимание на то, что смешение позиций и личностей в рамках конфликтной ситуации приводит к эскалации и фактически лишает конфликтующих возможности решить свои проблемы рационально. В этом случае первый уступивший будет являться проигравшим. Исходя из этих установок, можно сказать, что потенциал медиации находится в своеобразной суперпозиции: он одновременно чрезвычайно низок и очень высок. Объяснить это можно тем, что, с одной стороны,

конфликты, переходящие в формат личных обид, не являются разрешимыми при помощи третьей стороны, а с другой, именно она является инструментом их решения. Для того, чтобы внести ясность в столь сложную ситуацию, рассмотрим это следующим образом: если в напряженном конфликте одна из сторон покажет готовность пойти на уступки, то она будет считаться проигравшей. Но если уступки будут озвучены не одной из конфликтующих сторон, а беспристрастным арбитром, то все стороны будут избавлены от перспективы потерять уважение и стать проигравшими. Исходя из этого, можно прийти к выводу о том, что институт медиации в России находится, в так называемой, «мертвой точке» и нужен своеобразный толчок, который позволит ему заработать доверие социальных акторов и стать реальным инструментом в решении множества конфликтных ситуаций. Для реализации этого плана следует сосредоточиться, в первую очередь, на методах продвижения института медиации. Стоит начать с распространения центров посредничества в различные социальные сферы жизни общества: в сферу ЖКХ, торговли и бизнес-переговоров. Очевидно, что интенсификация работы института медиации невозможна без одобрения государственной власти и желания по-настоящему «запустить» работу медиаторов. Наиболее рациональным способом будет институционализация практик медиации и отведение для них своеобразные ниши для решения конфликтов. В этом случае необходимо перенаправлять людей, обращающихся в правоохранительные органы или суды в вышеописанные центры и позиционировать их как более эффективную альтернативу. Другой важной рекомендацией может послужить интеграция медиации в переговорные технологии. Для этого организаторам площадок по переговорам необходимо включать профессиональных медиаторов в процесс и давать им возможность решать те или иные проблемы совместно с конфликтующими сторонами.

Учитывая непопулярность и недоверие к институту медиации, можно прибегнуть к помощи института омбудсмена, обладающего значительным авторитетом и исполняющим почти те же функции, что и медиаторы. Если взять в расчет стремление российских отношений к вертикализации, то можно предположить, что использование уполномоченных лиц в качестве независимых медиаторов может оказаться весьма продуктивным решением, так как позволит конфликтующим сторонам прислушаться к советам и предложениям авторитетных лиц. По этой причине нашей

Литература:

1. *Бодрова Е.А.* Необходимость подготовки специалистов для развития детской медиации в России // *Юридическая наука.* 2014. № 3. С. 42–44.
2. *Ковалев В.В.* Перспективы развития социально-ориентированных некоммерческих организаций как субъектов гражданского общества / В.В. Ковалев, О.В. Богданова // *Гуманитарий Юга России.* 2018. № 6. С. 121–127.

главной рекомендацией будет интегрировать медиацию в институт омбудсмена и воспользоваться его репутационным капиталом в целях «запуска» работы института медиации. Со временем уполномоченные медиаторы должны профессионализироваться, повысить свою компетентность и отделиться от института омбудсмена, заручившись необходимым репутационным капиталом. На нынешнем этапе развития института медиации мы не видим перспектив развития коммерческой медиации, не аффилированной с властными органами и уполномоченными авторитетными общественными служащими. По этой причине повышение потенциала института медиации как социального регулятора можно условно поделить на два этапа:

1. Институционализацию посредством интеграции в другие властные институты.
2. Существование в формате самостоятельного, устоявшегося и функционального института.

Первый этап позволит дать импульс кейсам, в которых медиация показала себя как альтернатива судебным разбирательствам, после чего можно будет выйти на второй, в рамках которого можно будет считать, что институт медиации действительно сможет показать себя как полноценный регулятор социальных конфликтов.

Резюмируя все вышесказанное можно сказать, что российская социальная реальность не соответствует тем институциональным требованиям, которые бы позволили институту медиации стать полноценным социальным регулятором. Это связано с низкой культурой решения социальных конфликтов, а также, недостатком доверия к новому институту. Для решения этой проблемы его необходимо интегрировать с другим, например, с институтом омбудсмена, и пользоваться авторитетом уполномоченных деятелей власти в целях решения множества конфликтных ситуаций. Медиация должна иметь собственные конфликтные ниши и стать главным продвигаемым способом решения тех или иных спорных ситуаций. Все вышеописанное позволит этому институту заработать минимально необходимый для функциональности репутационный капитал и начать функционировать в полную силу. Таким образом, потенциал медиации как социального регулятора в настоящий момент чрезвычайно низок, но постоянно усложняющиеся конфликты требуют усилий по его повышению и выведению в формат полноценного и востребованного обществом института.

Literature:

1. *Bodrova E.A.* Necessity of training specialists for the development of child mediation in Russia // *Legal science.* 2014. № 3. P. 42–44.
2. *Kovalev V.V.* Prospects for the development of socially oriented non-profit organizations as subjects of civil society/V.V. Kovalev, O.V. Bogdanova // *Humanist of the South of Russia.* 2018. № 6. P. 121–127.

3. *Ермакова Е.П.* Актуальные проблемы гражданского процесса / Е.П. Ермакова, Е.П. Русакова, С.В. Мендоса-Молина // РУДН. 2017.
4. *Калашникова С.И.* Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М. : Инфотроник-Медиа, 2011. 304 с.
5. *Светлов В.А.* Конфликтология. СПб. : Питер, 2011. 352 с.
6. *Нил М.* Психология переговоров. Как добиться большего / М. Нил, Т. Лис. М., 2016.
7. *Вербицкий А.А.* Конфликтологическая культура личности / А.А. Вербицкий, О.И. Щербакова. М., 2012.
8. *Носырева Е.И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 362 с.
9. *Ракитина Л.Н.* Медиация (посредничество): Как урегулировать спор, не обращаясь в суд / Л.Н. Ракитина, О.А. Львова. М. : Эксмо, 2008. 144 с.
10. *Шишкина Ю.М.* Некоторые особенности при ведении переговоров // Russian Journal of Education and Psychology. 2010. № 1.

3. *Ermakova E.P.* Actual problems of civil proceedings / E.P. Ermakova, E.P. Rusakova, S.V. Mendoza-Molina // PFUR, 2017.
4. *Kalashnikova S.I.* Mediation in the sphere of civil jurisdiction. M. : Infotronic-Media, 2011. 304 p.
5. *Svetlov V.A.* Conflictology. SPb. : Peter, 2011. 352 p.
6. *Neil M.* Psychology of negotiations. How to achieve more / M. Neil, T. Lees. M., 2016.
7. *Verbitsky A.A.* Conflictological culture of personality / A.A. Verbitsky, O.I. Shcherbakova. M., 2012.
8. *Nosyreva E.I.* Alternative resolution of civil law disputes in the United States : dis. ... d-r. in Law. Voronezh, 2001. 362 p.
9. *Rakitina L.N.* Mediation: How to settle a dispute without going to court / L.N. Rakitina, O.A. Lvova. M. : Eksmo, 2008. 144 p.
10. *Shishkina Y.M.* Some peculiarities in conducting negotiations // Russian Journal of Education and Psychology. 2010. № 1.

Кириллов Павел Евгеньевич
кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры социологии
и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
kirillov_pe@mail.ru

Рябцев Сергей Викторович
кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры социологии
и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
matilda-9972@mail.ru

Малинин Илья Михайлович
магистрант кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
ilya_0798@mail.ru

ПРАКТИКА ПЕРЕХОДА К ПЯТИДНЕВНОЙ УЧЕБНОЙ НЕДЕЛЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. На всех уровнях образования сформирована определённая программа передачи знаний и навыков, которым необходимо обучить школьника для его дальнейшего развития. Статья посвящена проблемам перехода системы среднего общего образования на пятидневную учебную неделю. Рассмотрение актуальных практик внедрения модели, а также, анализ официальных документов, позволяют выделить ряд социальных и педагогических проблем перехода школ на пятидневную учебную неделю.

Ключевые слова: учебная неделя, социальная проблема, педагогическая проблема, образование, модели образования.

На всех уровнях образования сформирована определённая программа передачи знаний и навыков, которым необходимо обучить школьника для его дальнейшего развития. Не так давно был поставлен вопрос о графике работы школ, а конкретно, школы могут выбирать удобный режим работы в течение пяти или шести дней в неделю. Как правило, школы работали по шесть дней в неделю, но после волны петиций от родителей учеников и поднятия этого вопроса в Государственной думе, большинство школ перешли на пятидневную систему обучения, что спровоцировало ряд проблем.

Изучением проблем введения пятидневки по различным аспектам занимаются многие современ-

Pavel E. Kirillov
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
kirillov_pe@mail.ru

Sergey V. Ryabtsev
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
matilda-9972@mail.ru

Ilya M. Malinin
Undergraduate of the Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
ilya_0798@mail.ru

THE PRACTICE OF MOVING TO A FIVE-DAY SCHOOL WEEK AS A SOCIAL ISSUE

Annotation. At all levels of education, a certain program of transfer of knowledge and skills, which need to train the student for its further development, has been formed. The article is devoted to the problems of transition of the secondary general education system to a five-day school week. Consideration of the current practices of implementing the model, as well as the analysis of official documents, allow us to highlight a number of social and pedagogical problems of the transition of schools to a five-day school week.

Keywords: academic week, social problem, pedagogical problem, education, education models.

ные исследователи. Ряд авторов [3; 11; 12], считают, что переход к пятидневной учебной недели может быть осуществлен только в ущерб знаниям, которые получают ученики, обучаясь шесть дней в неделю. Также, отмечены проблемные факторы для здоровья и увеличения психофизиологической нагрузки на учащихся [1; 3]. И напротив, есть мнение о том, что в школе должны быть образовательные программы, адаптированные под пятидневную и шестидневную учебную неделю.

В связи с внесением поправок в Санитарно – эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях от 24.11.2015 № 81 [5] и запросами

родительской и педагогической общественности, возникла ситуация социального заказа на переход общеобразовательных организаций на пятидневную учебную неделю [5]. Часть учебных учреждений перешла на пятидневную систему обучения, и этот переход сопровождался проблемами для педагогов и обучающихся.

Пятидневная учебная неделя еще называется пятидневкой, под ней понимают пять рабочих дней от понедельника до пятницы. Внедрять систему начали постепенно, с 2016 года по ней обучались только первые классы, в 2017 году уже вторые, пятые, седьмые и девятые, в 2018 году уже все классы смогли перейти на пятидневную учебную неделю.

Изначально, такая практика вводилась в качестве эксперимента для детей, которые начали учиться с шести лет, но позднее такой режим работы появился у начальной и средней школы [2]. Министерство образования попыталось упорядочить учебный процесс и ввести два варианта учебных планов – для пятидневной и шестидневной учебной недели, но появилась проблема перераспределения часов и руководства школ уместили в пятидневную учебную неделю план для шестидневной. Это привело к перегрузкам обучающихся, увеличению числа уроков в день и сокращению свободного времени.

Е.Л. Науменко – заведующая отделением гигиены детей и подростков Госсанэпиднадзора прокомментировала ситуацию, которая сложилась в результате таких перегрузок детей. Было отмечено, что только 5 % детей, закончивших среднюю школу – здоровы. Резко увеличились показатели заболеваемости по широкому спектру проблем здоровья: нервной системы – в два раза, органов пищеварения – в 2,5 раза, болезней эндокринной системы, нарушений обмена веществ и иммунитета – в 4 раза, болезней крови и кровеносных органов – в 3 раза [9]. В большей степени, причины объяснялись в перегрузке обучающихся в связи с их переходом на пятидневную учебную неделю.

Стоит обратить особое внимание на учеников младшего школьного возраста, именно в таком возрасте формируется психика, характер, отношение к учебе и к школе и если ребенок будет сидеть по 5–6 уроков, то последствия могут быть не самыми благоприятными.

После появления новых санитарных правил был необходим пересмотр учебных планов: появилась необходимость привести максимальную учебную нагрузку в соответствии с требованиями Госсанэпиднадзора. После введения нового регионального базисного учебного плана школам предложен выбор между пятидневной и шестидневной учебной неделей, разница которых – в количестве рабочих часов. В шестидневной учебной неделе больше часов, а значит, больше возможностей для развития ребенка. Нужно отметить, что нет никаких официальных документов, обязывающих школу вводить шестидневку, не было издано, и выбор режима работы остается прерогативой школы, что закреплено в законе «Об образовании Российской Федерации» [8].

Есть и некоторые ограничения для школ: если руководством школы выбрана пятидневная учебная неделя, то школа не имеет права использовать учебную нагрузку шестидневной учебной недели.

Обсуждение проблем введения пятидневного обучения ведется, в основном, в интернете, и многие участники выделяют такие моменты как:

Во-первых, существует вероятность, что дополнительный день отдыха будет потрачен не на полноценный отдых для ребенка, а просиживание времени в компьютере, что тоже отрицательно скажется на его здоровье.

Во-вторых, снижение уровня академической нагрузки скажется на качестве образования.

В-третьих, дополнительные уроки в зимний период времени плохо отражаются на здоровье ребенка, потому что весь световой день ребенок проводит в школе, а это способствует накоплению стресса [6].

Проблемы, возникающие при переходе на пятидневную учебную неделю, которые касаются преимущественно детей таковы:

1. Возрастает ежедневная учебная нагрузка.
2. Сокращается объем учебного плана.
3. Отсутствие возможности организации углубленного изучения учебных предметов.
4. Увеличение самостоятельной (домашней) работы.
5. Повышенная нагрузка на учителей.

Как следствие, из этих проблем возникают более серьезные: ухудшение здоровья детей из-за перегрузок и уменьшение объема получаемых знаний.

В 1990-х годах уже была попытка ввести пятидневную учебную неделю, но она не продержалась долго и вернулась система с шестью днями обучения. Оказалось, что не так много семей в свободный для ребенка день занимается его развитием или времяпровождением с ним, и дети оказывались предоставленными сами себе [10].

Пятидневную учебную неделю организовать довольно сложно, но многие общеобразовательные учебные заведения реализуют такие программы обучения. Примером могут стать многие школы Москвы и других крупных городов.

Рассмотрим подробнее опыт введения пятидневной учебной недели для выявления наиболее острых проблем.

Необходимость перехода на пятидневку обусловлена очень большим числом петиций со стороны родителей, но эксперты Минобрнауки РФ считают, что, зачастую, родители не понимают сложности перехода. Нельзя просто издать официальный документ, придется менять всю систему, но учеба в течение шести дней диктуется необходимостью освоения школьной программы. Уроки из учебной программы 6–11 классов не могут быть уместены в рамки пяти дней.

В случае сокращения одного учебного дня, по мнению директоров школ, необходимо будет увеличение количества уроков в остальные дни из – за чего возрастет нагрузка на детей, а это является нарушением СанПиНа. К тому же, необходимо учитывать большое число требований, продиктованных педагогикой и психологией. Например, нельзя ставить такие предметы, как математика, физика и иностранные языки на первый или последний урок. После физкультуры нельзя ставить предметы, требующие концентрации внимания. При составлении предельной нагрузки для школьников определенного возраста нужно учитывать коэффициенты сложности предметов, которые будут в расписании ребенка в один день. Учитель-предметник должен вести не более трех уроков подряд, после должен быть перерыв. Если дисциплина стоит в расписании более чем один раз в неделю, то уроки должны иметь хотя бы однодневный интервал [5; 6]. При этом в школе не один – два класса, а целые параллели с 1 по 11, и поэтому необходимо также учитывать нагрузку учителя, проводящего уроки.

Можно посмотреть на вопрос пятидневки, с другой стороны. Рассмотрим преимущества и недостатки пятидневной и шестидневной учебной недели, чтобы сравнить и изучить те проблемы и трудности, которые могут возникнуть при переходе. Начнем с шестидневки. К плюсам шестидневного обучения относятся:

– первым преимуществом считается возможность эффективного и равномерного распределения учебной нагрузки и меньшее число уроков в день;

– второй плюс – это больше времени для отдыха, секций, домашнего задания, так как ребенок проводит меньше времени в школе;

– третье преимущество заключается в том, что объем домашнего задания не будет критичным, так как в школе есть время на разбор вопросов предмета с учителем;

– четвертый плюс касается учебы в субботу, в этот день не ставится больше 4 уроков и они сокращены, а значит, ребенок не поздно придет домой и у него есть достаточно времени на отдых;

– пятое преимущество – психологическое, в субботу дети свободны от школьной формы, что помогает расслабиться им еще и эмоционально;

– шестой плюс заключается в том, что гимназии, лицеи и спецшколы могут дать ученикам гораздо больше информации, имея еще и субботный день, а выпускники таких учебных заведений более конкурентоспособны после выпуска [7].

Что касается специальных учебных учреждений, переход на пятидневку лишает ребенка знаний, так как родители, отдавая своих детей в такие общеобразовательные учреждения, не имеют представления о повышенных нагрузках в них.

Как минусы шестидневки отмечены такие моменты, как: психологический аспект сложности учебы в выходной день; в субботу дети чаще прогуливают школу даже с разрешения родителей;

учителя тратят свой выходной для проверки скопившихся тетрадей.

Теперь отметим плюсы и минусы пятидневки. В пользу пятидневной недели обучения приводят следующие аргументы:

– дополнительный выходной с семьей;

– суббота может быть использована для посещения секций или кружков, тем самым освобождается вечер на буднях;

– дополнительный день отдыха способствует восстановлению сил.

Минусов у пятидневки отмечается гораздо больше, чем плюсов:

– как уже было отмечено, свободный день может быть потрачен ребенком на просиживание в интернете и играх;

– при переходе на пятидневное обучение происходит перераспределение уроков на будние дни и увеличивается число уроков;

– как следствие, увеличивается объем домашнего задания; снижается качество образования;

– при пятидневной системе обучения не могут функционировать региональные школы, так как в субботу, обычно, ставится национальная культура, язык, литература, география родного края.

Перечислив плюсы и минусы каждой из систем обучения, мы видим, что переход на пятидневную учебную неделю влечет за собой проблемы как для детей, так и для педагогов. В большинстве своем, вызваны такие проблемы перегрузками. Руководители школ вынуждены перестраивать модели образования, что является сложным организаторским аспектом.

Стихийность введения пятидневной учебной недели сильно сказалась на всех участниках школьного взаимодействия, на родителях, учителях, детях. Сложности при переходе на пятидневку возникли из-за неподготовленности школ к такой системе и неразборчивости родителей, а пострадали дети. Социологических исследований, как таковых, по проблемам введения пятидневки проведено не было, существуют лишь локальные опросы родителей и учителей, но не по проблемам, а по целесообразности введения. Хотя на законодательном уровне пятидневка не установлена, подавляющее большинство школ сейчас занимаются именно по пятидневной учебной неделе. Родители, желающие для своих детей еще один выходной, не анализировали ситуацию целиком и не представляли себе, что ребенок может пострадать от скоропостижных решений, и нагрузка на него возрастет в разы. Для преподавателей тоже появился спектр проблем:

– перегрузка и гораздо больший объем внеурочной работы;

– перераспределение учебного плана и его сокращение.

Учителю приходится сокращать объем информации и представлять ее в более сжатые сроки, поверхностно, а это означает потерю качества.

Подводя итог, необходимо очертить круг проблем, связанных с введением пятидневной учебной недели. Все трудности и проблемы можно разделить на две группы: педагогические и социальные.

К педагогическим проблемам относятся:

1. Увеличение учебной нагрузки на преподавателей и учеников.

Литература:

1. *Глебов В.В.* Психофизиологические характеристики и хемокоммуникация студентов при адаптации к учебной деятельности / В.В. Глебов, Н.А. Литвинова, А.И. Федоров. М. : РУДН, 2018. 141 с.

2. *Бондаренко Т.И.* Качество образовательных результатов или пятидневная учебная неделя, 2017. URL : https://lenschrazvilka.edumsko.ru/uploads/2000/1199/section/64366/2017/02-14/Kachestvo_obrazovatel_nyh_rezul_tatov_ili_pyatidnev_naya_uchebnaya_nedelya.pdf?1487104822346

3. Концепция структуры и содержания общего среднего образования (12-летняя школа) / Под ред. Ю.И. Дика, А.В. Хуторского // На пути к 12-летней школе: сб. науч. трудов. М. : ИОСО РАО, 2000. С. 9–20.

4. Методические рекомендации по переходу общеобразовательных организаций Московской области на пятидневную учебную неделю / Сост. В.Г. Безгубова, А.А. Моисеев, А.А. Перепелицына, В.И. Олейник; Под общ. ред. А.А. Кармаева. АСОУ, 2016. 20 с.

5. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 24 ноября 2015 г. / Санитарно - эпидемиологические требования к условиям и организации обучения, содержания в общеобразовательных организациях, 2015. № 81. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71188438/>

6. Пятидневка в школах в 2019 году. URL : <https://study2019.com/news/pyatidnevka-v-shkolah-2019>

7. Трансформация трудовых практик в условиях постсовременности / С.В. Рябцев, П.Е. Кириллов, А.Л. Кравченко. Научное мнение. 2020. № 1–2. С. 33–37.

8. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.05.2014).

9. Федеральный центр госсанэпиднадзора. URL : <http://fcgie.ru>

2. Увеличение объема домашнего задания.

3. Сокращение учебного плана.

К социальным проблемам относятся:

1. Снижение качества образования.

2. Увеличение проблем со здоровьем.

3. Обеспечение родителями развивающего досуга в дополнительный выходной день.

Literature:

1. *Glebov V.V.* Psychophysiological characteristics and chemocommunication of students during adaptation to educational activities / V.V. Glebov, N.A. Litvinova, A.I. Fedorov. M. : RUDN, 2018. 141 p.

2. *Bondarenko T.I.* The quality of educational results or a five-day academic week, 2017. URL : https://lenschrazvilka.edumsko.ru/uploads/2000/1199/section/64366/2017/02-14/Kachestvo_obrazovatel_nyh_rezul_tatov_ili_pyatidnev_naya.df?1487104822346

3. The concept of the structure and content of general secondary education (12-year school) / Ed. Yu.I. Dick, A.V. Khutorskogo // On the way to 12-year school: Sat. scientific. works. M. : IOSO RAO, 2000. P. 9–20.

4. Guidelines for the transition of educational institutions of the Moscow region to a five-day academic week / Comp. V.G. Bezgubova, A.A. Moiseev, A.A. Perepelitsyna, V.I. Oleinik; Ed. A.A. Karmaeva. ASOU, 2016. 20 p.

5. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of November 24, 2015 / Sanitary and epidemiological requirements for the conditions and organization of training, content in educational institutions, 2015. № 81. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71188438/>

6. Five days in schools in 2019. URL : <https://study2019.com/news/pyatidnevka-v-shkolah-2019/>

7. Transformation of labor practices in postmodern conditions / S.V. Ryabtsev, P.E. Kirillov, A.L. Kravchenko. Scientific opinion. 2020. № 1–2. P. 33–37.

8. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ (as amended on 05/05/2014) «On Education in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on 05/06/2014)

9. Federal Center for State Sanitary and Epidemiological Supervision. URL : <http://fcgie.ru>

10. Форум об образовании в России, СНГ и мире.
URL : <http://pedsovet.su/forum/36-11791-1>

11. Учебная нагрузка школьников при разных формах обучения Г.И. Стунеева, О.В. Казаева в кн.: Здоровье молодежи: новые вызовы и перспективы : монография : в 5 т., М., 2019. С. 309–323.

12. *Ткачук Е.К.* «Преимущества» и «недостатки» введения пятидневной учебной недели в общеобразовательные организации России / Е.К. Ткачук, Е.П. Котова // В сборнике: Вопросы образования: история, теория, практика. Сборник статей. Екатеринбург, 2016. С. 113–116.

10. Forum about education in Russia, CIS and the world. URL : <http://pedsovet.su/forum/36-11791-1>

11. The teaching load of schoolchildren in different forms of education G.I. Stuneeva, O.V. Kazaeva in the book: Youth health: new challenges and prospects : monograph : in 5 vol. M., 2019. P. 309–323.

12. *Tkachuk E.K.* «Advantages» and «disadvantages» of introducing a five-day study week in general educational organizations of Russia / E.K. Tkachuk, E.P. Kotova // In the collection: Issues of education: history, theory, practice. Digest of articles. Yekaterinburg, 2016. P. 113–116.

Колмыкова Марина Александровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Оренбургский
государственный университет
mari_kol@mail.ru

Marina A. Kolmykova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor at the Chair
of the State and Municipal Management,
Orenburg State University
mari_kol@mail.ru

**Роль корпоративной культуры
при внедрении проектного
управления в современных
организациях**

**THE ROLE OF CORPORATE
CULTURE IN IMPLEMENTING
OF PROJECT MANAGEMENT
IN MODERN ORGANIZATIONS**

Аннотация. Интерес к изучению корпоративной культуры остается актуальным на протяжении многих лет, на современном этапе важным фактором эффективности деловых организаций является уровень проектного управления, где корпоративная культура становится не просто инструментом внутренней интеграции, а формирует идеологию организации. В статье предлагается рассмотреть роль корпоративной культуры в повышении эффективности реализации проектного управления в современных организациях. Упор делается на противоречии: формируется ли новая корпоративная культура для предприятий проектного типа и как происходит трансформация норм, ценностей, образцов поведения в новых условиях. Делается вывод о том, что создавать «новую» культуру организации проще, чем менять существующую.

Annotation. Interest in the study of corporate culture has remained relevant for many years, at the present stage an important factor in the effectiveness of business organizations is the level of project management, where corporate culture becomes not just a tool of internal integration, but forms the ideology of the organization. The article offers to consider the role of corporate culture in enhancing the effectiveness of project management in modern organizations. The focus is on the contradiction: is there formed new corporate culture for project-type enterprises; how rules, values and behaviors change in the new environment. The conclusion is that creating a «new» culture of the organization is easier than changing existing culture.

Ключевые слова: корпоративная культура, проектное управление, мотивация, проектная культура, организации проектного типа, проектный офис, ценности и нормы поведения.

Keywords: corporate culture, project management, motivation, strategic objectives, project-type organizations, project office, values and rules of behavior.

Интерес к изучению корпоративной культуры остается актуальным на протяжении многих лет. На современном этапе важным фактором эффективности деловых организаций является уровень проектного управления, где корпоративная культура становится не просто инструментом внутренней интеграции, а формирует идеологию организации. При выстраивании качественной структуры проектного управления ракурс смещается с ежедневного выполнения функций, которые прописаны трудовым договором и должностной инструкцией, на конечные результаты командной работы. Сейчас можно найти множество работ, в которых рассматриваются вопросы важности применения проектного управления в организациях. Однако научных работ, посвященных вопросам культуры организации внутри проектных групп и ее влияния на результат сплоченной работы, достаточно мало.

необходимо ответить на главные вопросы: «Может ли корпоративная культура помочь в трансформации организации к «проектному типу»?» и «Как происходит изменение норм, ценностей, образцов поведения в организации, внедряющих проектное управление?». Именно это мы постараемся рассмотреть в данной статье на основе теоретических подходов и мнения авторов, которые, в свою очередь, ссылаются на практические знания и опыт крупных компаний и органов власти.

Целью данной статьи является рассмотрение теоретических подходов к пониманию роли корпоративной культуры в повышении эффективности реализации проектного управления в деятельности организации.

Рассматривая вопрос взаимодействия корпоративной культуры и проектного управления,

Обратимся к исследованию Г.М. Бердыкуловой, где она, ссылаясь на опрос, проведенный компанией Blu-Prints Южной Африки в 2009 году, подтвердила тезис о том, что корпоративную

культуру можно рассматривать как важный компонент эффективности деятельности организации. Опрос показал, что в некоторых организациях культура поощряет реализацию целей, следовательно, это способствует, в том числе, успешности реализации проектов. В этой среде используемая структура управления проектом играет даже меньшую роль в успехе проекта, чем культурные традиции, образцы и нормы поведения, которые способствуют эффективному общению, совместной работе над проектом, обучению и развитию участников проектной деятельности [1].

Е.Н. Гладкая отмечает, что управление проектами вызывает сегодня наибольший интерес у руководителей и специалистов во всех сферах деятельности предприятий, в том числе, как одна из форм мотивации персонала для карьерного роста. Автор утверждает, что, если в компании нет понимания культуры управления проектами, то обучение отдельных специалистов ничего не даст с точки зрения развития организации, в целом. Под культурой проекта ею предлагается понимать развитое на должном уровне управление всей совокупностью проектов и адекватная атмосфера, позволяющая сделать управление проектами успешным.

Кроме того, Е.Н. Гладких пытается ответить на вопрос: «Что заставляет организации меняться?», и выделяет несколько факторов, как внешних, так и внутренних, таких как, стремление изменить культуру организации, отношение к этому коллектива, ориентированность на результат, развитие организации [2].

Практическим опытом реализации проектного управления делится в своей статье Е.А. Выходцева, которая утверждает, что любые организационные изменения без осознанной поддержки персонала обречены на провал, качественным инструментом, позволяющим внедрять инновационные ценности и новые организационные нормы, является корпоративная культура. Автор, имея опыт организационного консультирования и разработки проектов, утверждает, что процесс формирования корпоративной культуры имеет ярко выраженные черты проекта [3].

Л.А. Истигечева, утверждает, что формирование корпоративной культуры проектного типа связано с формированием особого набора структурных элементов, позволяющих добиться максимальных результатов в рамках конкретного проекта или серии проектов [4].

Интерес представляет исследование С.В. Перминовой и С.С. Гутман, которые проводят обстоятельный сравнительный анализ всех элементов культуры, проектно-ориентированной и не проектно-ориентированной компаний. В результате делаются выводы о том, что культуру проектно-ориентированной компании характеризуют специфические ценности и нормы, образцы поведения, традиции и верования. Кроме того, авторы отмечают, что в развитых странах проектный подход к ведению бизнеса рассматривается как само собой разумеющееся. Соответственно, и

культура таких организаций представляет собой совокупность совершенно других правил и норм, образцов поведения и традиций, которые разделяются членами трудового коллектива и восприимчивы на уровне идеологии [5]. Не случайно в управленческой науке появляется такое понятие, как «проектное мышление», которое, по сути, присуще далеко не каждому. Поэтому можно утверждать, что в российской действительности, если предприятие выбирает путь проектного управления, ему придется столкнуться с множеством барьеров и отторжений в силу того, что люди привыкли работать «по-другому».

На примере корпорации Intel в России можно рассмотреть некоторые факторы, которые и определяют организацию как проектно-ориентированную, а именно мотивацию членов проектных команд. В статье О.С. Гапоновой, Е.В. Закаблукского и И.А. Коршунова выделяются факторы сформированности эффективной системы мотивации проектной команды, в которой грамотно сочетаются элементы внутренней и внешней мотивационных структур индивидуумов. Это неудивительно, ведь для корпорации, работающей в сфере инноваций, вполне ожидаемо, что используются специфические подходы к управлению персоналом [6]. Авторы в ней отмечают, что на этапе формирования инновационного проекта они уделяют особое внимание именно двум аспектам:

– во-первых, формированию команды руководителей проектов;

– во-вторых, формированию такой культуры управления проектом, которая могла быть инструментом качественных преобразований.

По мнению авторов данной статьи, именно сильная и прогрессивная корпоративная культура способна вовлекать и удерживать инициативных, перспективных, настроенных на карьеру и самосовершенствование работников. Нам очень близка подобная точка зрения, поскольку проектное мышление, как мы сказали выше, свойственно далеко не всем работникам, а, тем более, инициативные и перспективные работники, способные работать в команде проекта, должны быть главным приоритетом в деятельности организации, ориентированных на результат. В этом и проявляется «проектная идеология», на которой базируются организации «нового типа».

Если говорить о сущности и соотношении понятий «культура» и «проект», то необходимо отметить, что проект полностью соответствует признакам организационной системы и, как в любой устойчивой организационной системе, в проекте также формируется уникальная социокультурная среда – культура проекта. В данном случае организационная культура проекта должна выступать инструментом, позволяющим мотивировать команду проекта, способствовать достижению общих целей, развивающим инициативу и ответственность сотрудников и т.д. [7].

На современном этапе развития проектного управления мы сталкиваемся с таким понятием,

как «проектный офис», который представляет собой новое, интересное и в полной мере пока еще не до конца изученное явление практического управления проектами, но набирающее популярность. Помочь в понимании сущности данного явления могут С.А. Титов и Н.А. Новикова, которые отмечают, что офис проектов занимается лишь вопросами разработки и развития процессов и инструментов управления проектами, внедрением специальных инструментов, обучением команд проектов, проведением различных тренингов [8]. В каждом конкретном случае проектные офисы могут решать разнообразный набор задач, занимать различное положение в организационной структуре организации, однако, они представляют собой уникальное культурное явление как носители и создатели проектной культуры.

Проводя анализ существующих работ, посвященных проектному управлению, можно сделать вывод о том, что большинство из них анализирует опыт внедрения подобного управления в деловых организациях. Вместе с тем, реализация огромного количества проектов присуща и органам государственной власти. Отметим, что в государственных структурах имеет место более жесткий и непрерывный контроль достижения результатов проекта на всех этапах – от разработки до реализации. Так, О.В. Леонова, отмечает, что внедрение проектного подхода к деятельности в органах государственной власти включает в себя формирование не только единой проектной культуры, но и наличие у работников, вовлеченных в проектную деятельность, соответствующих компетенций. Автор утверждает, что на сегодняшний день можно смело говорить о процессе формирования в органах государственной власти, так называемой, проектной культуры, которую можно охарактеризовать как совокупность норм и принципов, определяющих активность, инициативность и мотивированность государственных и муниципальных служащих к использованию проектного подхода в своей деятельности [9]. Однако мы не можем согласиться с подобным утверждением и считаем, что говорить о формировании проектной культуры среди государственных и муниципальных служащих пока преждевременно, поскольку опыт внедрения проектного управления в регионах показывает, что муниципальные образования имеют заметные трудности в этом вопросе. Нельзя отрицать, что внушительное количество целевых программ и проектов, реализуемых как на федеральном, так и региональном уровне, разрабатываются силами специалистов, имеющих статус государственных служащих. Но любая культура подразумевает общность

Литература:

1. Бердыкулова Г.М. Влияние организационной и проектной культур на успешность проекта / Г.М. Бердыкулова, А.А. Мальдебеков // Интерактивная наука. 2017. № 21. С. 102–206.
2. Гладкая Е.Н. Корпоративная культура и культура управления проектами в организации: изменения при внедрении проектного подхода //

ценностей, норм, образцов поведения, которые разделяются большинством членов трудового коллектива, и, утверждать о формировании проектной культуры в органах государственной власти пока не приходится.

Подтверждение нашего мнения можно найти в статье Е.А. Курзеновой, которая отмечает, что основное внимание в органах власти на сегодняшний день уделено формированию нормативно-правовой базы по управлению проектами. При этом отмечается, что не секрет, что в органах власти культура формируется годами и представляет собой особые правила, образцы поведения, характерные для конкретной профессиональной группы, принципы взаимодействия, как по горизонтали, так и по вертикали. Безусловно, культура любой организации может трансформироваться под воздействием управленческих воздействий, но это требует времени [10].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, культура традиционных организаций и предприятий «проектного типа» существенно отличается друг от друга. Культура проектно-ориентированных предприятий представляет собой совокупность совершенно других правил и норм, образцов поведения и традиций, которые разделяются членами трудового коллектива и воспринимаются на уровне идеологии.

Во-вторых, считаем, что «новая» идеология может быть сформирована только на основе проектного мышления персонала, которое свойственно далеко не каждому. Инициативные, ответственные работники, способные работать в команде проекта, должны быть главным приоритетом в деятельности организаций, ориентированных на результат. В этом и проявляется «проектная идеология», на которой базируются организации «нового типа».

В-третьих, только сильная и прогрессивная корпоративная культура, способная сплотить в единое целое инициативных, перспективных, настроенных на карьеру и самосовершенствование работников, может быть эффективным инструментом в процессе внедрения проектного управления в любой организации. Изменение норм, ценностей, образцов поведения в организации, внедряющих проектное управление, возможно только благодаря грамотной деятельности лидера организации, являющегося носителем высокой управленческой культуры.

Literature:

1. Berdykulova G.M. Influence of organizational and project cultures on project success / G.M. Berdykulova, A.A. Maldebekov // Interactive science. 2017. № 21. P. 102–206.
2. Gladkaya E.N. Corporative culture and the project management culture in organization: changes appearing during implementing project approach //

Управление проектами и развитие производства. 2008. № 4(28). С. 154–157.

3. *Выходцева Е.А.* Проектное управление формированием корпоративной культуры // Вестник ГУУ. 2014. № 1. С. 188–195.

4. *Истигечева Л.А.* Корпоративная культура проектного типа как фактор повышения эффективности организации в рамках реализации целей проектного управления. URL : http://journal.safbd.ru/ru/issues/2016-no6-119-noyabr-dekabr_article_57-59 (дата обращения 28.11.2020).

5. *Перминова С.В.* Культура в проектно-ориентированной компании / С.В. Перминова, С.С. Гутман // Общество: философия, история, культура. 2014. № 3. С. 34–37.

6. *Гапонова О.С.* Элементы корпоративной культуры как мотивационный аспект формирования команды инновационного проекта (на примере корпорации Intel в России) / О.С. Гапонова, Е.В. Закаблукровский, И.А. Коршунов // Инновации. 2012. № 6(164). С. 113–121.

7. *Выходцева Е.А.* Особенности проектной культуры в контексте жизненного цикла проекта / Е.А. Выходцева, Н.Г. Малышкин // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2013. № 31. С. 142–149.

8. *Титов С.А.* Проектные офисы как элемент корпоративной системы управления проектами: анализ и классификация / С.А. Титов, Н.А. Новикова // Вестник ГУУ. 2014. № 14. С. 251–258.

9. *Леонова О.В.* Трансформация управленческой культуры в государственном секторе в условиях внедрения проектного управления // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 2. С. 167–175.

10. *Курзенева Е.А.* Проектное управление как часть корпоративной культуры муниципального образования / Е.А. Курзенева, Е.С. Краснопевцева, О.М. Трофимова // Вопросы управления. 2020. № 1(62). С. 123–131.

Project management and production development. 2008. № 4(28). P. 154–157.

3. *Vykhodtseva E.A.* Project management of corporate culture formation // Vestnik GUU. 2014. № 1. P. 188–195.

4. *Istigheva L.A.* Corporate culture of a project type as a factor in increasing the efficiency of an organization within the framework of implementing the goals of project management. URL : http://journal.safbd.ru/ru/issues/2016-no6-119-noyabr-dekabr_article_57-59 (date of application 28.11.2020)

5. *Perminova S.V.* Culture in the project-oriented company / S.V. Perminova, S.S. Gutman // Society: philosophy, history, culture. 2014. № 3. P. 34–37.

6. *Gaponova O.S.* Elements of corporate culture as a motivational aspect of forming an innovative project team (on the example of Intel Corporation in Russia) / O.S. Gaponova, E.V. Zakablukovskiy, I.A. Korshunov // Innovations. 2012. № 6(164). P. 113–121.

7. *Vykhodtseva E.A.* Features of project culture in the context of life cycle / E.A. Vykhodtseva, N.G. Malyshevskiy // Economics and modern management: theory and practice. 2013. № 31. P. 142–149.

8. *Titov S.A.* Project offices as an element of corporate project management system: analysis and classification / S.A. Titov, N.A. Novikova // GUU Bulletin. 2014. № 14. P. 251–258.

9. *Leonova O.V.* Transformation of the management culture in the public sector in terms of implementation of project management // Central Russian Journal of Social Sciences. 2017. № 2. P. 167–175.

10. *Kurzeneva E.A.* Project management as part of the corporate culture of the municipality / E.A. Kurzeneva, E.S. Krasnopevtseva, O.M. Trofimova // Management issues. 2020. № 1(62). P. 123–131.

Константинова Александра Георгиевна

старший преподаватель
кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Дмитровский рыбохозяйственный
технологический институт (филиал)
Астраханского государственного
технического университета
Konstantinova@mail.ru

**РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ
СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА**

■ ■ ■

Аннотация. Актуальность. Статистические показатели учёта демографического потенциала территориального пространства – важная категория экономического, социального и статистического учёта, которые обеспечивают количественно измеримые показатели, являющиеся отправной точкой в механизме обеспечения динамического равновесия социально – экономических систем. Научно-исследовательская работа в направлении совершенствования методологической базы при анализе такой сложносоставной категории, как демографический потенциал – один из актуальнейших аспектов научной картины мира. Объект исследования. Методологические подходы к формированию системы статистических показателей крупномасштабных социально-экономических систем. Предмет исследования. Методологические подходы к формированию системы статистических показателей демографического потенциала региона. Цель исследования. Заключается в детекции развития современных методологических подходов к формированию системы статистических показателей предмета исследования. Задачи исследования. Формализация форм и содержания методов формирования системы статистических показателей, параметров и критериев оценки, раскрытия содержательных, понятийных аспектов демографического потенциала базирующихся на современных, научно-обоснованных методах познания реальности. Методология исследования. Используются теоретико-эвристические методы научного познания, обусловленные феноменологическими и системными принципами исследования. Результаты исследования. Выражаются в аналитическом, содержательном, дескриптивном, доскональном описании рассматриваемого предмета исследования.

Alexandra G. Konstantinova

Senior lecturer of the Departments
of Humanitarian Affairs
and Socio-economic Disciplines,
Dmitrovsky Fisheries
Institute of Technology (branch)
Astrakhan State
Technical University
Konstantinova@mail.ru

**DEVELOPMENT OF MODERN
METHODOLOGICAL APPROACHES
TO THE FORMATION OF A SYSTEM
OF STATISTICAL INDICATORS
FOR THE ANALYSIS
OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL
OF THE REGION**

■ ■ ■

Annotation. Relevance. Statistical indicators of accounting for the demographic potential of the territorial space are the most important category of economic, social and statistical accounting, which provide quantitatively measurable indicators that are the starting point in the mechanism for ensuring the dynamic balance of socio-economic systems. Research work in the direction of improving the methodological base in the analysis of such a complex category as demographic potential is one of the most relevant aspects of the scientific picture of the world. The object of the study. Methodological approaches to the formation of a system of statistical indicators of large-scale socio-economic systems. Subject of the study. Methodological approaches to the formation of a system of statistical indicators of the demographic potential of the region. Purpose of research. It consists in detecting the development of modern methodological approaches to the formation of a system of statistical indicators of the subject of research. Objectives of the study. Formalization of forms and content of methods for forming a system of statistical indicators, parameters and evaluation criteria, disclosure of content, conceptual aspects of demographic potential based on modern, scientifically based methods of cognition of reality. The methodology of the study. Theoretical and heuristic methods of scientific cognition determined by the phenomenological and systemic principles of research are used. Results of the study. They are expressed in an analytical, informative, descriptive, thorough description of the subject under consideration.

Ключевые слова: выборка, популяция, статистический метод, социум, депопуляция, социально-экономическая система, результативный признак.

Keywords: sample, population, statistical method, society, depopulation, socio-economic system, effective feature.

Введение. Демографический потенциал региона – сложносоставная категория характеризующая состояние социально-экономической системы по пространственному признаку. Само понятие «потенциал» предполагает наличие необходимых свойств и возможностей для реализации имеющихся ресурсов, которые не освоены в текущий момент, но могут быть задействованы в будущем. Формирование статистических показателей в свою очередь представляет методическую сложность вследствие многообразия форм и содержания понятия «демографический потенциал», который предполагает как качест-

венную, так и количественную оценку. Отсюда необходимо детектировать как методологические подходы к форме и содержанию понятия «демографический потенциал», так и методологические подходы к формированию системы статистических показателей.

Основная часть. Как уже было сказано необходимо детектировать для целей исследования методологические подходы к понятию «демографический потенциал», для этого воспользуемся данными [4] и сведём показатели в сводную таблицу 1.

Таблица 1

Основные подходы к оценке демографического потенциала по пространственному признаку, по данным [4]

№ п/п	Методологические подходы
Количественно измеримые	
1	У. Петти, А. Маршалл, Дж. Кейнс: Демографический потенциал рассматривается как изменение количества ресурса, под ресурсом понимается население во фрейме социального и территориального пространства
2	В. Лексис, С.А. Новосельский, М.В. Птуха, Р. Пресса, Ю.А. Корчак-Чепурковский, Б.Ц. Урланис, В.И. Медков, А.Г. Волков, А.И. Кузьмин: Дескриптивная демография (описательная) – основной упор делается на количественно измеримые показатели численности, рождаемости, смертности, структуры социальных групп, географической принадлежности и распределения и т.п.
3	Л.Е. Дарский, А.Г. Волков, Э.К. Васильева: Демографический потенциал рассматривается с позиции воспроизводства и создания устойчивых пар, а именно её оптимальной структуры (соотношения внутри социума)
4	Э. Фильрозе, Ж. Буржуа-Пиша, Э. Херш: Демографический потенциал рассматривается с позиции прироста/убыли населения, то есть продолжительности жизненного цикла, используется в демографических таблицах ООН [3]
5	С.С. Сулакшин, У. Томпсон: Демографический потенциал рассматривается, через индекс жизнениости или живучесть индивидов в социуме
6	Э. Коул: Демографический потенциал рассматривается как показатели совокупной рождаемости, рождаемости в браке и вне брака
7	В.А. Борисов: Демографический потенциал рассматривается через соотношение элементов брачно – возрастной структуры социума или ГМЕР (термин введён В.А. Борисовым) [1] – гипотетический минимум естественной рождаемости
8	М.В. Птуха, А.Б. Синельников: Демографический потенциал рассматривается через коэффициент брачности на 1000 индивидов социума или т.н. потенциал брачности [2]
9	Ж. Бертильон, Л.Л. Рыбаковский, В.Н. Архангельский: Демографический потенциал рассматривается через показатели сокращения численности населения, т.н. потенциал депопуляции [5]
Качественно измеримые	
1	Т.Р. Мальтус, К. Маркс, А. Ландри, А. Сови, А.Я. Боярский, А.Я. Кваша: Демографический потенциал рассматривается как оптимальный критерий воспроизводства населения или демографический оптимум
2	А.Г. Вишневский, С. Захаров, Ж.А. Зайнчковская, Н.Н. Козлова: демографический потенциал рассматривается через свойство сложных систем – гомеостаза, то есть как среда способная к саморегуляции
3	Л.Е. Дарский, К. Дэвис, В.А. Борисов, А.И. Антонов, А.А. Петраков, В.Н. Архангельский, Т. Комбарова, А.В. Узик, И. Айзенк: демографический потенциал рассматривается через ценностно-ориентированный подход (аксиологический), то есть аксиологический фактор рассматривается как ключевой в демографическом процессе
4	Е.И. Холостова, И.И. Брехман, Т.С. Еремеева: Демографический потенциал рассматривается через социально – педагогические аспекты формирования социальной системы, т.н. валеологический подход
5	М. де Бовуар, Л.С. Шилова, И.Е. Калабихина, Л.Ю. Иванова: Демографический потенциал рассматривается как совокупность гендерных факторов, т.н. гендерный подход
6	П. Бурдые, Т. Шульц, Ф.Тейлор, Дж. Кларк, Э. Мейо, А. Маслоу, Д. МакГрегор, Г. Беккер, Дж. Минцер, А. Хансен, Б. Вейсброд, А.А. Саградов: Демографический потенциал рассматривается через междисциплинарное понятие – человеческий капитал, соответственно его возможное изменение характеризует изменение демографического потенциала

Таким образом, из таблицы 1 мы можем наглядно увидеть многообразие и содержательную сложность такого явления, как демографический потенциал. Многообразие методологических подходов к оценке демографического потенциала в

свою очередь порождает требования разнообразия к формированию системы показателей статистического учёта данных, следует рассмотреть существующие подходы в этой области, чтобы дескриптивно отразить развитие методоло-

гических подходов к системе статистического учёта.

1. Корреляционный анализ – исследует стохастическую связь между показателями и характеристиками системы, как изменение одного показателя влияет на изменение другого показателя, очевидно результаты корреляционного анализа имеют вероятностный характер. При этом величины случайны и возможно дискретное проявление связи, обусловленное состоянием системы;

2. Регрессионный анализ – исследует как один фактор (результативный признак) связан с другими независимыми факторами (регрессорами). При этом факторы независимы и также как в предыдущем случае, возможно дискретное проявление связи, обусловленное состоянием системы;

3. Канонический анализ – представляет собой форму множественного корреляционного анализа, в которой рассматривается как группы факторов объединённых по однородному признаку взаимосвязана с другой группой факторов;

4. Метод сравнения средних – Один из способов детекции зависимости между случайными факторами, где в качестве базы оценки принимается средняя величина по анализируемой совокупности. Если анализируемую совокупность при помощи предиктора (независимого фактора) разделить на менее масштабные совокупности и при этом будет подтверждена гипотеза о неравенстве средних величин результативного признака в этих совокупностях, то очевидно наличие стохастической связи между предиктором и результативным признаком;

5. Частотный анализ – представляет из себя формирование таблиц частот, в которых мы можем увидеть, как результативный признак распределён на числовом интервале значений или как совокупности распределены по генеральной совокупности, далее объединяя таблицы (кросстабуляция) по критерию – единственного значения в ячейке таблицы мы охарактеризуем как частота наблюдаемого фактора связана с результативным показателем;

Литература:

1. Гипотетический минимум естественной рождаемости. URL : <http://demographia.ru/node/168>, свободный (дата обращения 15.12.2020).
2. Потенциал брачности. URL : <http://demographia.ru/node/609>, свободный (дата обращения 15.12.2020).
3. Организация Объединённых Наций. URL : <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/population/>, свободный (дата обращения 15.12.2020).
4. Основные подходы к оценке демографического потенциала территории. URL : <https://>

6. Анализ соответствий – множественная форма частотного анализа, в частотном анализе применяются простые таблицы одноходовые, в анализе соответствий многоходовые;

7. Кластерный анализ – это вид анализа, при котором формируются т.н. кластеры (группы), по одному или нескольким признакам (например пол, возраст, доход), используется при большом массиве данных и при значительном количестве характерных признаков;

8. Дискриминантный анализ – вид многомерного анализа (количество признаков может быть каким угодно), при котором выделяется некая категориальная переменная, которая определяет некое общее свойство принадлежности анализируемого фактора к той или иной группе;

9. Факторный анализ – в отличие от предыдущих методов анализа, факторный анализ определяет принадлежность, взаимосвязь отдельного фактора остальных переменных в выборке;

10. Метод группировок – важней метод статистического анализа, который позволяет сгруппировать наблюдаемые явления в отдельную группу по типу структуры, раскрыть взаимосвязь и установить общую закономерность между различными явлениями общественной жизни. Обычно используют три вида группировок: 1. по типу (типологические); 2. по структуре (структурные); 3. по содержанию (аналитические).

Таким образом, в нашем исследовании мы выделили 15 методологических подходов к оценке демографического потенциала региона (9 количественных и 6 качественных) и 10 методов статистического анализа для целей формирования статистических показателей при анализе демографического потенциала региона.

Выводы. Как уже было сказано ранее, демографический потенциал сложносоставное явление, требующее для объективного дескриптивного описания различных методов и подходов к формированию содержания понятия и статистическому анализу. В данном исследовании мы наиболее полно постарались детектировать все многообразные варианты явления.

Literature:

1. Hypothetical minimum of natural fertility. URL : <http://demographia.ru/node/168>, free (date of application 15.12.2020).
2. Potential of marriage. URL : <http://demographia.ru/node/609>, free (date of application 15.12.2020).
3. United Nations Organization. URL : <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/population/>, free (date of application 15.12.2020).
4. Main approaches to the assessment of the demographic potential of the territory. URL : <https://>

elar.ufr.ru/bitstream/10995/47257/1/kuz-978-5-744-4-3666-72.pdf, свободный (дата обращения 15.12.2020).

5. Bertillon Jacques. Le problème de la depopulation. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k814944.pdf>, свободный (date of application 15.12.2020).

elar.ufr.ru/bitstream/10995/47257/1/kuz-978-5-744-4-3666-72.pdf, free (date of application 15.12.2020);

5. Bertillon Jacques. Le problème de la depopulation. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k814944.pdf>, свободный (date of application 15.12.2020).

Коркия Эка Демуриевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
коммуникативных систем
социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ekakorkiya@mail.ru

Eka D. Korkiya

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology Communication Systems
Sociological Faculty,
Lomonosov Moscow State University
ekakorkiya@mail.ru

ОДИНОЧЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Представленная научная статья посвящена феномену культурного одиночества, являющимся одним из видов одиночества. Проблема одиночества имеет ярко выраженную особенность, обусловленную культурной спецификой. Автор подчеркивает, что широкое распространение феномена одиночества приводит к утрате идентичности человека, размыванию его ценностной мотивации, а значит, препятствует выстраиванию стратегий личностного и культурного развития. Понимание причин и условий возникновения культурного одиночества позволяет выработать оптимальные стратегии по преодолению и предупреждению данного феномена, что обуславливает своевременность культурологического исследования.

Ключевые слова: одиночество, социальная девиация, культурные системы, жизненный мир, социальная изоляция, традиции, культурное одиночество.

Изучение феномена одиночества приходится на 30–80-е гг. XX в. на Западе и 90-е гг. XX в. в России. Актуальность и своевременность проблемы одиночества признают многие известные ученые. Приоритетной областью анализа данной проблемы некоторые специалисты выделяют оценку людьми социальной реальности и ее влияния на дальнейшее поведение и взаимодействие между индивидами. При неполном совпадении личности с системой, коллективом и осознания возможности создания частного мира, у индивида возникает чувство одиночества, которое в дальнейшем может привести к социальной девиации [3, с. 39].

Особенностью одиночества является то, что практически каждый человек переживал данное чувство в различные периоды своей жизни [4, с. 19–23]. При том, что данное явление достаточно распространенное и принимает различные формы, имеет различную силу воздействия на индивида, существуют некоторые трудности в процессе научного исследования.

LONELINESS AS A SUBJECT OF SOCIOCULTURAL RESEARCH

Annotation. The presented scientific article is devoted to the phenomenon of cultural loneliness, which is one of the types of loneliness. The problem of loneliness has a distinct cultural specificity. The author emphasized that the widespread occurrence of the phenomenon of loneliness leads to the loss of a person's identity, erosion of his value motivation, and therefore, prevents the formation of strategies for personal and cultural development. Understanding the reasons and conditions for the emergence of cultural loneliness allows you to develop optimal strategies to overcome and prevent this phenomenon, which determines the timeliness of cultural research.

Keywords: loneliness, social deviation, cultural systems, life world, social isolation, traditions, cultural loneliness.

Феномен одиночества был изучен во многих культурных системах, но наиболее подробно рассмотрен в контексте западного (европейского) мира.

Анализ различных исследований по вопросу одиночества демонстрирует то, что данное явление непосредственно связано с развитием личности, может негативно отразиться на социализации и индивидуализации личности, вызывает социальный дискомфорт [1, с. 28].

В соответствии с социокультурным и культурологическим подходами, весь процесс жизнедеятельности индивида проходит в рамках «жизненного мира», который представляет собой события, явления, влияющие на восприятие человеком себя и общества.

«Жизненный мир личности – это интенциональная структурированная сетка, устанавливающая всеобъемлющие рамки, внутри которых события становятся значимыми. Концепция интенциональности рассматривает жизненный мир личности как мир, имеющий плюралистическую

структуру. Плюрализм раскрывает основные экзистенциальные возможности, следуя которым человек может ориентироваться в своей жизни».

Интерес к проблеме одиночества и отчуждения объясняется характером сегодняшней социальной ситуации, которая выражается в нестабильности и неопределенности. Так, постоянные изменения, происходящие в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни общества заметно влияют на структуру не только самосознания индивида, но и на его межличностные отношения.

Понимание одиночества американскими социологами Уильям А. Садлером и Томас Б. Джонсоном находится в контексте «жизненного мира» индивида, направленного на осуществление основных экзистенциальных параметров. Культура личности формирует у человека определенные ценности и убеждения, помогает воспринимать свои эмоциональные реакции и определяет смысл его бытия [5, с. 70]. Уильям А. Садлер и Томас Б. Джонсон обращают свое внимание на следующий факт: «Многие люди испытывают наиболее мучительное состояние одиночества не в физической изолированности, а как раз в центре группы, в кругу семьи, в обществе близких друзей» [5, с. 90–93].

Так, несовпадение культурных ценностей, нравственных идеалов, традиций, восприятия окружающего мира у индивидов приводит к отчуждению, социальной изоляции.

В условиях современного мегаполиса, человек может испытывать культурное одиночество, которое, прежде всего, связано с его культурной идентификацией в рамках «жизненного мира». Данный вид одиночества может возникнуть как по причине внешних изменений (смена культурной среды, резкие социальные изменения), так и внутренних (смена психических установок и поведения, религиозный фактор, несовпадение ценностных ориентиров в той культуре, в которой индивид проживает).

У. Садлер и Т. Джонсон пришли к выводу о том, что: «Культурное одиночество проявляется также в малых группах, когда люди думают, что их связь с собственным культурным наследием порвана или что общепринятая культура неприемлема для их внутреннего мира. Данный тип одиночества существует в обществах, где происходят бурные социальные изменения» [5, с. 82]. Авторы рассматривают феномен одиночества как независимое от нашего желания возникающее ощущение утраченной связи с миром и окружающими индивидами, некую погруженность в самого себя, представляющее собой некую форму восприятия себя, но при этом выражающуюся в потребности социального общения.

Литература:

1. *Fahs Breanne*. Valerie Solanas. The Feminist Press, 2014.

Так, феномен культурного одиночества представляет собой глубокое эмоциональное переживание, которое способствует отчуждению, самоизоляции индивида или группы индивидов, способно исказить характер социальных действий в обществе и восприятие индивидами окружающей среды.

Предполагаемая концепция культурологической основы исследования обусловлена рядом важных причин, одной из которой является то, что под феноменом культурного одиночества понимается признак состояния общества, при котором индивид или группа индивидов переживают отсутствие культурной связи в той среде, в которой они проживают. Культурное одиночество возникает чаще всего у мигрантов, переселенцев, покидающих одну культуру и попадающих в другую – либо по своей инициативе, либо по причине жизненных обстоятельств. Но не только мигранты и переселенцы могут испытывать культурное одиночество, его могут испытывать и те люди, чьи идеалы и ценности не находят понимания в обществе [2, с. 31]. Феномен культурного одиночества влияет на мировосприятие человека, негативно сказывается и на психоэмоциональном состоянии индивида, затрудняет взаимодействие с другими людьми.

Таким образом, в рамках культурологического исследования феномен одиночества характеризуется следующим образом:

– личностный опыт переживания такого состояния, при котором индивид чувствует разрыв социальных связей, социально изолируется, испытывает нехватку в стабильном общении с другими индивидами, деструктивно влияет на его социальную жизнь;

– чувство, влияющее не только на жизненный мир индивида, но и на социум, в целом, распространяющая проблему от микроуровня одного индивида до уровня целых городов и даже стран.

Методологически оптимальным является подход, благодаря которому возможно развивать специфическое видение «социальной реальности», в котором представление об окружающем мире человека воспринимается им сквозь призму сложившихся в социуме правил, норм, традиций и стереотипов, которые, чаще всего, негативно влияют на его поведение, психологическое состояние и мировосприятие [6, с. 230].

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что само определение одиночества не имеет единой трактовки, так как меняются условия и причины возникновения данного чувства у индивидов, влияние различных исторических событий на социальную жизнь также отражаются на понимании и восприятии рассматриваемого чувства.

Literature:

1. *Fahs Breanne*. Valerie Solanas. The Feminist Press, 2014.

2. *Olds J.* The Lonely American: Drifting Apart in the Twen-ty-first Century / J. Olds, R. Schwartz. Boston : Beacon Press, 2009.

3. *Долгинова О.Б.* Изучение одиночества как психологического феномена // Практическая психология. М., 2000.

4. *Перлман Д.* Теоретические подходы к одиночеству / Д. Перлман, Л.Э. Пепло // Лабиринты одиночества. М., 2010.

5. *Садлер У.* От одиночества к аномии / У. Садлер, Т. Джонсон // Лабиринты одиночества. М., 1990.

6. *Уледова И.А.* Социальное одиночество как духовное состояние социальных субъектов. М., 2011.

2. *Olds J.* The Lonely American: Drifting Apart in the Twen-ty-first Century / J. Olds, R. Schwartz. Boston : Beacon Press, 2009.

3. *Dolginova O.B.* Study of loneliness as a psychological phenomenon // Practical Psychology. M., 2000.

4. *Perlman D.* Theoretical approaches to loneliness / D. Perlman, L.E. Peplo // Labyrinths of loneliness. M., 2010.

5. *Sadler W.* From loneliness to anomie / W. Sadler, T. Johnson // Labyrinths of loneliness. M., 1990.

6. *Uledova I.A.* Social loneliness as a spiritual state of social subjects. M., 2011.

Кривоусков Виктор Владимирович
доктор социологических наук,
президент Международной ассоциации
участников космической деятельности
milena.555@mail.ru

КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В «ЗЕРКАЛЕ» СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

Аннотация. Уровень социального доверия в обществе является индикатором его сплоченности, консолидированности и, соответственно, способности к реализации значимых для прогрессивного развития социума национальных проектов, идей, задач. Однако доверие – категория динамичная, подверженная изменению под влиянием факторов социальной среды. Российское общество постсоветского периода характеризуется устойчивой динамикой снижения институционального доверия, которая выражает кризис всей системы государственного управления России как неспособной вывести общество из затянувшегося системного кризиса. Пандемия коронавируса не только обнажила болевые зоны российской системы государственного управления, вызвав еще более высокую волну недоверия к ней. В период пандемии еще более остро встали вопросы доверия на всех уровнях социальной организации российского общества. Данная ситуация выглядит очень критично для кризисной социальной среды российского общества, а потому традиционно актуальная для российского государства проблема доверия между обществом и властью нуждается в самом глубоком социологическом изучении и диагностировании.

Ключевые слова: доверие, государственное управление, власть, управленческая эффективность, общество, институциональное доверие, кризис доверия.

Доверие в любые времена играло значимую роль в жизни общества, оказывая влияние на отдельные стороны и сферы его жизнедеятельности, а также эффективность социальной регуляции, деятельность властных и управленческих структур. Однако только в обществе современного типа доверие приобрело сверхценность, став ключевым моральным регулятором общественных отношений и механизмом социальной интеграции [1]. Произошло это потому, что утратили значимость иные моральные регуляторы, выстраивавшиеся на традициях и обычаях, в том числе связанных с религией.

Доверие тем важнее, актуальнее становится для общества, чем менее персонифицированными

Viktor V. Krivopuskov
Doctor of Sociological Sciences,
President of the International Association
Participants in Space Activities
milena.555@mail.ru

THE CRISIS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA IN THE «MIRROR» OF SOCIAL TRUST

Annotation. The level of social trust in a society is an indicator of its cohesion, consolidation, and, accordingly, the ability to implement national projects, ideas, and tasks that are significant for the progressive development of society. However, trust is a dynamic category that is subject to change under the influence of social factors. Russian society in the post-Soviet period is characterized by a steady decline in institutional trust, which expresses the crisis of the entire system of public administration in Russia as unable to lead society out of the prolonged systemic crisis. The coronavirus pandemic has not only exposed the pain zones of the Russian public administration system, causing an even higher wave of distrust in it. During the pandemic, issues of trust at all levels of the social organization of Russian society have become even more acute. This situation looks very critical for the crisis social environment of Russian society, and therefore the problem of trust between society and the government, which is traditionally relevant for the Russian state, needs the most in-depth sociological study and diagnosis.

Keywords: trust, public administration, power, managerial efficiency, society, institutional trust, crisis of trust.

становятся отношения, чем более сложным становится само общество, переходя от режима межличностных коммуникаций как доминантных к абстрактным, институционализированным. И в этой связи, общество не может не заботиться об укреплении доверия на различных уровнях социальной организации, если оно хочет прогрессивно развиваться, ибо доверие стало важнейшим условием целостности любого социума и механизмом его социальной консолидации [2]. И поэтому можно смело утверждать, что доверие как социальный феномен выступает не столько проблемой личного плана, сколько общественного. Следовательно, открывается широкое поле возможностей социологического изучения данного явления, которое, будучи детерминированным

социокультурной динамикой общества, само оказывает немаловажное воздействие на его развитие.

Что же мы видим в современной российской реальности? Анализ работ последних лет показывает, что в научно-исследовательском дискурсе доминирует тематика, связанная со снижением уровня доверия в России и к России. Ю.А. Нисневич пишет: «Кризис доверия – это социально агрессивная среда, которая разъедает взаимосвязи между обществом и властью. Общество затягивает политическая апатия, под слоем которой накапливается социальная агрессия» [3]. С кризисом доверия связываются институциональные деформации, атомизация общества, его низкий консолидационный потенциал, разобщенность и духовно-нравственный упадок [4].

Наиболее критично выглядит динамика доверия властно-управленческим структурам и институтам в современном российском обществе. Доверие органам управления и власти в России поступательно снижалось на протяжении всего постсоветского периода, сохраняясь на высоком уровне только в отношении первого лица государства (президента), что соответствует менталитету россиян, его этатистской природе [5], а также в периоды особых исторических событий, пробуждавших и возрождавших патриотический дух в народе, а вместе с ним и доверие органам власти (присоединение Крыма в 2014 г.). В результате, доверие сместилось на микроуровень и сконцентрировалось в микромирах российских граждан.

Исследование Edelman Trust Barometer (2020 г.), охватившее 26 стран, определило Россию в ряд государств с самым низким уровнем доверия по итогам совокупной оценки доверия людей к медиа, государству, бизнесу и негосударственным организациям [6]. При этом в качестве некой константы продолжает сохраняться ситуация с уровнем доверия президенту страны В. Путину, несколько снизившимся за период пандемии, но колеблющемся в пределах 60 %, согласно данным Фонда общественного мнения на ноябрь 2020 года [7].

Неудивительно, что доверие к одному лицу и надежда на него в разрешении всех социальных проблем не приносит успеха обществу, в котором всем остальным ключевым институтам – политическим, судебным, правоохранным, медицинским уровень доверия критически низкий. Невысокий он и в отношении всего общества (так называемое обобщенное доверие). Согласно данным опроса, проведенного в 2020 году в период социальных ограничений, связанных с разгаром пандемии COVID-19, Центром исследования гражданского общества и некоммерческого сектора при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, только 26 % граждан России убеждены в том, что большинству людей можно доверять, в то время как 67 % опрошенных считают, что следует соблюдать осторожность в отношениях с людьми [8].

Собственно, такая картина сформировалась в российском обществе задолго до пандемии, что говорит о системном кризисе доверия в

обществе, своими корнями уходящем в события распада СССР, разгула коррупции, падение доходов населения, рост бедности и социальной поляризации, и т.д. И рост доверия к государственным организациям, структурам и органам управления невозможен в подобных реалиях, а, между тем, именно таким образом происходило развитие современных развитых стран – через поступательный рост доверия между властью и обществом, который обеспечивался за счет эффективную деятельность базовых социальных институтов, обеспечивающих защиту интересов, прав и жизни населения (власть, суд, здравоохранение, полиция, бизнес и т.д.).

На конец лета 2020 года лидерами внушительного недоверия со стороны российского населения, согласно данным социологического опроса Левада-Центра, стали именно эти социальные институты, а именно: политические представительские структуры власти (Госдума, Совет Федерации и т.д.), правоохранные и судебные органы, все финансовые институты (банки, крупный бизнес), местная и региональная власть, профсоюзы [9]. Только три социальных института на современный день пользуются доверием среди россиян: вооруженные силы РФ, президент и органы госбезопасности, и нетрудно предположить, что кризисное состояние российского общества при такой картине массового восприятия и отношения к институтам социальной и политической системы социума обещает быть долговременным.

Волна недоверия к органам государственной власти в России поднялась с особенной силой в период пандемии, когда со всей очевидностью обозначилась низкая эффективность власти, не сумевшей справиться с пандемической ситуацией и предотвратить масштаб разрушений на самых важных институциональных участках общественного организма – в образовании, экономике, медицине и здравоохранении. Общество, которое и так уже можно было назвать обществом всеобщего недоверия, с еще большей силой погрузилось в пучину недоверия и агрессии.

Особенно волнует граждан страны рост агрессивности в обществе, но к этому приводят сами реалии, созданные российским правительством, которое за последнее время приняло ряд непопулярных, крайне негативно воспринятых населением решений, выразившихся в повышении пенсионного возраста, росте ставки НДС, стоимости автомобильного топлива, что не только агрессивно настроило россиян, но и вызвало снижение уровня социального оптимизма (только четверть россиян смотрят позитивно в будущее, веря в то, что через год их семья улучшит уровень своего благополучия, будет жить лучше [10]).

Неудивительно, что при такой политике государства, которая не могла быть иначе воспринята как ошибочная, неправильная, сама власть стала объектом агрессивного отношения со стороны населения. Но если раньше низкий уровень доверия населения власти сочетался с достаточно спокойным отношением к ней, то в современных условиях это недоверие усугубляется ростом агрессивности к власти [11].

В целом, согласно данным опроса Online Market Intelligence (OMI) и центра социального проектирования «Платформа», за время пандемии уровень доверия к институтам государства и веры в помощь с его стороны в трудную минуту снизились у 61 % жителей России, а у 43 % снизилось доверие к системе здравоохранения [12], что напрямую связано с работой органов государственного управления и также повлияло на доверие им.

Как видим, высокая социальная и научная актуальность проблемы доверия как важнейшего ресурса эффективного управления обществом на всех уровнях социальной организации вряд ли вызывает вопросы. При этом следует учитывать, что доверие характеризуется многоуровневым характером. Целесообразно за основу взять трехуровневую структуру доверия, характеризующую особенности доверия на межличностном, межгрупповом и институциональном уровне. Аналогичный смысл вложен в трехуровневую структуру доверия, предложенную П. Штомпкой, выделившим межличностное, общественное и публичное доверие [13].

Совершенно очевидно, что доверие выполняет важнейшие социальные функции, среди которых ученые выделяют следующие:

- функцию поддержания устойчивости и интегрированности общества;
- функцию упорядочивания и уравнивания социальных и культурных разнообразий;
- конструировании вертикальных общественных отношений [14].

С учетом многоуровневого и многоаспектного характера доверия, а также, его функциональной специфики под доверием, с нашей точки зрения, следует понимать форму социальных отношений, характеризующую матрицу социальных взаимодействий на межличностном, межгрупповом и институциональном уровнях и создающую основу для накопления социального капитала и консолидации общества.

Социологический уровень измерения доверия в обществе предполагает выделение определенных индикаторов, которые в зависимости от измеряемого уровня (микро-, мезо- или макро) будут иметь свою специфику. Так, критерии измерения доверия на микроуровне содержат в себе показатели характера межличностных отношений в обществе (доверие к людям вообще, доверие близким и родным, друзьям и коллегам). И в этом

Литература:

1. *Веселов Ю.В.* Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 11.
2. *Смирнов А.И.* Факторы формирования доверия к российской армии // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 100.

случае исследователю необходимо будет обратиться к изучению семейных, дружеских, профессиональных и иных связей, структур, отношений в координатах коммуникативных особенностей.

На мезоуровне (групповом) измерения уровня доверия осуществляется посредством исследования особенностей межгруппового взаимодействия. В этом случае для исследователя играет важное значение характер межэтнических, межпоколенческих, коллегальных, межорганизационных отношений.

На макроуровне доверие предстает как социальное доверие, что предполагает его измерение через оценку населением деятельности тех или иных общественных институтов и структур с позиций их соответствия функциональным, нормативным и ценностным императивам, заложенным в основе каждого из социальных институтов и структур, ответственных за социальное развитие общества и его благополучие. Традиционно социологи обращаются к измерению отношения населения к органам власти и ключевым социальным институтам – суда, политики, экономики, образования, права, армии и т.д. Их позитивное восприятие с соответствующим высоким доверием закладывает фундамент на согласованное взаимодействие общества и власти, поскольку отражает, в целом, положительную оценку государственного управления социальной сферой и базовыми общественными институтами.

Иными словами, проблема доверия самым непосредственным образом связана с реалиями и перспективами общественного развития в координатах стабилизационных и интеграционных процессов [15], крайне необходимых для устойчивого и прогрессивного развития любого общества. Для российского общества это особенно актуально в силу кризиса социальной консолидации и солидарности [16], и этот кризис необходимо преодолеть, так как расколотое и агрессивно настроенное общество не сможет выйти на новые рубежи своего развития. Начинать надо, конечно же, с доверия, восстановление которого в такой кризисной социальной среде весьма проблематично. Для этого потребуются комплексное решение целого ряда социальных проблем, связанных с реорганизацией работы ключевых социальных институтов, с которыми ассоциируется социальная справедливость и равенство – это, прежде всего, суд, здравоохранение, образование, государственное управление и ряд других, отвечающих за достойный уровень и качество жизни населения.

Literature:

1. *Veselov Yu.V.* Trust and justice: Moral foundations of modern economic society. M. : Aspect Press, 2011. P. 11.
2. *Smirnov A.I.* Factors of forming trust in the Russian army // Sociological research. 2009. № 12. P. 100.

3. *Нисневич Ю.А.* Кризис доверия как доминантный для России социально-политический фактор (ИНИОН). URL : <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/mgpruvjeg/direct/67914639>
4. *Хватова М.Б.* Утрата доверия как показатель нравственного кризиса // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 2. С. 171–175.
5. *Лубский А.В.* Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России / А.В. Лубский, Р.А. Лубский // Гуманитарий Юга России. 2013. Т. 0. № 3. С. 90–103.
6. *Савина О.* Вопрос доверия: почему россияне никому не доверяют и чем это грозит экономике? URL : <https://polit.ru/article/2020/12/01/doverie2020>
7. Владимир Путин: оценки работы, отношение. URL : https://fom.ru/posts/10946#tab_02
8. Изменилось ли доверие в российском обществе во время пандемии? URL : <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/izmenilos-li-doverie-v-rossiyskom-obshchestve-vo-vremya-pandemii-20200524-13000>
9. Доверие институтам. URL : <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam>
10. Россияне встревожены ростом агрессии в обществе. URL : <https://newsland.com/community/4765/content/rossiiane-vstrevozheny-rostom-agressii-v-obshchestve/6572676>
11. Эксперты заметили серьезные перемены в массовом сознании россиян: растет агрессия к власти. URL : <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/05/25/1845268.html>
12. За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61 % россиян. URL : <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327>
13. *Штомпка П.* Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. С. 163.
14. *Заболотная Г.М.* Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 1(4). С. 71–74.
15. *Козырева П.М.* Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 44.
16. *Volkov Yuri Gr.* Social consolidation and models of innovative development of Russian regions: the discourse space of sociological research / Yuri Gr. Volkov, Anna V. Vereshchagina, Vladimir V. Uzunov, Beburi B. Meskhi, Ekaterina V. Kartashevich // Revista Espacios. 2020. Vol. 41(40). Art. 7. P. 86–97.
3. *Nisnevich Yu.A.* Crisis of trust as a dominant socio-political factor for Russia (INION). URL : <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/mgpruvjeg/direct/67914639>
4. *Khvatova M.B.* Loss of trust as an indicator of moral crisis. Nauka. Art. Culture. 2019. № 2. P. 171–175.
5. *Lubsky A.V.* Etatism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia / A.V. Lubsky, R.A. Lubsky // Humanities of the South of Russia. 2013. Vol. 0. № 3. P. 90–103.
6. *Savina O.* The question of trust: why do Russians not trust anyone and how does this threaten the economy? URL : <https://polit.ru/article/2020/12/01/doverie2020>
7. Vladimir Putin: evaluation of work, attitude. URL : https://fom.ru/posts/10946#tab_02
8. Have you changed the trust in the Russian society during a pandemic? URL : <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/izmenilos-li-doverie-v-rossiyskom-obshchestve-vo-vremya-pandemii-20200524-13000>
9. Trust in institutions. URL : <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam>
10. Russians are alarmed by the growth of aggression in society. URL : <https://newsland.com/community/4765/content/rossiiane-vstrevozheny-rostom-agressii-v-obshchestve/6572676>
11. Experts have noticed serious changes in the mass consciousness of Russians: growing aggression to power. URL : <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/05/25/1845268.html>
12. During the pandemic, the level of trust in the state fell in 61 % of Russians. URL : <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327>
13. *Shtompka P.* Trust-the basis of society. M. : Logos, 2012. P. 163.
14. *Zabolotnaya G.M.* The Phenomenon of trust and its social functions // Vestnik RUDN. Sociology Series. 2003. № 1(4). P. 71–74.
15. *Kozyreva P.M.* Interpersonal trust in the context of social capital formation // Sociological research. 2009. № 1. P. 44.
16. *Volkov Yuri Gr.* Social consolidation and models of innovative development of Russian regions: the discourse space of sociological research / Yuri Gr. Volkov, Anna V. Vereshchagina, Vladimir V. Uzunov, Beburi B. Meskhi, Ekaterina V. Kartashevich // Revista Espacios. 2020. Vol. 41(40). Art. 7. P. 86–97.

Кулик Станислав Владимирович
аспирант кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
stas.k.44@mai.ru

РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИСКУРС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые подходы современных российских ученых к определению отечественной цивилизационной идентичности. Автор констатирует два противоположных момента в рамках цивилизационного дискурса. С одной стороны, сохраняющаяся в значительной степени ортодоксия, идейная догматичность есть следствие традиционной дистанции между политикой и наукой. С другой стороны, продолжающаяся сохранять актуальность модель триады культурно-цивилизационных перспектив России – западничество, почвенничество, евразийство, есть следствие не только идейно-теоретического догматизма, но и в определенной степени действительно отражает расклады, меняющихся векторов российской геополитической и цивилизационной ориентации. Политические решения оказывают корректирующее влияние на теоретические разработки, побуждая ученых модифицировать собственные подходы в основном в плане расширения методологической базы, а обостряющиеся социальные противоречия, подталкивают к поддержке той или иной большой социальной группы. Имеются также варианты подходов, находящихся вне идеологических противоречий, учитывающих реальный контекст внешних условий («островная концепция» В. Цымбурского).

Ключевые слова: цивилизационная идентичность России, западничество, почвенничество, евразийство, «островная» концепция, идейная догматичность.

В отечественном общественном сознании конкуренция формационной и цивилизационной парадигм имеет давнюю историю. При всем при этом, обозначенные подходы не только антагонистичны, но вполне имеют возможности синтеза, что демонстрируется в теоретических выкладках некоторых известных ученых (М. Делягин). В тоже время, старейший философ истории, много сделавший для развития именно формационного подхода Юрий Семенов, довольно категорично заявляет: «К настоящему времени тот подход к истории, который принято называть цивилизационным, исчерпал все свои возможности и отошел в прошлое. Попытки его реанимировать, которые сейчас предпринимаются в нашей науке, ни к чему, кроме конфуза привести не могут» [9]. С

Stanislav V. Kulik
Postgraduate student of the Department
Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
stas.k.44@mai.ru

RUSSIAN CIVILIZATIONAL DISCOURSE AT THE PRESENT STAGE

Annotation. The article examines some of the approaches of modern Russian scientists to the definition of national civilizational identity. The author states two opposite points within the framework of civilizational discourse. On the one hand, the largely prolonged orthodoxy, ideological dogmatism is a consequence of the traditional distance between politics and science. On the other hand, continuing to be relevant the model of the triad of cultural and civilizational perspectives of Russia – Westernism, Pochvenism, Eurasianism, is a consequence not only of ideological and theoretical dogmatism, but also to a certain extent really reflects the distribution of changing vectors of Russian geopolitical and civilizational orientation. Political decisions have a corrective influence on theoretical developments, encouraging scientists to modify their own approaches, mainly in terms of expanding the methodological base, and aggravated social contradictions push to support one or another large social group. There are also options for approaches that are beyond ideological contradictions, taking into account the real context of external conditions (V. Tsymbursky's «insular concept»).

Keywords: civilizational identity of Russia, Westernism, pochvenism, Eurasianism, “island” concept, ideological dogmatism.

нашей точки зрения, это явно поспешный вывод, что продемонстрировано хотя бы широкими масштабами реакции на работу С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Другое дело, что разработки в рамках цивилизационной парадигмы должны также эволюционировать в сторону корреляции с меняющейся реальностью. И здесь у отечественных «цивилизационщиков» есть определенные проблемы, впрочем, как и у сторонников формационного (по сути марксистского) видения. В данной статье мы собираемся проанализировать основные направления цивилизационного подхода, выявив его сильные и слабые стороны. По сути, проблематика работы будет строиться вокруг известной модели в виде триады: западничество – славянофильство –

евразийство, в рамках которой разделяются работы ученых, отталкивающихся от цивилизационной методологии. Задачами нашего небольшого исследования сводятся к тому, чтобы рассмотреть ортодоксальную линию, продолжающую существовать в каждом из этих направлений, а затем акцентировать внимание на попытках методологического синтеза, небезуспешно применяющихся некоторыми учеными [14]. При этом мы намерены поставить на качество в ущерб количеству. Речь о том, чтобы вместо перечисления большого количества авторов, сопровождаемого очень поверхностным (2–3 предложения) описанием их идей, рассмотреть несколько подробнее концепцию отдельных наиболее типичных представителей того или иного направления.

Характерной чертой отечественного общественно-знания является то обстоятельство, что ученые-обществоведы действуют сами по себе, не будучи реально допущены к рычагам преобразований. В то же время, нет недостатка в теоретических разработках особенно в постсоветское время, когда идеологическое влияние на институциональном уровне ослабло. Российская проблематика получает различное теоретическое истолкование в силу ряда причин. С одной стороны, объективно существующее срединное положение России между Востоком и Западом, обозначившее разнообразие ориентаций на поприще политической практики гораздо раньше (как минимум с 13 века), чем в рамках научного осмысления. С другой стороны, как отмечает Борис Кагарлицкий, в сообществе интеллектуалов имеется реальное классовое расслоение, что подстегивает различные мировоззренческие ориентации и, соответственно, подходы [3].

Итак, западническое направление нацелено, как известно, на институты развитых стран, преимущественно западной цивилизации, как на модели преобразований применительно к России. Но за постсоветские десятилетия ситуация поменялась для западников в ряде моментов. Так, политэкономическое пространство (причем не только России) изменилось не совсем в ту сторону, о которой декларируется в рамках этого направления. Засилье крупных корпораций, заручающихся поддержкой властных кругов на высшем уровне, заметно сокращает пространство демократии. С другой стороны, нельзя не признать наличие некоторых не западных стран (Япония, «Азиатские тигры»), которые удачно переняли кое-какие западные институты.

Ортодоксальной линии российского западничества придерживается философ Владимир Кантор. Для него не подлежит никакому сомнению, что Россия изначально «есть европейская держава», а, следовательно, именно в этом и заключается вектор отечественных преобразований, а также, текущей политики. Родственная связь с Европой видится этому мыслителю через культурно-духовную составляющую, а именно христианство. Как считает В. Кантор, христианство лежит в основе успешного построения новой мировой цивилизации. «Сыграв свою роль воспитателя, христианство благотворно воздействовало на попавшую в поле его излучения человеческую

ментальность, внушив гуманистические нормы поведения и морали. Теперь эти нормы существуют как бы внерелигиозно, определяя жизнь значительной части человечества». Потому влиянию новой универсальной цивилизации подвержены не только христианские страны, но и культуры, выросшие в других религиях [4, с. 5–6].

Отечественная проблема заключалась в том, что вполне нормальную христианскую проевропейскую линию развития якобы сломало татаро-монгольское нашествие. В. Кантор убежден, что фактор Степи «искривил развитие» русской истории, дистанцировав, отрезав «молодое, безусловно бывшее составной частью средневековой Европы государство от его западных соседей» [4, с. 19]. Именно монголы навязали нашим предкам принципы политического управления, от наследия которого, Россия не может избавиться и по сей день. Прежде всего, это беспредельный деспотизм высшей власти и отсутствие частной собственности, которую этот философ видит главным условием развития свободной независимой личности. Воздействие Степи исключительно антагонистично вектору западного влияния, потому то разнообразные сторонники степи – большевики, евразийцы выступают исключительно с антизападнических позиций, что полностью отражается на их практике насаждения коллективизма, подавления свободной личности, насилия над народом и т.п.

Православие оценивается В. Кантором двойственно. С одной стороны, оно сыграло положительную роль в том, что Русь вышла из язычества и не стала мусульманской. С другой стороны, Православие – наследие Византийской империи, отколовшейся от динамично развивающегося западноевропейского мира. Ей присуща тесная спайка государства и церкви, что наложило существенный отпечаток на догматичный до закоснения характер отечественного Православия. Последнее признает Вселенские Соборы до Схизмы, но жестко отрицает все, что происходило в европейской религиозной и культурной жизни после. Именно такой оценочный принцип и навязывается российскому мировоззрению, что затем нашло воплощение в большевистской версии марксизма. «И может ли сегодня стать орудием духовного раскрепощения эта религия, всегда бывшая в тесном союзе с властным государством, с тем, кто сильнее!» – восклицает В. Кантор [4, с. 21].

Но, несмотря ни на что, Россия все же стремится к Западу, в чем В. Кантор видит возвращение к собственным первоистокам. Он пишет «духовное родство России с Западной Европой, несмотря на отличие православия от католицизма и их вражду, было все же ближе, чем с мусульманским Востоком, с которым нас связала наша история. Тяга к Европе – это тяга к восстановлению разорванного когда-то сложными геополитическими противоречиями и варварскими нашествиями единства европейской культуры» [4, с. 17–18].

Данное видение отталкивается от достаточно умозрительных схем, предполагающих абсолютизацию одних фактов и фактическое

игнорирование других, не менее весомых. Историки, затрагивающие вопросы политического развития (С. Нефедов, И. Исаев и др.), никак не подтверждают тезис о том, что управленческий деспотизм был навязан именно Золотой Ордой. Правители последней реально мало вмешивались во внутреннюю политическую жизнь русских княжеств, акцентируясь на двух вопросах – получение дани, а также поддержания раздробленности, чему собственно и служил пресловутый ярлык на Великое княжение. Жесткая вертикаль власти – результат логики внутреннего политического развития отечественного социума, а вовсе не внешнего навязывания.

Кроме того, призывая Россию всячески стремиться на Запад, В. Кантор не принимает в расчет то обстоятельство, что этого стремления не поддерживают на самом Западе. Наша страна так не смогла вступить в Европейский союз, хотя В. Путин в первые два срока президентства всячески к этому стремился, к нам продолжают применяться двойные стандарты во внешней политике (крымско-украинская проблема). Наконец, теоретически эта проблема решается никак не в пользу тех соображений, которые высказывает В. Кантор. Западный общественный дискурс не воспринимает нашу страну частью западного мира, причем это присуще как многочисленным критикам России, так и не очень многочисленным ее симпатизантам [10].

В рамки ортодоксального западничества удачнее всего вписывается именно либеральная логика. Неслучайно ряд современных либеральных исследователей (В. Кантор, Е. Ясин, С. Гавров, А. Оболонский и др.) выступают с западническими позицией. Однако их аргументация быстро вошла в противоречие с российской и не только практикой. Чтобы поддерживать либеральные идеи «на плаву», потребовалось расширить их методологию.

Определенные попытки в этом направлении предпринимаются, о чем свидетельствуют появляющиеся весьма известные работы, которые уместно охарактеризовать как национал-либерализм. Это – труды А. Колесова, А. Френкина, В. Иноземцева, а также популярного сейчас в блогосфере В. Соловья. Здесь мы рассмотрим идеи А. Френкина, который известен своим тесным сотрудничеством с немецким консервативным философом Г. Рормозером. Закономерно предположить, что национал-либерализм А. Френкина есть результат, в том числе, и рормозеровского влияния. Тем не менее, А. Френкин относит все же собственную концепцию к разновидности именно либерализма, а не консерватизма, хотя совершенно оправдано определяет консервативную сущность «национального» [11]. Дело в том, что с его точки зрения консерваторы-националисты стремятся не только отстаивать национальные интересы, но и делают ставку на формирование национального сознания, выдвигая на первый план приоритет коллектива над личностью. Странники национал-либерализма же делают ставку на примат индивида-личности, а потому, хоть и акцентируют внимание на национальных интересах, но совершенно терпимо

относятся к факту отсутствия национального самосознания.

Сущность национал-либеральной теории в изложении А. Френкина заключается в следующем. Изначальный либеральный постулат, предполагающий защиту индивидуальной свободы, конкретизируется указанием на то обстоятельство, что речь идет о гражданах конкретного государства, устранении угроз против них со стороны чужих, выходцев из других стран и регионов. Актуализация в России национал-либерального похода предопределяется, прежде всего, необходимостью оберегания интересов граждан России в противовес тем же выходцам из Средней Азии и Кавказа, которые зачастую выступают фактором криминализации.

Национал-либералы принципиально отвергают макиавеллизм и радикализм в целом. Поставленные цели не должны достигаться чрезмерной ценой, и в подобном случае их следует решительно отвергнуть. Так, совершенно не стоило стремиться сохранить в составе России Чечню. В этом А. Френкину видится важнейшее преимущество национал-либерализма перед другими идеологиями. Странники первого есть «настоящие, рациональные патриоты, желающие блага своей нации, а не ущерба другим нациям, как этого добиваются российские «иррациональные националисты», безумные патриоты, для которых соотечественники – пушечное мясо, подставка для державного штандарта» [11, с. 21].

Рассмотренная концепция даже навскидку уязвима в ряде позиций. Наиболее бросается в глаза недооценка внешнего фактора, а именно, глобального контекста. Хотя А. Френкин и акцентирует внимание на мигрантах, справедливо видя здесь серьезную социальную проблему, но не стремится углубиться в причины данного явления, что потребовало бы затронуть суть механизмов, формирующих мировую капиталистическую систему. А это бы ставило под сомнение в целом либеральную прокапиталистическую логику, тем более, применительно к странам глобальной периферии, а не центра. Кроме того, упирая на примат личностного перед коллективным, А. Френкин, как это свойственно либералам, оставляет без внимания ряд фактов, которые могут служить аргументацией того, как забвение общественного приводит к массовым личным трагедиям. Опыт существования той же независимой Чечни (Ичкерии) вовсе не сопровождался решением проблемы криминализации, а порой и террора. «Отпуская» Чечню российское правительство создало бы прецедент, который мог вполне закончиться крахом государственной национальной целостности.

В целом, западническое направление российской мысли принижает значимость фактора национально-культурной традиции. Последний, наоборот, выдвигается на ведущие позиции почвенническим (консервативным) направлением, популярность которого растет особенно после поворота в сфере государственной идеологии в консервативную сторону начиная с 2010-х гг. Постсоветское почвенничество связано с именем

известного в прошлом диссидента А. Солженицына, подход которого опирается на идею этнического русского сообщества обособленно существующего от «инородцев». То есть, предполагается отказаться от бремени империи, превратив Россию в «этнически чистое» государство-нацию [14]. Подобного рода «оборонительный» национализм, делающий ставку на «сбережение народа», просматривается в трудах И.Р. Шафаревича.

Среди почвеннических подходов имеются разнообразные концепции: монархические, выдвигающие идею Православного фундаментализма (В. Ларионов); теории с упором на коллективистскую составляющую отечественной культурной традиции, причем либо с левым (С. Кара-Мурза), либо с правым (А. Елисеев) уклонами. Общим «коньком» современного почвенничества выступает идея коренных отличий от западного мира, что явно противоречит подходу выше рассмотренного В. Кантора.

С. Кара-Мурза констатирует, что «Россия выросла как альтернативная Западу христианская цивилизация. Она по главным вопросам бытия постоянно предлагала человечеству иные решения, чем Запад, и стала не просто его конкурентом, но и экзистенциальным бытийным оппонентом» [6, с. 20]. По мнению этого мыслителя, сознание западных людей во многом отталкивалось от образа русских, нарисованного черными красками. То есть русские являлись для Запада «значимым другим», но с негативным окрасом. Западная русофобия выступает неотъемлемым элементом евроцентризма – лежащей в основе западного мировоззрения концепции, согласно которой в мире существует только одна цивилизация – западная, укорененная в античности. Только она представляет собой единственно верную дорогу развития, в то время как остальные народы рассматриваются как варвары, либо отставшие, либо отклонившиеся от правильного пути [6, с. 22].

В связи с этим, здесь уместно привести точку зрения одного известного выразителя идей украинского западенчества – писателя Юрия Андруховича. Он считает, что существуют только общечеловеческие ценности, выстраданные западной цивилизацией, а именно правовое государство, свобода личности, социальная справедливость и т.д. Все же остальное в этом мире – вовсе не ценности, а регионально-местные предрассудки [1].

С.Г. Кара-Мурза рассматривает социалистический строй как вариант воплощения не столько марксистских идей, автор которых был, в целом, недоброжелателен к России, но продолжения органичного развития отечественного социума посредством некоторой модернизации народной традиции. Этот автор призывает вновь и вновь делать ставку на коллективистские структуры, которые всегда составляли фундамент общественных институтов, отражаясь соответствующим образом на ментальности. Необходимо на сегодняшний момент заняться восстановлением «структур солидарного общества с существенным уровнем уравнительности и патернализма»

[5, с. 122]. То есть, по мнению С. Кара-Мурзы, советское общество было не марксистским отступлением от традиционных российских принципов, но весьма органично в них вписывалось. Закономерно, что названный ученый считает возможным употреблять категорию «советская цивилизация», подчеркивая тем самым не только масштабы, но и уникальность существовавшего в 1917–1991 гг. социума. Базисом советского проекта выступали общинные принципы крестьянства в сочетании с идеями сильного централизованного государства. Отсюда фактически воспроизводился присущий отечественному сознанию самодержавный тип легитимности, основанный на соборности (общественном согласии), при этом коренным образом отличающийся от типа западной государственности, опорой которой служила известная схема сдержек и противовесов.

В нынешней России базовые институты советской цивилизации оказались частично разрушены, однако в большинстве своем выстояли, продолжая выполнять функции социальных скрепов. «Человек советский» сумел выжить, прежде всего, благодаря прочным культурно-цивилизационным корням. С. Кара-Мурза считает целесообразным реанимировать и по мере сил модернизировать традиционные институты, сделав их более адекватными современным условиям. В связи с этим принципиально важен запуск образования органов власти и управления «снизу», а не «сверху», и лишь в данном случае они окажутся эффективны в функциональном плане. По мнению ученого, такой задачи наиболее подходит форма правления парламентской республики, дающая широкие возможности для консенсусов, хотя, в случае острого кризиса, можно будет на время вернуться даже к самодержавию [5, с. 115].

Что касается нашей оценки жизнеспособности данного проекта, то можно отметить его определенную культурную устойчивость, что обеспечивается ставкой на этнокультурную традицию. Тем не менее, данный подход также не лишен собственных уязвимых мест. Бросается в глаза, что С. Кара-Мурза возлагает слишком большие надежды на горизонтальные связи, мало принимая во внимание самодовлеющий характер стратификационных факторов современного общества, где расслоение достигает слишком впечатляющих масштабов. Организация власти исключительно «снизу» может быть достаточной применительно к небольшим сообществам, но вряд ли для России, масштабы которой как раз и обусловили эффективность жесткой властной вертикали. Ведь, и близкий С. Кара-Мурзе большевистский проект в ходе реализации естественным образом поставил горизонтальные связи в подчиненное положение, а на первый план выдвинулась по новому сакрализованная и ничуть не менее жесткая государственная власть

Логично упомянуть правоуклонистские почвеннические концепции консервативных авторов В.Л. Махнача, А.Н. Кольева и др. Опорным тезисом у них выступает идея перехода к обновленной Империи, «не тождественной исторической Российской Империи, но перенимающей у нее

смысловой строй, закрепленный в русской философии и литературе, русском мифе, русской духовно-нравственной традиции» [7, с. 350]. В основу здесь должны лечь Православные ценности в синтезе с русским архетипом, который отражен в принципе самодержавия.

Парадигма евразийства в постсоветской России была популяризирована философом А. Дугиным. Этот мыслитель исходит из базового постулата о том, что Россия, в соответствии со своими интересами, никогда не выберет западный путь в силу вполне естественных объективных противоречий с Западом, прежде всего, с англо-саксонским миром. Известная модель борьбы «суши» и «моря», воплощенная в мировой геополитике, отражается и на российских международных отношениях. Россия органически и исторически всегда являлась частью сухопутных или континенталистских держав (теллурократия), в то время как большинство западных стран тяготеют к морскому могуществу (талласократия). Отсюда различия и взаимные неприятия экономических, политических, да и культурных моделей. Географическое положение России делает ее естественным центром сбора Евразийского мира, а именно, сообществ восточных народов, который призван стать заслоном для экспансии западной цивилизации [2, с. 69].

Популярный в 1990-е – начале 2000-х гг. философ А. Панарин известен в качестве умеренного евразийца, хотя, в дальнейшем развитие его идей привело к концепции особой российской цивилизации. А. Панарин испытывал большое влияние идей Г. Гердера, предлагающего различать национальные культурные траектории, независимые друг от друга. Данные траектории могут эволюционировать до огромных масштабов, вплоть до многонациональных цивилизаций [8]. Человечеству целесообразно заняться решением проблемы сосуществования различных цивилизаций без явного доминирования одной из них. Тем самым, подводится основание под идею многополярного мира. По А. Панарину, главный критерий различения цивилизаций – религиозная идентичность. Соответственно Россия есть центр Православной цивилизации. При этом православная сущность реализуется не столько этническим единством русских, сколько посредством идеократической империи, в рамках которой наряду с православием сочетаются и другие «восточные» религии. Через подобную империю русский народ вполне в силах реализовать собственную мессианскую сущность в масштабах человечества.

Евразийский подход яростно критикуется сторонниками западнического направления (впрочем, в ответ получает не менее острую критику), тем не менее, если судить с точки зрения политической практики государственной власти, то евразийство служит для него неким «запасным вариантом» в тех случаях, когда явную пробуксовку демонстрирует западнический вектор. Во многом это отражено во взглядах одного из наиболее оригинальных отечественных мыслителей Вадима Цымбурского.

Фигура названного ученого притягивала представителей самых различных, в том числе противостоящих лагерей, причем, не на политическом, а именно на интеллектуальном поприще – либералы Г. Павловский, В. Межуев, националисты Е. Холмогоров, М. Ремизов. Взгляды В. Цымбурского проделали значительную эволюцию, но нам бы хотелось кратко остановиться, прежде всего, на его концепции «Острова Россия», где получили выражение геополитические, а также, цивилизационные идеи данного автора.

Суть «островной» концепции сводится к признанию фундаментальной идеи о том, что Россия есть своего рода остров, выросший из окраинных, азиатских, тюрко-монгольских пространств, а именно, остров, который поднялся над этими пространствами и установил над ними цивилизационную сакральную вертикаль. Последняя мыслилась как идеология, соотносящая общественный уклад, стиль жизни и само существование русского народа «с особым видением предельного смысла мировой истории, предназначенности рода человеческого» [12]. В свою очередь остров Россия окаймляется странами-проливами (так называемым, Лимитрофом) с переходной идентичностью. Некая цивилизационная оптимальность России была достигнута в доимперский период XVI–XVII вв. А вот, дальнейший период империи В. Цымбурский рассматривает критически, считая крупной геополитической ошибкой отечественной элиты стремление войти в Европу (под этот процесс ученый подводит аллегорию «похищения Европы»). Это есть не что иное, как извращение собственной цивилизационной идентичности.

Вмешательство России в европейские политические расклады неизменно вело к жесткой ответной силовой реакции со стороны европейских акторов, зачастую, объединяющихся в определенную коалицию. В то же время, помимо «похищений Европы», Российское государство не отказывалось и от восточного направления, которое, впрочем, имело явно вторичное значение. Зачастую евразийский поворот оказывался результатом неудач на западном направлении, как, например, после Крымской войны и Берлинского конгресса. Однако предпочтение евразийского вектора могло прерваться волевым политическим решением не в силу исчерпанности, но в виду появления новых шансов для противоположного направления отечественной политики. А вот «западнические» геостратегические шаги разыгрывались Российским правительством неукоснительно, вплоть до своей полной исчерпанности, нередко посредством катастрофы.

В настоящий же момент проходит время глобализма и доминирующих тенденций культурного универсализма. Для России куда предпочтительнее стратегия изоляционизма, а, говоря жестче – цивилизационного эгоизма. По мнению названного ученого, пора прекратить стремиться в Европу, так как в этом случае России придется брать на себя много дополнительного бремени, порождающих немало проблем. Следует отойти на собственный «остров», сосредоточившись именно на своем месторазвитии. Как отмечал

В. Цымбурский в 1995 г., для России сейчас очень хорошее время, главное, чтобы это поняли политики [13].

При всей оригинальности и без сомнения определенной здравой прагматичности островная концепция, с нашей точки зрения, тоже уязвима. Фактический отказ от имперских задач, предлагаемый этой концепцией, а также сосредоточение на цели построения полноценного национального государства, может и не вызвать необходимых масштабов отклика в массовом сознании. Будучи «большим народом» россияне вряд ли могут вот так просто отказаться от имперства. По всей видимости, имперская сущность является составной частью российского социального мировоззрения, что наглядно продемонстрировал факт Крымского консенсуса, основанного, прежде всего, на реанимации державной составляющей. То есть, отказ от империи для России в значительной степени есть отказ от самой себя.

Подытоживая материал настоящей статьи, считаем уместным отметить следующее. Происходит одновременно два противоположных процесса в рамках цивилизационного дискурса. С одной стороны, сохраняющаяся в значительной степени ортодоксия есть следствие ряда причин. Дистанция между политикой и наукой, характерная не только для современной России, но и, вообще, для всех отечественных исторических периодов, способствует выработке «безграничной социальной мечтательности» (Н. Бердяев), по сути, никак не связанной с реальной действительностью. Во многом, результатом этого становится идейная догматичность некоторых ученых, что

Литература:

1. Андрухович Ю. Если победят оранжевые, то Крыму и Донбассу нужно дать возможность отделиться. URL : <https://www.unian.net>
2. Дугин А.Г. Основы геополитики. М. : Арктогея, 1997. 454 с.
3. Кагарлицкий Б.Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. Екатеринбург : УльтраКультура, 2005. 576 с.
4. Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. М. : РОССПЭН, 1997. 476 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Второе предупреждение. Неполноценности в русском доме. М. : Эксмо, 2005. 379 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Россия не Запад, или Что нас ждет. М. : Эксмо-Алгоритм, 2011. 256 с.
7. Кольев А.Н. Политическая мифология. Реализация социального опыта. М. : Логос, 2003. 384 с.
8. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М. : Эксмо, Алгоритм, 2004. 637 с.
9. Семенов Ю.И. Философия истории. М. : Совр. тетради, 2003. 776 с.

выражается в принципиальном неприятии ими положений, которые выходят за рамки отстаиваемых ими теорий.

С другой стороны, даже сохраняя устойчивость позиций в рамках триады культурно-цивилизационных перспектив России – западничество, почвенничество, евразийство, многие ученые теоретики все же развивают собственные подходы, стараясь учесть быстро меняющиеся жизненные реалии. Отчасти, поэтому, продолжающаяся сохранять актуальность модель триады есть следствие не только идейно-теоретического догматизма (хотя в значительной степени он тоже здесь играет свою роль), но и, в определенной степени, действительно отражает расклады, касающиеся меняющихся векторов российской геополитической и цивилизационной ориентации. Если наука мало влияет на политические решения, то последние, в свою очередь, определенное корректирующее влияние на теоретические разработки оказывают, побуждая ученых модифицировать собственные подходы, в основном, в направлении расширения методологической базы (национал-либерализм), а обостряющиеся социальные противоречия, подталкивают к выбору в пользу той или иной большой социальной группы (левое почвенничество, правое почвенничество). Помимо всего этого, имеются варианты практически ориентированных подходов, стремящихся поднестись над идеологическими противоречиями, одновременно, учитывая реальный контекст внешних условий, в которых оказалась современная Россия («островная концепция» В. Цымбурского).

Literature:

1. Andrukhovich Yu. If the Orange win, then Crimea and Donbass should be given the opportunity to secede. URL : <https://www.unian.net>
2. Dugin A.G. Fundamentals of geopolitics. M. : Arktogeya, 1997. 454 p.
3. Kagarlitskiy B.Yu. Managed democracy: Russia, which was imposed on us. Yekaterinburg : UltraKultura, 2005. 576 p.
4. Kantor V.K. «.. There is a European power». Russia: a difficult path to civilization. Historical essays. M. : ROSSPEN, 1997. 476 p.
5. Kara-Murza S.G. Second warning. Malfunctions in the Russian House. M. : Eksmo, 2005. 379 p.
6. Kara-Murza S.G. Russia is not the West, or what awaits us. M. : Eksmo-Algorithm, 2011. 256 p.
7. Kolyev A.N. Political mythology. Implementation of social experience. M. : Logos, 2003. 384 p.
8. Panarin A.S. Strategic instability in the XXI century. M. : Eksmo, Algorithm, 2004. 637 p.
9. Semenov Yu.I. Philosophy of history. M. : Sovr. notebooks, 2003. 776 p.

10. Тамбиянц Ю.Г. Цивилизационная идеология на современном этапе / Ю.Г. Тамбиянц, В.В. Шалин // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 10–17.

11. Френкин А.А. Национал-либерализм // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 21.

12. Цымбурский В.Л. «Городская революция» и будущее идеологий в России. / В.Л. Цымбурский // Интеллектуальная Россия, 2002, июль. URL : http://www.intelros.org/books/rythm_ros_2.htm

13. Цымбурский В.Л. Остров Россия. URL : <https://paraknig.me/reader/426453?page=1>

14. Шубин А.В. Дессиденты, неформалы и свобода в СССР. М. : Вече, 2008. 384 с.

15. Яковлева Е.В. К вопросу о внешней и внутренней обусловленности эволюционных и революционных изменений в истории // «Эпомен». 2020. № 41. С. 127–137.

10. *Tambiyants Yu.G.* Civilizational ideology at the present stage / Yu.G. Tambiyants, V.V. Shalin // Theory and practice of social development. 2017. № 6. P. 10–17.

11. *Frenkin A.A.* National liberalism // Questions of philosophy. 1999. № 1. P. 21.

12. *Tsyimbursky V.L.* «City revolution» and the future of ideologies in Russia. Tsyimbursky // Intellectual Russia, 2002, July. URL : http://www.intelros.org/books/rythm_ros_2.htm

13. *Tsyimbursky V.L.* Island Russia. URL : <https://paraknig.me/reader/426453?page=1>

14. *Shubin A.V.* Dessides, informals and freedom in the USSR. M. : Veche, 2008. 384 p.

15. *Yakovleva E.V.* To the question of external and internal conditioning of evolutionary and revolutionary changes in history // Epomen. 2020. № 41. P. 127–137.

Курдюков Дмитрий Николаевич
адъютант,
Саратовский военный
ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации
dmitrij.kurdyukov@inbox.ru

Dmitry N. Kurdyukov
Graduated in a Military Academy,
Saratov Military Order
of Zhukov Red Banner Institute
of the National Guard
of the Russian Federation
dmitrij.kurdyukov@inbox.ru

Военнослужащий КАК СУБЪЕКТ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

SERVICEMAN AS A SUBJECT OF HEALTH-SAVING BEHAVIOR

Аннотация. Автором в данной публикации представляется теоретико-методологическое обоснование анализа здоровьесберегающего поведения военнослужащих. Доказано, что специфика профессионально-трудовой деятельности военнослужащего определяет особенности формирования его здоровьесберегающего поведения. Последнее раскрыто как форма профессионального поведения военнослужащего, отражающая требования военной организации и характеризующаяся системой действий, норм, ценностей, традиций, установок, определяющих сохранение, расширенное воспроизводство, а также поддержание собственного здоровья, формирование здорового образа жизни. Определены объективные, а также субъективные показатели оценки здоровьесберегающего поведения военнослужащих.

Annotation. The theoretical and methodological substantiation of the analysis of health-saving behavior of military personnel is presented. It is proved that the specifics of professional and labor activity of a serviceman determines the peculiarities of the formation of his health-saving behavior. The latter is revealed as a form of professional behavior of a serviceman, reflecting the requirements of the military organization and characterized by a system of actions, norms, values, traditions, attitudes that determine the preservation, expanded reproduction, as well as the maintenance of one's own health, the formation of a healthy lifestyle in the process of implementing service and labor activities, in everyday life throughout the life cycle. Objective, as well as subjective indicators of assessing the health-saving behavior of military personnel are determined.

Ключевые слова: здоровьесберегающее поведение, военнослужащие, военная организация, нормы, ценности, здоровье, традиции, установки.

Keywords: health saving behavior, military personnel, military organization, norms, values, health, traditions, attitudes.

В современных условиях обостряются проблемы здоровья военнослужащих. За последнее десятилетие неуклонно возрастает состав военнослужащих, имеющих различные заболевания, сохраняется тенденция их отказа от практик здоровьесберегающего поведения.

профессиональной группы населения. Важно уточнить параметры оценки здоровьесберегающего поведения военнослужащих в контексте расширенного воспроизводства профессионального потенциала военной организации.

По данным Министерства обороны Российской Федерации [1] наблюдается постепенное ухудшение качественного состава военнослужащих, проходящих военную службу по контракту: снижается уровень физического потенциала военнослужащих, проявляются диспропорции в развитии физической культуры, нравственных качеств военных акторов. В последние годы из системы военных организаций увольняется более десяти тысяч человек в год в связи со снижением физического потенциала. Около половины военнослужащих имеют вредные привычки, способствующие формированию хронических заболеваний. Поэтому в настоящее время необходимо исследовать проблему здоровьесбережения относительно военнослужащих как социально-

Между тем, в отечественных научных источниках отсутствуют методологические разработки, посвященные исследованию формирования процессов здоровьесберегающего поведения военнослужащих, не уточняются показатели оценки данных социальных процессов. Поэтому в теоретическом и методологическом ракурсе важным является не только уточнение сущности и специфики здоровьесберегающего поведения военнослужащих, но и раскрытие параметров проявления данного явления. Необходимо детерминировать процесс становления здоровьесберегающего поведения военнослужащих, а также процессы развития физической культуры последних.

Военнослужащий представляет собой субъект профессионального труда. Он, с одной стороны,

человек, осуществляющий профессиональные действия, с другой – актер здоровьесберегающего поведения, находящийся в комплексе отношений культурного пространства служебно-трудовой организации военного типа [2]. Можно констатировать, что военнослужащий обладает рядом специфических характеристик. Он наделен исключительными правами, имеет обязанности, соответствующие его социальной роли, определяющей защиту законности, порядка, интересов государства. В этой связи поведение военнослужащего двойственно.

Во-первых, оно определяет необходимость реализации особенного физического и духовного потенциала, позволяющего им вести непосредственную военно-профессиональную деятельность, а также, осуществлять социальное взаимодействие с различными социальными группами и населением в целом.

Во-вторых, военнослужащий ориентирован на конструирование собственных, а также внешних здоровьесберегающих практик. Реализация эффективных образовательных, воспитательных, духовно-культурных программ собственного, а также военно-группового развития здоровьесберегающего поведения представляет собой важнейшую задачу военных акторов [3].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что военнослужащий, являясь военным профессионалом, должен поддерживать и активно развивать собственное здоровье как базовый компонент физического профессионального потенциала. В этой связи, военнослужащий представляет собой субъект здоровьесберегающего поведения. Последнее необходимо рассматривать в рамках процессов профессионального поведения, которое характеризуется системой действий, норм, ценностей, традиций, установок военнослужащего, направленной на воспроизводство собственного здоровья, продление временных рамок жизнедеятельности, а также развития физического профессионального потенциала [4]. В социологическом контексте здоровьесберегающее поведение военнослужащего должно исследоваться как внешняя система комплексных целенаправленных профессиональных действий военнослужащих [5]. В рамках здоровьесберегающего поведения реализуется профессиональная мотивация военных акторов [6]. Это поведение определяет систему не только социальных, но и служебно-трудовых результатов. Основные социальные результаты следующие: воспроизводство здоровья, социальная диагностика, поддержание здоровья, восстановление физических способностей, сохранение устойчивого самочувствия военных акторов. Основные служебно-трудовые результаты следующие: воспроизводство физического профессионального потенциала, повышение эффективности военно-профессиональной деятельности.

Формирование здоровьесберегающего поведения может оцениваться как на уровне анализа формальных документов, так и по результатам обработки данных социологического опроса. Именно опрос военнослужащих может помочь

вывить тенденции реализации здоровьесберегающего поведения, определить субъективные ощущения изменений здоровья индивида [7, с. 11].

Диагностика здоровьесберегающего поведения военнослужащих должна выявлять также биологические и физические нужды, способности и потребности акторов, оценивать изменения социальной среды их профессиональной деятельности, проживания, быта. В рассматриваемых методологических подходах здоровьесберегающее поведение проявляется как в непосредственных, так и в опосредованных служебно-трудовых практиках военнослужащих, в системе социального и служебно-трудового взаимодействия. В данном контексте и проявляется специфика здоровьесберегающего поведения военнослужащих, что создает предпосылку рассмотрения этого системного явления в контексте проявления профессиональной деятельности, социально-трудового обмена [8], социально-культурного пространства военной организации [9]. Несложно заметить, что здоровьесберегающее поведение военнослужащих проявляется в системе социально-культурного и мотивационного профессионального потенциала военной организации. Оно имеет несколько форм. Первая форма: культурный потенциал военнослужащего, уровень его ценностей, норм, поведенческих потребностей [10]. Вторая форма: конкретные действия и поведение военнослужащих как субъектов служебно-трудовой деятельности. Третья форма: мотивационная база здоровьесберегающего поведения акторов, стиль их здоровьесохранительных действий.

Таким образом, военнослужащий осуществляет специфическую профессионально-трудовую деятельность, в рамках реализации которой он является субъектом здоровьесберегающего поведения и преимущественно находится в комплексе отношений культурного пространства служебно-трудовой организации военного типа. Здоровьесберегающее поведение – это особенная форма профессионального поведения военнослужащего, отражающая требования военной организации и характеризующаяся системой действий, норм, ценностей, традиций, установок военнослужащего. Поэтому можно констатировать, что здоровьесберегающее поведение военнослужащего – это необходимый многоплановый, сложный компонент профессионального воспроизводства человеческих ресурсов военной организации, разновидность профессионального поведения, включающего:

– с одной стороны, знания, нужды, потребности, ориентации, ценности, мотивы, нормативные установки;

– с другой стороны, это результат выполнения военным индивидом требований военной организации, направленных на оптимизацию воспроизводства физического профессионального потенциала;

– с третьей стороны, это деятельное проявление поведения военнослужащих, характеризующееся внешней действенной активностью отдельных

военных акторов, групп военнослужащих, направленное на оценку, сохранение, воспроизводство, а также, поддержание собственного здоровья, формирование здорового образа жизнедеятельности в процессе реализации служебно-трудовой деятельности, в быту на протяжении всего цикла жизнедеятельности.

Эффективность здоровьесберегающего поведения военнослужащего должна измеряться в контексте определения тенденций изменения здоровья, самочувствия, заболеваемости, долголетия, смертности.

Условно можно определить объективные, а также, субъективные показатели оценки здоровьесберегающего поведения военнослужащего. Объективные показатели включают в себя данные системы административного управления, а также медицинские показатели. Сюда, прежде всего, отнесем результаты медицинского осмотра, состав заболеваний, время болезни, неготовности выполнять служебно-трудовую деятельность. Субъективные показатели включают в себя анализ мнений самих военнослужащих, результаты социологических исследований. Важное место в ракурсе анкетного опроса занимают вопросы, характеризующие отношения военнослужащего к собственному здоровью, мотивации к росту собственной продолжительности трудовой жизни, долголетию, формированию здорового образа жизнедеятельности. Анализ субъективных мнений предполагает уточнение как позитивных, так и негативных (девиантных) сторон здоровьесберегающего поведения. На основе данных социологического опроса можно описать основы трудового и бытового образа жизни военнослужащего, тенденции трансформации здоровьесберегающих целей, стратегий, задач, рост или падение уровня социального здоровья, заболеваемости. Оценка здоровьесберегающего поведения военнослужащего может также включать исследование условий жизни, уточнение их влияния на формирование стиля поведения. Важно отметить, что формирование здоровьесберегающего поведения военнослужащих определяет трансформации, с одной стороны, в системе их физического профессионального потенциала, с другой – определяет развитие их культуры, обновления социокультурных норм, ценностей, принципов

Литература:

1. Российская армия: социальные проблемы и способы их решения. Министерство обороны Российской Федерации URL : http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=11481135@cmsArticle (дата обращения 01.12.2020).
2. *Пихтелёв А.М.* Организация военного типа как объект социологического исследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2(121). С. 70–77.
3. *Пихтелёв А.М.* Конструирование социально-профессионального развития офицеров национальной гвардии России / А.М. Пихтелёв, В.В. Немолёв //

поведения на работе (службе), дома, в быту. В данном контексте диагностика здоровьесберегающего поведения военнослужащих не может определяться только анализом имеющегося физического потенциала военнослужащих. Здесь необходимо исследовать изменения по целому ряду дополнительных показателей: нормы, ценности, принципы поведения индивидов.

Можно представить универсальные подходы общей субъективной оценки здоровьесберегающего поведения военнослужащих. В данном контексте важно применение рамочной конструкции изменения разделяемых ценностей, принципов, норм, поведенческих практик. Здесь оценка проявления здоровьесберегающей культуры военнослужащего можно рассматривать как идентичную технологию независимо от условий и временных рамок исследования. Необходимо проанализировать данные системных социологических исследований по направлению здоровьесберегающей культуры:

- 1) ценности здоровья;
- 2) нормы здоровьесберегающего поведения;
- 3) практики здоровьесберегающего поведения.

Нужно учитывать, что социологическая субъективная оценка должна осуществляться одновременно в рамках трёх представленных подсистем. Анализ изменений по каждой из подсистем дает возможность выявить узкую направленность тенденций. Обобщение результатов по каждой из них позволяет диагностировать весь комплекс культуры здоровьесберегающего поведения военнослужащих. Также, уместно рассмотреть показатели процессов профессиональной физической адаптации субъектов, практики функционирования в изменяющихся условиях внешней социальной среды военной организации. Современный военнослужащий не свободен в своем поведении, он может выбирать только ограниченные поведенческие практики по отношению к собственному здоровью. Следовательно, он вынужден поддерживать здоровье, отказаться от девиантных практик, поддерживать сберегающие основы поведения на работе (службе) и в быту.

Literature:

1. Russian Army: Social Problems and Solutions/Ministry of Defense of the Russian Federation URL : http://ens.mil.ru/science/sociological_center/army_in_numbers/more.htm?id=11481135@cmsArticle (date of application 01.12.2020).
2. *Pikhteleev A.M.* Military-type organization as an object of sociological research // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. № 2(121). P. 70–77.
3. *Pikhteleev A.M.* Designing the socio-professional development of officers of the National Guard of Russia / A.M. Pikhteleev, V.V. Nemolyaev // Bulletin of the

Вестник Поволжского института управления. 2017. № 3(17). С. 95–101.

4. *Кузнецов Н.И.* Военный институт как самообучающаяся социальная организация // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 6. С. 107–114.

5. *Шабунова А.А.* Особенности репродуктивного поведения населения / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 78–84.

6. *Баландина Т.М.* Социальное конструирование профессиональной культуры работников организации / Т.М. Баландина, В.В. Немолыев // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 5(59). С. 197–200.

7. *Горбунова М.Ю.* Социокультурная мотивация в структуре социальной работы. Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т, 2004. 99 с.

8. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М. : КДУ, 2011. 416 с.

9. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур / М. Кастельс; Под ред. В.Л. Иноземцева // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М. : Academia, 1999. С. 494–505.

10. *Быченко Ю.Г.* Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников / Ю.Г. Быченко, В.В. Ершов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 247–253.

Volga Institute of Management. 2017. № 3(17). P. 95–101.

4. *Kuznetsov N.I.* Military Institute as a self-learning social organization // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2018. Vol. 18. № 6. P. 107–114.

5. *Shabunova A.A.* Features of reproductive behavior of the population / A.A. Shabunova, O.N. Kalachikova // Sociological studies. 2012. № 8. P. 78–84.

6. *Balandina T.M.* Social design of professional culture of employees of the organization / T.M. Balandina, V.V. Nemolyaev // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2015. № 5(59). P. 197–200.

7. *Gorbunova M.Yu.* Sociocultural motivation in the structure of social work. Saratov : Saratov. State Technician. un-t, 2004. 99 p.

8. *Moss M.* Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology. M. : KDU, 2011. 416 p.

9. *Castels M.* The formation of a society of network structures / M. Castels; Ed. V.L. Inozemtseva // A new post-industrial wave in the West. Anthology. M. : Academia, 1999. P. 494–505.

10. *Bychenko Yu.G.* Project development of cultural human capital of contract servicemen / Yu.G. Bychenko, V.V. Ershov // Izvestia, Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2017. Vol. 17. № 3. P. 247–253.

Муха Виктория Николаевна
кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
v.mukha@bk.ru

СТРУКТУРА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ МАТРИЦ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РУССКИХ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние пандемии коронавируса на структуру социальной идентичности русского населения Краснодарского края. Рассмотрены теоретические подходы к оценке воздействия глобальных угроз на современных социум. На основе данных эмпирического исследования анализируются изменения, произошедшие в системе социальной идентичности русского населения края. Сделан вывод о том, что усиление поколенческой и локальной идентичностей стало способом защиты от глобальных угроз.

Ключевые слова: идентификационная матрица, многоуровневая идентичность, пандемия, трансформация идентичности.

В 2020 году пандемия предстала, реализовавшись на деле, глобальным риском, кардинально изменившим не только привычный уклад жизни и сложившуюся систему социальных отношений, но и общественное сознание, мировоззрение и ценности. Социальные последствия пандемии как угрозы общечеловеческого масштаба становятся объектом исследования социальнo-гуманитарного знания. Данное событие современности носит незавершенный характер и поэтому требует выработки новых подходов, методологии и методов изучения, хотя в той или иной степени вопросы воздействия на социум разного рода глобальных рисков уже затрагивались в ряде работ [1]¹.

Воздействие пандемии на социум оценивается неоднозначно. С одной стороны она породила изоляцию и закрытие границ, что способствовало фрагментации, локализации мирового общества, привело к кризису системы европейской интеграции. Так, по выражению Д. Шапиро, пандемии «... изолируют нас, заставляя бояться собственных соседей» [2]. По мнению данного исследователя, люди стараются перенести страх на другое сообщество, оценивая

Viktoriya N. Mukha
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University,
v.mukha@bk.ru

THE STRUCTURE OF IDENTIFICATION MATRICES OF DIFFERENT GENERATIONS OF RUSSIANS IN A PANDEMIC

Annotation. The article examines the impact of the coronavirus pandemic on the structure of social identities of the Russian population of the Krasnodar Territory. Theoretical approaches to assessing the impact of global threats on modern society are considered. Based on the data of empirical research, the author analyzes the changes that have occurred in the system of social identity of the Russian population of the region. It is concluded that the strengthening of generational and local identities has become a way of protecting against global threats.

Keywords: identification matrix, multilevel identity, pandemic, identity transformation.

вирус как внешнюю угрозу, разрушая тем самым сложившуюся систему международных отношений.

Р.Н. Лункин, видя в пандемии причину потери авторитета и силы Евросоюза, не отрицает и возможности ее положительного воздействия на мировой социум, в частности усиление национальной идентичности, рост солидарности европейских стран, укрепление общеевропейской идентичности и формирование так называемой «коронаидентичности» [3]. В.С. Вахштайн также не однозначен в оценках данной глобальной угрозы, определяет три типа реакции сообществ на эпидемию: солидаризация (объединение перед лицом общей угрозы), поляризация (деление сообществ внутри на враждующие части) и атомизация (минимизация социальных связей) [4]. С социально-психологической позиции, столкновение с глобальной угрозой вызывает у индивидов желание поддержать позитивную групповую идентичность, следовать групповым нормам и поддерживать групповые ценности, а также дистанцироваться от угрозы, перенося источник опасности на другие группы [1, с. 90].

¹ Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ № 19-011-00834 «Идентификационные матрицы четырёх поколений русских в современной России».

В данном контексте, актуально обратиться к анализу иерархии идентичностей, поскольку система социальной идентичности является чутким индикатором процессов интеграции – дифференциации. Об этом говорит усиление в идентификационной матрице одних типов идентичности и ослабление других, а смена актуализированности типов может свидетельствовать о наличии межгрупповой напряженности.

В рамках реализации проекта РФФИ № 19-011-00834 «Идентификационные матрицы четырёх поколений русских в современной России» было проведено социологическое исследование русского населения Краснодарского края, использован метод анкетного опроса, выборка составила 1200 человек. В процессе обработки данных респонденты были объединены в поколенческие группы: поколение М «молчаливое поколение» (г.р. 1923–1943), поколение ВВ «бэби-бумеры» (г.р. 1943–1963), поколение Х (г.р. 1963–

1983), поколение Y (г.р. 1983–2003), поколение Z (г.р. после 2003+). В данной работе мы обратимся только к анализу ответов 4 групп – поколения ВВ, поколение X, поколение Y, поколение Z.

Обратим внимание на то, как менялась иерархия идентичностей в идентификационной матрице. Первый замер был проведен в декабре 2019 года, когда пандемия коронавируса России практически еще не коснулась, а второй замер проводился в июле 2020 года после завершения периода вынужденной изоляции.

Исследовалось два направления идентификации: Я-идентификация как «осознание человеком себя в окружающем мире путем соотнесения с себе подобными» [5, с. 53] и Мы-идентификации как осознание принадлежности к определенной социальной общности и осознание отличия данной общности от других подобных. В таблицах 1 и 2 представлены данные Я-идентификации русских.

Таблица 1

«Я-идентификации» русского населения края
(Ответы на вопрос «В какой степени Вы осознаете себя... Я – ...»), замер 2019 года, %

	Поколение ВВ	Поколение X	Поколение Y	Поколение Z
Я – гражданин России	94,8	90,7	81,7	92
Я – типичный представитель русской национальности	90,6	86	80,2	81
Я – типичный представитель своего поколения	94,8	84,5	86,5	93
Я – городской/сельский житель	95,9	92,3	90,5	92
Я – житель СНГ	44,8	55	55,6	57
Я – верующий	79,2	72,1	65	63
Я – европеец	44	51,9	46,1	53

Замеры 2019 года показывали высокую актуализированность локальной и гражданской идентичности во всех возрастных группах, при этом иерархия идентичностей разных поколений в общих моментах совпадала, только у

представителей поколения ВВ фиксировалась более высокая степень включенности практически во все типы идентичности за исключением «житель СНГ» и «европеец».

Таблица 2

«Я-идентификации» русского населения края
(Ответы на вопрос «В какой степени Вы осознаете себя... Я – ...»), замер 2020 года, %

	Поколение ВВ	Поколение X	Поколение Y	Поколение Z
Я – гражданин России	90,8	87,7	78,7	87
Я – типичный представитель русской национальности	86,6	85	77,2	76
Я – типичный представитель своего поколения	96,8	89,3	88,9	95
Я – городской/сельский житель	97,2	96,1	94,5	96
Я – житель СНГ	39,8	50,1	49,6	51
Я – верующий	82,2	74,1	67	65

Замеры 2020 года показали определенные изменения в структуре идентичности: существенно выросли показатели поколенческой и локальной

идентичности у всех возрастных групп. Далее рассмотрим структуру Мы-идентификаций (табл. 3, 4).

Таблица 3

«Мы-идентификации» русского населения края (Ответы на вопрос «В какой степени Вы ощущаете близость с перечисленными общностями...»), замер 2019 года, %

	Поколение ВВ	Поколение X	Поколение Y	Поколение Z
С жителями России	94,8	93,1	89,6	89
С жителями стран СНГ	64,6	51,9	60,3	50
С людьми моей национальности	91,6	86	90,5	83
С людьми одного со мной вероисповедания	81,3	73,7	67,5	54
С людьми моего поколения	97,9	90,7	87,3	88
С жителями моего населенного пункта	80,3	81,4	80,1	73

В структуре Мы-идентичностей в 2019 году преобладали общероссийская, этническая и поколенческая идентичности, тогда как замеры 2020 года

показали выход на первый план поколенческой и локальной идентичностей.

Таблица 4

«Мы-идентификации» русского населения края (Ответы на вопрос «В какой степени Вы ощущаете близость с перечисленными общностями...»), замер 2020 года, %

	Поколение ВВ	Поколение X	Поколение Y	Поколение Z
С жителями России	75	71	76	66
С жителями стран СНГ	39	41	53	43
С людьми моей национальности	86	65	82	67
С людьми одного со мной вероисповедания	72	66	51	33
С людьми моего поколения	93	77	92	67
С жителями моего населенного пункта	85	87	85	87

Можно говорить, что обращение к реальным группам повседневного общения и идентификация с ними может служить способом защиты от глобальных угроз, дает ресурс совладения с

тревожной ситуацией. В целом, пандемия как глобальный социальный риск показала возможности и ограничения мобилизации и солидарности современных обществ.

Литература:

1. *Нестик Т.А.* Психология глобальных рисков / Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 402 с.; *Яницкий О.Н.* Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 16–31.
2. *Шапиро Дж.* Трансатлантические отношения и коронавирус // Россия в глобальной политике. 23.03.2020.
3. *Лункин Р.Н.* Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса // Аналитическая записка. 2020. № 10(193).
4. *Вахштайн В.С.* Пандемия, страх, солидарность // Россия в глобальной политике. 2020. № 3.
5. *Харченко Е.В.* Я-идентификация современных студентов (на примере ассоциативного эксперимента) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2014. Т. 11. № 1. С. 53–56.

Literature:

1. *Nestik T.A.* Psychology of global risks / T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev. M. : Publishing house «Institute of Psychology RAS», 2018. 402 p.; *Yanitskiy O.N.* Typology of critical states of modern society // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Vol. 11. № 1. P. 16–31.
2. *Shapiro J.* Transatlantic relations and coronavirus // Russia in global politics. 03.23.2020.
3. *Lunkin R.N.* The future of European identity against the backdrop of the coronavirus crisis // Analytical Note. 2020. № 10(193).
4. *Vakhstein V.S.* Pandemic, fear, solidarity // Russia in global politics. 2020. № 3.
5. *Kharchenko E.V.* Self-identification of modern students (on the example of an associative experiment) // Bulletin of the South Ural State University. Linguistics series. 2014. Vol. 11. № 1. P. 53–56.

Олонец Светлана Борисовна

доцент кафедры
физической культуры и спорта
Академии физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
sveta.olonez@mail.ru

Ефремова Татьяна Геннадьевна

доцент кафедры
физической культуры и спорта
Академии физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
gennchmelev@rambler.ru

Согомонян Ксения Владимировна

Старший преподаватель
кафедры физической культуры и спорта
Академии физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
k.v.sogomonyan@gmail.com

**АДАПТИВНАЯ
ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. С момента выделения адаптивной физической культуры в самостоятельное реабилитационное направление назрела необходимость социологического осмысления ее как фактора социальной интеграции молодежи. В рамках данной статьи рассматриваются факторы, влияющие на процесс социальной интеграции молодежи с ограниченными возможностями здоровья, а также проанализированы основные направления структуры адаптивной физической культуры.

Ключевые слова: социальная интеграция, молодежь, здоровье, адаптивная физическая культура, ограниченные возможности здоровья, адаптивная среда, общество.

В настоящее время, в условиях системного кризиса, охватившего различные сферы современной общественной жизнедеятельности, происходит развитие процессов социальной защиты населения и приходит все более глубокое осознание глобальной значимости здоровья как главной детерминанты конструктивного и полноценного развития всех слоев населения в целом, и молодежи, в особенности [1, 2]. Темпы социально-экономических, технологических, информационных и климатических изменений в мире требуют быстрой адаптации и постоянной интеграции к трансформирующимся условиям жизни лиц всех групп здоровья [3, 4], в том числе и групп с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Svetlana B. Olonets

Associate Professor of the Department
of Physical Culture and Sports
Academy of Physical and Sports,
Southern Federal University
sveta.olonez@mail.ru

Tatiana G. Efremova

Associate Professor of the Department
of Physical Culture and Sports
Academy of Physical and Sports,
Southern Federal University
gennchmelev@rambler.ru

Ksenia V. Soghomonyan

Senior lecturer of the Department
of Physical Culture and Sports
Academy of Physical Culture and Sports,
South Federal University
k.v.sogomonyan@gmail.com

**ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE
AS A FACTOR OF SOCIAL
INTEGRATION OF YOUTH**

Annotation. From the moment of the allocation of adaptive physical culture into an independent rehabilitation direction, there is a need for sociological understanding of it as a factor of social integration of youth. Within the framework of this article, the factors influencing the process of social integration of young people with disabilities are considered, and the main directions of the structure of adaptive physical culture are analyzed.

Keywords: social integration, youth, health, adaptive physical culture, disabilities, adaptive environment, society.

Согласно данным официальной статистики, количество детей и молодежи с ОВЗ в современной России постоянно и неуклонно возрастает. Так, эксперты Минтруда обнаружили, что рост количества детей и молодежи с ограниченными возможностями здоровья наблюдается с каждым годом, так, число молодых людей с ОВЗ в 2019 г. достигло 670 тыс., а в 2020г. выросло почти на 20 тысяч [5]. И в результате такого очевидного обострения проблемы инвалидности в среде молодых людей, возникает потребность в эффективной деятельности по созданию условий для интеграции в общественную жизнь данной категории населения, в первую очередь, посредством адаптивной физической культуры и спорта.

Данной проблеме посвящены работы современных отечественных исследователей: Н.А. Воронова, А.В. Гладылиной, Т.В. Скобликовой, А.А. Степанец, Н.А. Строговой, Г.А. Литвиной, В.Е. Кульчицкого, А.В. Агеева и др. Как справедливо подчеркивает А.А. Степанец, чем раньше молодой индивид с ОВЗ приступит к практике адаптивной физической культуры (АФК), «тем эффективней будут результаты физического, социального и культурного восстановления» и социальной интеграции [6, с. 823].

Молодежь с ограниченными возможностями здоровья (инвалиды) – это члены общества, которые в силу ограниченности своих соматических, физических, социально-психологических, интеллектуальных, культурных возможностей, связанных с состоянием здоровья, нуждаются в организации специальных процессов и социальных технологий с целью интеграции в общество для полноценного существования и функционирования [7, 8].

Социальная интеграция молодежи с ОВЗ – это весьма многогранный процесс социализации, адаптации и изменения сферы сознания молодого индивида «от уныния и пассивности к активности и желанию прикладывать максимальные усилия для восстановления своего здоровья и полноценного общения с окружающим социумом» [9]. Социальная интеграция молодых лиц с ОВЗ в обществе представляет собой процесс налаживания разрушенных связей между ними и обществом, обеспечивающий их включенность в основные сферы жизнедеятельности – быт, труд, активный отдых и досуг, и, что особенно важно, – в образование.

Это связано с тем, что для российской действительности сегодня характерна социальная интеграция посредством льготного включения учащейся молодежи с ОВЗ в образовательную среду, исходя из ее статуса инвалидности. Данный факт можно считать положительной стороной государственного регулирования проблемы интеграции инвалидов в социум посредством образовательного пространства, что позволяет преодолеть медико-ориентированную модель отношения общественности к проблеме молодежной инвалидности, характерную для российского общества.

Какие же факторы влияют на процесс социальной интеграции молодежи с ОВЗ?

Во-первых, фактор государственной политики и защиты молодежи с ОВЗ путем обеспечения таких важных мер, как: доступная, адаптивная среда, государственная поддержка организаций, содействующих молодежи с ОВЗ в занятиях адаптивной физической культурой, предоставление льгот при посещении спортивно-оздоровительных учреждений [10].

Во-вторых, фактор создания адаптивной среды, которая позволит обеспечить полноценное включение и личностную самореализацию молодежи с ОВЗ в образовательные организации. И здесь главными являются два принципа: принцип

изменения парадигмы специального образования (отказ от медицинского подхода в пользу психолого-педагогического) [11]; второй принцип – изменение концептуальных основ специального образования, затрагивающий вопросы интеграции и инклюзивного образования, вопросы возможности выбора формы обучения, типа и вида образовательного учреждения молодежи с ОВЗ, вопросы развития медико-психолого-педагогического сопровождения молодого индивида с ОВЗ и его семьи в процессе воспитания и обучения.

В-третьих, важнейшим фактором социально-психологической интеграции является отношение к молодежи с ОВЗ со стороны здоровых слоев населения. Именно поэтому сегодня актуализируется фактор изменения отношения общества к молодежи с ОВЗ, основной принцип которого гласит, что к молодежи с ОВЗ следует относиться не как к «инаковым», больным, а как к личностям, имеющим равные права с обычными гражданами.

В-четвертых, фактор семейной поддержки – весьма важный фактор в решении проблемы социальной интеграции молодежи с ОВЗ. За последние годы государство внесло существенные изменения в семейной социальной политике: семья несет ответственность за решение важных для нее вопросов, в т.ч. и в части обеспечения материальной, педагогической, социально-психологической поддержки детей-инвалидов. Именно семья является одним из основных ресурсов для интеграции инвалида в обществе [12].

В-пятых, адаптивная физическая культура как фактор социализации, социальной интеграции молодежи с ОВЗ, речь о которой пойдет далее.

Что же представляет собой адаптивная физическая культура (АФК)?

Как указывает Н.А. Воронов, АФК направлена на организацию работы с теми группами учащейся молодежи, которые входят в те или иные нозологические группы в зависимости от заболеваний [13].

Адаптивная физическая культура – это особый социальный феномен, комплекс мер оздоровительного характера, основной целью которого является: во-первых, установление и укрепление социальных связей всякого молодого индивида с ОВЗ, (который ранее имел ограниченный доступ в рамках реализации своего потенциала или вовсе не был включен в социальный процесс); во-вторых, его приобщение к полноценной осмысленной жизни с возможностью социальной интеграции.

Как показывает анализ научной литературы по соответствующему направлению, структура АФК включает в себя следующие направления [14]:

– адаптивное физическое воспитание, способствующее формированию знаний, умений и навыков, развивающих специальные качества, помогающих использовать потенциал сохранившихся двигательных функций;

– адаптивная двигательная рекреация, необходимая для восстановления сил, физической,

умственной и психической энергии, смены деятельности, получения позитивных эмоций;

– адаптивный спорт для молодежи с ОВЗ, обучающий спортивному мастерству, ставящий своей целью достижение наивысших результатов, вырабатывающий стремление к победе, уверенности в себе, свои силы и собственные возможности;

– адаптивная физическая реабилитация, причем последняя играет первостепенную роль в социальной интеграции, ибо «основной целью реабилитации является восстановление социального статуса молодого инвалида, правового положения» [12, с. 186]. Адаптивная физическая реабилитация направлена на восстановление двигательных и психических функций, которые были временно утрачены или нарушены, за исключением тех, которые стали причиной получения инвалидности [15].

Заметим, что все эти направления охватывают основные существующие виды физкультурной деятельности молодых людей с ОВЗ.

В целом, АФК представляет собой инновационное направление в рамках российской системы реабилитации, адаптации и социальной интеграции молодежи с ОВЗ, будучи частью физической

культуры [16], АФК предназначена для молодежи со стойкими нарушениями соматических и физиологических функций вследствие имеющихся заболеваний, травм и врожденных дефектов, направлена на стимуляцию позитивных реакций организма и формирование необходимых двигательных умений, навыков, физических качеств и способностей.

Учет всех факторов, влияющих на процесс социальной интеграции молодежи с ОВЗ, с необходимостью приведет к тому, что молодежи, имеющей ограничения в состоянии здоровья, откроются новые возможности обучения, личностного продвижения и самореализации; изменится отношение социума к вопросам адаптивной физической культуры, инклюзивного спорта и образования; расширится информационное поле специалистов о современных организационно-методических подходах в физкультурно-спортивной и оздоровительной деятельности при работе с молодежью, имеющей ОВЗ.

Таким образом, АФК занимает особое место в рамках социальной интеграции и преодоления эксклюзии молодежи с ОВЗ, предоставляя объективные возможности на процесс социальной инклюзии (включения) и активное участие молодых людей во многие сферы жизнедеятельности общества.

Литература:

1. Гафиатулина Н.Х. Здоровьесберегающие модели профессиональной социализации студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности // «Инженерный вестник Дона». 2013. № 3. URL : <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824> (доступ свободный).
2. Ponomarev I.E. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva et [al.]. 2019. Vol. 8. № 2.1. P. 250–257.
3. Ефремова Т.Г. Физическая культура в системе детерминант здоровьесберегающего поведения / Т.Г. Ефремова, Т.А. Степанова // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2019. № 6. С. 22–25.
4. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье студенческой молодежи как индикатор социокультурной интеграции // Социально-гуманитарные знания. 2013. №11. С. 255–261.
5. URL : <https://45jurist.ru/ugolovnoe-pravo/statistika-detej-s-ovz-v-rossii-2020.html>
6. Степанец А.А. Развитие адаптивного спорта среди молодежи в России: социокультурный анализ // Медико-фармацевтический журнал «Пульт». 2016. № 18. С. 821–825.
7. Пономарев И.Е. Модель формирования здоровьесберегающего стиля жизни студентов вуза в процессе физического воспитания /

Literature:

1. Gafiatulina N.Kh. Health-preserving models of professional socialization of student youth in conditions of social uncertainty // «Engineering Bulletin of the Don». 2013. № 3. URL : <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824> (free access).
2. Ponomarev I.E. The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). International Journal of Applied Exercise Physiology / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva et [al.]. 2019. Vol. 8. № 2.1. P. 250–257.
3. Efremova T.G. Physical culture in the system of determinants of health-preserving behavior / T.G. Efremova, T.A. Stepanova // Physical culture: upbringing, education, training. 2019. № 6. P. 22–25.
4. Gafiatulina N.Kh. Social health of student youth as an indicator of sociocultural integration // Social and humanitarian knowledge. 2013. № 11. P. 255–261.
5. URL : <https://45jurist.ru/ugolovnoe-pravo/statistika-detej-s-ovz-v-rossii-2020.html>
6. Stepanets A.A. The development of adaptive sports among young people in Russia: sociocultural analysis // Medical and pharmaceutical journal «Pulse». 2016. № 18. P. 821–825.
7. Ponomarev I.E. Model of the formation of health-strengthening lifestyle of university students in the process of physical education / I.E. Ponomarev,

- И.Е. Пономарев, С.С. Косинов, С.Б. Олонец // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 258–262.
8. *Олонец С.Б.* Физическая культура и спорт как способ реализации стратегии здравоохранения / С.Б. Олонец, В.М. Бабаева, К.В. Согомонян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 79–82.
9. *Строгова Н.А.* Адаптивная физическая культура в системе комплексной реабилитации и социальной интеграции инвалидов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.
10. Федеральный Закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995. № 181 ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559
11. *Ефремова Т.Г.* Здоровье как ценность: особенности социально-культурных и личностных представлений // Культура физическая и здоровье. 2019. № 3(71). С. 61–65.
12. *Алимян А.А.* Социальная интеграция инвалидов в российском обществе / А.А. Алимян, В.Р. Кузьякина, А.И. Девятилова // Актуальные проблемы развития физической культуры и спорта в современных условиях: материалы IV Междунар. научно-практической конференции. Курск, 2019. С. 185–189.
13. *Воронов Н.А.* Адаптивная физическая культура и здоровье // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 1.
14. *Гладиллина А.В.* Адаптивная физическая культура как средство интеграции в социум лиц с ограниченными возможностями / А.В. Гладиллина, Т.В. Скобликова // Университетская наука: взгляд в будущее. 2020. С. 500–503.
15. *Евсеев С.П.* Адаптивная физическая культура: сущность, история и современное состояние // Теория и практика физической культуры. 2016. № 10. С. 20–23.
16. *Пonomarev И.Е.* Массовый спорт и спорт высших достижений как современный социокультурный феномен / И.Е. Пonomarev, Л.Ю. Стриева, С.Б. Олонец // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 236–240.
- S.S. Kosinov, S.B. Olonets // State and municipal management. Scholarly notes. 2020. № 4.
8. *Olonets S.B.* Physical culture and sport as a way to implement the health strategy / S.B. Olonets, V.M. Babaeva, K.V. Sogomonyan // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 9. P. 79–82.
9. *Strogova N.A.* Adaptive physical culture in the system of complex rehabilitation and social integration of disabled people // Theory and practice of social development. 2012. № 2.
10. Federal Law «On social protection of disabled people in the Russian Federation» dated 24.11.1995. № 181 FZ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559
11. *Efremova T.G.* Health as a value: features of socio-cultural and personal representations // Physical culture and health. 2019. № 3(71). P. 61–65.
12. *Alimyan A.A.* Social integration of disabled people in Russian society / A.A. Alimyan, V.R. Kuz'yakina, A.I. Devyatilova // Actual problems of the development of physical culture and sports in modern conditions: materials of the IV International. scientific and practical conference. Kursk, 2019. P. 185–189.
13. *Voronov N.A.* Adaptive physical culture and health // International journal of humanitarian and natural sciences. 2018. № 1.
14. *Gladilina A.V.* Adaptive physical culture as a means of integration into society of persons with disabilities / A.V. Gladilina, T.V. Skoblikova // University science: a look into the future. 2020. P. 500–503.
15. *Evseev S.P.* Adaptive physical culture: essence, history and current state // Theory and practice of physical culture. 2016. № 10. P. 20–23.
16. *Ponomarev I.E.* Mass sports and sports of the highest achievements as a modern socio-cultural phenomenon / I.E. Ponomarev, L.Yu. Striyeva, S.B. Olonets // State and municipal management. Scholarly notes. 2019. № 1. P. 236–240.

Петров Андрей Павлович
кандидат философских наук,
доцент кафедры теории,
методологии и правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
A.P.Petrov@urfu.ru

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории,
методологии и правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

Шиловцев Андрей Владимирович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории,
методологии и правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
a.shilovtsev@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУБЪЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

■ ■ ■

Аннотация. Социальное партнерство – социальное явление, характерное для современного типа общества, возникшее в период индустриального развития и продолжает развиваться в настоящее время. Статья представляет собой обзор состояния данного явления в современной России, сделанный на основе документального анализа наиболее поздних научных работ по этому вопросу. Социальное партнерство сегодня – это социальный институт, социальный механизм, инструмент реализации современной государственной политики, воплощающий идею гуманизма, социального государства, развивающий гражданскую культуру в обществе. В работе рассмотрены наиболее важные субъекты межсекторального партнерства. Выделены основные проблемы, возникающие в ходе их взаимодействия.

Ключевые слова: социальное партнерство, субъекты социального партнерства, постиндустриальное общество, гуманизм.

■ ■ ■

Andrey P. Petrov
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory, Methodology and Legal Support
State and Municipal Management,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
A.P.Petrov@urfu.ru

Natalya G. Horoshkevich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory, Methodology and Legal Support
State and Municipal Management,
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex

Andrei V. Shilovtsev
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory, Methodology and Legal Support
State and Municipal Management,
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin
a.shilovtsev@mail.ru

SOCIAL PARTNERSHIP IN MODERN RUSSIA: SUBJECTS OF INTERACTION

■ ■ ■

Annotation. Social partnership is a social phenomenon characteristic of the modern type of society, which arose during the period of industrial development and continues to develop at present. The article is an overview of the state of this phenomenon in modern Russia, made on the basis of a documentary analysis of the most recent scientific works on this issue. Social partnership today is a social institution, a social mechanism, an instrument for the implementation of modern state policy, which embodies the idea of humanism, a social state, which develops civil culture in society. The most important actors in cross-sectoral partnerships are considered. The main problems arising in the course of their interaction are highlighted.

Keywords: social partnership, subjects of social partnership, post-industrial society, humanism.

■ ■ ■

Современный мир переходит к постиндустриальному типу общественных отношений. Россия также пытается построить этот тип общества. Такой тип общества предполагает новую иерархию ценностей, новый тип человека, переосмысление роли государства в жизни общества. Одним из инструментов реализации идеи гуманизма в рамках социального государства, публичного управления и т.д. является социальное партнерство.

Сегодня в научной литературе написано достаточно большое количество работ, касающихся этого явления. Оно исследовано в рамках разных наук: права, экономики менеджмента, социологии и т.д. Однако социальное партнерство постоянно развивается: меняются внешние факторы, появляются новые практики и т.д., в связи с чем, этот процесс необходимо постоянно исследовать с позиций разных наук. В статье представлен обзор состояния социального партнерства в условиях современной России. Рассмотрены его основные субъекты и проблемы, с которыми они сталкиваются. Авторами статьи не проводился социологический опрос. Исследование построено на материалах наиболее поздних работ по этому вопросу и носит общий, обзорный характер.

По мнению современных специалистов, началом развития социального партнерства в постсоветской России можно считать Указ Президента России № 212 от 15.11.1991. «О социальном партнерстве и разрешении коллективных трудовых споров (конфликтов)», где говорилось о создании системы социального партнерства в сфере социально-трудовых отношений и условиях разрешения трудовых конфликтов. И, если в развитых европейских странах инициаторами развития социального взаимодействия были трудящиеся, то в постсоветской России инициатором развития партнерских отношений в сфере социально-трудовых отношений стало государство.

Позднее государство также пытается заполнить правовой вакуум в сфере социально-трудовых отношений. Россия ратифицирует ряд нормативно-правовых актов из международного законодательства (Конвенции МОТ). Были приняты соответствующие меры, относительно нормативно-правовой базы РФ в социально-трудовой сфере. Например, были изданы нормативно-правовые акты: от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», от 01.05.1999 № 92-ФЗ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений», региональные нормативно-правовые акты о развитии социального партнерства. С начала 2000-х гг. в Трудовом кодексе РФ от 2002 г. законодательно закрепляются общие принципы и структура социального партнерства в РФ, которая формировалась в предыдущие 10 лет. Там дается определение социального партнерства, описаны его принципы, стороны и уровни: федеральный, региональный, локальный, первичный.

В настоящее время в РФ существует модель межсекторального социального партнерства. Сегодня в научной литературе есть классификации

моделей социального партнерства. Если рассматривать отечественную модель социального партнерства в соответствии с классификацией, предложенной В.А. Михеевым, то в нашей стране сложилась скорее первая модель, похожая на модели социального партнерства стран Северной Европы, где государство активно вмешивается в процесс урегулирования отношений в трудовой сфере [1, с. 201–202].

В нашей стране процесс трехстороннего взаимодействия осуществляется при активном, доминирующем участии государства, действует трипартизм. Кроме того, российские исследователи отмечают неравноправие сторон в трехстороннем взаимодействии. Во всем процессе доминирует государство, профсоюзы не могут должным образом отстаивать интересы работников, а у предпринимателей низкий уровень социальной ответственности.

В Трудовом кодексе РФ дано определение социального партнерства как «системы взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» [2], т.е. дано первоначальное понимание социального партнерства, где оно рассматривалось только применительно к сфере трудовых отношений. Однако в отечественной научной литературе присутствуют определения и более позднего, широкого подхода, где социальное партнерство – это «совокупность взаимодействующих и выстроенных в определенной последовательности методов решения социальных проблем путем реализации контактов между институтами, сформировавшимися в ходе человеческой деятельности в различных областях» [3, с. 31]. Здесь социальное партнерство является не только инструментом решения проблем в трудовой сфере, но и в социальной.

Нужно отметить, что сегодня в России сложился механизм социального партнерства. Стоит заметить, что существуют разные его варианты: механизм для урегулирования отношений в трудовой сфере [1, с. 101–107], механизм государственно-частного партнерства [4, с. 136].

Если рассматривать социальное партнерство с точки зрения социального института, то это, действительно, сложившаяся социальная практика. Здесь есть действующие социальные субъекты, нормы, ценности. Эта практика необходима, так как выполняет целый ряд функций социального партнерства:

– представительства интересов означает выявление, координацию и гармонизацию интересов разных слоев общества;

– социального контроля;

– участия в разработке социально-экономических программ, распределении материальных ценностей в обществе;

– участия в ускорении научно-технического прогресса, повышения производительности труда;

– развития демократии и самоуправления в обществе;

– повышения благосостояния трудящихся, развития социальной справедливости;

– формирования благоприятного климата в социуме, развитие доверия, учета интересов [5, с. 72–74].

Эти функции необходимы на территории всего государства разным социальным группам. Учитывая вышесказанное, можно считать, что на территории РФ социальное партнерство является социальным институтом.

Если рассматривать основных субъектов социального партнерства, то можно отметить, среди них: государство, бизнес, НКО, трудящихся и население страны.

Государство в РФ является основным работодателем. Оно занимается регулированием занятости, оплаты труда для бюджетных организаций, устанавливает минимальный уровень заработной платы для всех трудящихся, осуществляет налоговую политику. Государство в РФ стало осваивать новую для него роль. Сегодня оно является партнером в сфере социально-трудовых отношений. Оно принимает участие в переговорах, консультациях в этой сфере, является инициатором или участником в процессе разработки новых нормативно-правовых актов, регулирующих отношения между социальными партнерами. Также, государство в РФ – это арбитр в конфликтах между собственниками предприятий и наемными работниками.

В качестве структуры, представляющей государство в трехстороннем взаимодействии на производстве, действует Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений (РТК). Такие комиссии созданы в каждой отрасли и регионе.

Деятельность объединения работодателей регулирует Федеральный закон от 27.11.2002 № 156-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об объединениях работодателей». Например, Российский союз промышленников и предпринимателей, Российская торгово-промышленная палата, Межрегиональный профсоюз предпринимателей, Профсоюз свободных предпринимателей и т.д. Принятие закона об организациях предпринимателей активизировало деятельность крупных объединений работодателей на уровне Федерации.

В РФ действует Торгово-промышленная палата Российской Федерации и Торгово-промышленные палаты в субъектах Российской Федерации

(ТПП). Цель этих организаций – повышение качества делового климата в России [6, с. 34].

По мнению экспертов, в нашей стране в процессе социального партнерства принимают участие преимущественно крупные предприятия. Малый бизнес включен в этот процесс скорее эпизодически. Причинами этого являются недостаточные финансовые возможности, и отсутствие единого подхода в обществе к социальному партнерству.

Современные профсоюзные организации не всегда оправдывают ожидания трудящихся. Это связано со слабой мотивацией членства в профсоюзах. Большинство членов профсоюзов считают, что последние не могут защитить интересы работников, не могут повлиять на увеличение заработной платы и т.д. Оплата деятельности профсоюзных работников не зависит от их активности и результатов работы, что также не стимулирует активность профсоюзных лидеров. Работники фактически лишены прав влиять на соблюдение обязательств.

Кроме профсоюзов, созданных еще в советский период¹, сегодня в России появились профсоюзы нового типа – альтернативные профсоюзы. Последние появлялись там, где традиционные профсоюзы не защищали работников от несправедливости работодателей. Альтернативные профсоюзы активнее используют возможные меры борьбы за права трудящихся, такие как забастовки, митинги, пикеты и т.д. [7, с. 90–91].

Однако после принятия поправок в 2006 г. в Трудовой кодекс альтернативные профсоюзы лишились целого ряда прав. Согласно статьям 29, 30, 31 и 37 ТК РФ, законным представительством интересов работников признается либо «профсоюз большинства» (как правило, входящий в ФНПР), либо «иной выбранный орган», в случае отсутствия на предприятии «профсоюза большинства». И теперь, в силу своей малочисленности, альтернативные профсоюзы не могут активно, как это было ранее, отстаивать интересы своих членов [8, с. 72].

Кроме профсоюзных организаций, в сфере социального партнерства все активнее начинают играть роль другие некоммерческие организации – это некоммерческий сектор – НКО. Их деятельность проходит в более сложных условиях, чем в странах Запада. Это связано с тем, что не создана эффективная система поощрения деятельности НКО при решении социальных вопросов, у них не всегда достаточно средств, чтобы решать социальные вопросы посредством грантов и других социальных технологий с привлечением НКО. По мнению экспертов, сегодня в РФ актуальным является вопрос о необходимости перехода от проектной деятельности НКО к государственным контрактам.

Сегодня отмечают проблемы отчетности НКО. Иногда она превышает отчетность коммерческих структур.

¹ Выше шла речь о традиционных профсоюзах.

Также, у НКО ощущается недостаток профессиональных сотрудников, которые могли бы эффективно взаимодействовать в социальном партнерстве, сотрудникам НКО часто не хватает опыта административной работы.

Кроме того, новые методики, технологии работы с НКО, имеющие место в зарубежных странах, не всегда могут соответствовать российским реалиям.

По оценкам специалистов, межсекторальное сотрудничество: государство, НКО и бизнес находится в стадии формирования. Необходимо развитие экономического взаимодействия бизнеса и государства, который бы ориентировался на социальный эффект от вложенных инвестиций, далее – взаимодействия между бизнесом и НКО. Затем, должна произойти детализация аспектов соглашений социального партнерства [9, с.257-258].

Сегодня в России основным инициатором заключения трехсторонних соглашений являются сотрудники предприятий. Если в развитых странах для работодателей создана система их материального стимулирования: льготы при налогообложении и т. д., то в России это не развито. В западных странах путь, когда трудящиеся активно боролись за свои права, был пройден в середине прошлого века. Для современной России характерен низкий уровень правовой и политической культуры. Россияне плохо знают законы. По этой причине они не знают как, не умеют отстаивать свои права. У них отсутствует информация, к кому нужно обратиться за помощью в случае нарушения их прав.

В современной России большинство граждан не обладают знаниями и навыками социального партнерства. Они не умеют профессионально вести переговоры при устройстве на работу. Не каждый может найти в себе силы отстаивать свои права. В условиях безработицы они боятся быть уволенными и по этой причине стараются не конфликтовать с работодателем [10, с. 62].

По оценкам современных отечественных исследователей, процесс социального партнерства в России сталкивается с целым рядом проблем:

– недостаточно часто заключаются коллективные договоры. Обычно, они заключаются на

государственных предприятиях. Однако такие договоры отсутствуют на предприятиях малого и среднего бизнеса;

– много случаев, когда заключенные коллективные договора превращаются в формальность;

– недостаток опыта у сторон социального партнерства в согласовании интересов;

– фактически отсутствуют, в ряде случаев. профсоюзы в организации (на предприятиях);

– несогласованностью существующего законодательства с интересами трудящихся [с. 243–244].

Также, можно добавить недостаточную активность профсоюзов, в связи с чем:

– низкий уровень правовой и политической культуры трудящихся не способствует их активной роли в развитии трехсекторального социального партнерства;

– необходимо совершенствование нормативно правовой базы, регулирующей деятельность НКО;

– остается низким уровень активности трудящихся в процессе отстаивания своих интересов в социально-трудовой сфере.

Однако, несмотря на выявленные проблемы, отставание в уровне развития в сравнении с зарубежными развитыми странами в настоящее время в РФ социальное партнерство – это социальный институт, социальный механизм для решения вопросов в трудовой сфере и решения социальных вопросов с привлечением разных групп общества. Социальное партнерство – это сложившийся инструмент проведения государственной политики современного общества, характерный для индустриального и очевидно начала постиндустриального типа общества. В дальнейшем, в связи со снижением влияния роли государства в обществе, данный социальный институт будет развиваться и изменяться в соответствие с требованиями общества. В этой связи необходимо дальнейшее изучение данного явления и с социологических позиций в том числе.

Литература:

1. Михеев В.А. Основы социального партнерства: теория и политика : учеб. для вузов. М. : Экзамен, 2001.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 09.11.2020). Ст. 23. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e5c859f1e3f2f02351e1fcd1159b2a19b9e7f446/ (дата обращения 13.12.2020).
3. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России / Под ред. А.С. Автономова. М. : Рос. Благотворительный фонд НАН, 2003.

Literature:

1. Mikheev V.A. Fundamentals of social partnership: theory and politics : studies for universities. M. : Exam, 2001.
2. Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 197-ФЗ (ed. From 09.11.2020). Art. 23. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e5c859f1e3f2f02351e1fcd1159b2a19b9e7f446/ (date of application 13.12.2020).
3. Social technologies of intersector interaction in modern Russia / ed. A.S. Avtonomov. M. : Ros. NAS Charitable Foundation, 2003.

4. *Иродова Е.Е.* Механизм государственно-частного партнерства / Е.Е. Иродова, С.В. Алексеева // Теоретическая экономика. 2017. № 6.
5. *Витко Ф.П.* Социальное партнерство: учебно-метод. комплекс. Мн. : ГИУСТ БГУ, 2008.
6. *Якимова Е.М.* Негосударственный механизм защиты субъектов предпринимательской деятельности: конституционно-правовое исследование // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2(85).
7. *Бурлуцкая М.Г.* Возникновение и развитие альтернативных профсоюзов на предприятии / М.Г. Бурлуцкая, М.Д. Данилина // Дискуссия. 2012. № 9(27).
8. *Баранов Ю.В.* Проблемы профсоюзного движения в России / Ю.В. Баранов, С.Г. Полянская // Омский научный вестник. 2012. № 2(106).
9. Об этом см.: *Наумова А.И.* Роль бизнеса и некоммерческих организаций в становлении института социального партнерства современной России / А.И. Наумова, Е.А. Мищенко // Сборник XIV Всероссийской научно-практической конференции Экспериментальные и теоретические исследования XXI века: проблемы и перспективы развития. 2018.
10. *Антипьев А.Г.* Социальное партнерство в современной России: состояние и проблемы // Вестник Пермского государственного университета. 2010. Вып. 1(7).
11. *Барабанов А.* Потенциал социального партнерства в современной России // Вестник СПбГУ. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 3.
4. *Herodova E.E.* Public-private partnership mechanism / E.E. Herodova, S.V. Alekseeva // Theoretical economy. 2017. № 6.
5. *Vitko F.P.* Social partnership: educational method. Complex. Mn. : GIUST BSU, 2008.
6. *Yakimova E.M.* Non-state mechanism for the protection of business entities: constitutional and legal research // Siberian Legal Gazette. 2019. № 2(85).
7. *Burlutskaya M.G.* Emergence and development of alternative trade unions at the enterprise / M.G. Burlutskaya, M.D. Danilina // Discussion. 2012. № 9(27).
8. *Baranov Yu.V.* Problems of the trade union movement in Russia / Yu.V. Baranov, S.G. Polyanskaya // Omsk Scientific Bulletin. 2012. № 2(106).
9. About this see: *Naumova A.I.* The role of business and non-profit organizations in the formation of the Institute of Social Partnership of Modern Russia / A.I. Naumova, E.A. Mishchenko // Collection of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference Experimental and Theoretical Studies of the XXI Century: Problems and Prospects of Development. 2018.
10. *Antipyev A.G.* Social partnership in modern Russia: state and problems // Bulletin of Perm State University. 2010. Iss. 1(7).
11. *Barabanov A.* The potential of social partnership in modern Russia // Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology. 2019. Vol. 12. Iss. 3.

Планидин Евгений Сергеевич
аспирант,
преподаватель
кафедры физической культуры
и спортивно-оздоровительных технологий,
Донской государственной
технической университет
planida1996@yandex.ru

СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ РЕКРЕАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье проводится теоретический анализ спортивно-оздоровительной деятельности в системе рекреации. Автор исходит из того, что спортивно-оздоровительная деятельность является сферой социальной деятельности. Спортивно-оздоровительная деятельность, ее рекреационный ресурс в комплексе удовлетворяют потребность человека в движении, что обусловлено не только биологической потребностью человека, но и социальной необходимостью. Рекреационный потенциал спортивно-оздоровительной деятельности в современном обществе обладает возможностями интегрировать две фундаментальные социокультурные составляющие: человека и общества.

Ключевые слова: рекреация, спортивно-оздоровительная деятельность, физическая культура, спорт, здоровье.

В настоящий момент в спортивно-оздоровительной сфере наблюдается позитивное движение по сбалансированию личных и общественных интересов посредством реализации решения задач по развитию индустрии физической культуры и спорта.

Непосредственно, сфера спорта реализует стратегические социальные задачи – носит образовательный контекст, влияет на укрепление и сохранение здоровья человека, решает социальные задачи в направлении совершенствования физкультурно-спортивных услуг для населения, создает положительный климат в обществе.

Современная цивилизация все чаще напоминает о необходимости сохранения человеческого ресурса как созидателя видимого технического прогресса. В настоящее время создано положение, когда роль физической культуры и спорта как традиционных элементов образа жизни в современном обществе возрастает. Они могут полнее проявить свой здравоохранительный и жизнеутверждающий потенциал при условии, если будут развиваться не только в узких рамках физического

Evgenii S. Planidin
Graduate student,
Teacher
Department of Physical Culture
and Sports and Recreational Technologies,
Don State Technical University
planida1996@yandex.ru

SPORTS AND RECREATIONAL ACTIVITIES IN THE RECREATION SYSTEM: SOCIAL ASPECT

Annotation. The article provides a theoretical analysis of sports and recreation activities in the recreation system. The author proceeds from the fact that sports and recreation activities are a sphere of social activity. Sports and recreation activity, its recreational resource in the complex satisfy the human need for movement, which is due not only to the biological need of a person, but also to social necessity. The recreational potential of sports and recreation activities in modern society has the ability to integrate two fundamental socio-cultural components: a person and society.

Keywords: recreation, sports and recreation activities, physical culture, sports, health.

совершенствования, а как органическая часть жизнедеятельности человека.

Проблемы спортивно-оздоровительной деятельности в современной цивилизации волнуют многих людей, и это не случайно. Современный человек определяет успешность в жизни во взаимосвязи с физическим, духовным и нравственным здоровьем. Эти важные человекообразующие стороны бытия, в совокупности, отражают культуру человека.

Любая динамично развивающаяся сфера социальной деятельности непосредственно обновляется терминологическим составом, и этот состав терминов требует пересмотра основных понятий с учетом происходящих перемен. Вариативность понятий неуклонно растет в спортивно-оздоровительной и рекреационной деятельности, которая, прежде всего, направлена на сохранение и укрепление здоровья. Например, сам термин «здоровье» следует рассматривать более широко, чем в рамках медицины, при этом, как отмечает О.С. Мавропуло, является очевидным, что чем лучше состояние здоровья человека, тем период его

активной деятельности является более продолжительным [1, с. 97–103]. При этом отмечается, что здоровье занимает особое положение среди ценностей и целевых установок, на которые ориентируется поведение в обществе, также, здоровье является общепризнанным и утвержденным идеалом [2, с. 55–57].

Рекреационный потенциал спортивно-оздоровительной деятельности можно использовать во всем многообразии при наличии соответствующего уровня здоровья. Жизнедеятельность современного человека должна быть направлена на сохранение здоровья и вне спортивно-оздоровительной деятельности, а значит, необходимо формирование индивидуальной культуры здоровья. Именно культура здоровья обладает возможностями интегрировать две фундаментальные социокультурные составляющие: человека и общества. В этом контексте интерес вызывает социальное здоровье человека, которое на наш взгляд необходимо рассматривать через призму процесса социализации. При этом не просто выделять акцент стремления человека быть готовым к требованиям общества, а рассматривать процесс социализации посредством всех видов деятельности, в том числе, спортивно-оздоровительной, которая, на наш взгляд, является составной частью образа жизни человека.

В данном случае образ жизни понимается как категория, отражающая наиболее общие и типичные способы материальной и духовной жизнедеятельности людей, взятых в единстве с природными и социальными условиями. Человек все в большей мере становится субъектом собственного здоровья, от воли человека зависит то, какие он будет создавать, и как будет использовать техники продуцирования здоровья [3, с. 3–34].

Несомненно, на социализацию человека оказывают воздействие разнообразные стороны общественной жизни и здесь важно отметить, что приобщение личности к культуре окружающего его общества не является чистым приспособлением, признается право на личную активность и участие в формировании социальной подготовленности самого человека. Применяя термин «социальное здоровье», мы интегрируем в аспекты жизнедеятельности общества и человека. И здесь спортивно-оздоровительная деятельность, ее рекреационный ресурс, в комплексе, удовлетворяют потребность человека в движении, что обусловлено не только его биологической потребностью, но и социальной необходимостью.

Представляется возможным поддержать мнение Л.И. Лубышевой о том, что спортивная деятельность в качестве социального фактора модельно воспроизводит наборы жизненных ситуаций современной культуры, сохраняет и укрепляет существенные механизмы социокультурной жизни общества [4, с. 343–348]. Рекреационный потенциал спортивно-оздоровительной деятельности моделирует ситуации в жизнедеятельности человека, тем самым, формирует необходимые жизненные компетенции, носящие социальный характер.

Рассматривая вопросы совершенствования спортивно-оздоровительной деятельности и исполь-

зования ее рекреационного потенциала, мы особое внимание должны уделять созданию основ необходимого уровня здоровья человека, его физической подготовки, которая определяется разнообразием двигательных умений и навыков, развитием сопряженных с ними физических качеств в совокупности с уровнем необходимой системы знаний.

Известные специалисты в области физической культуры и спорта Н.П. Любецкий, А.А. Князев отмечают, что большинство людей задумываются о том, как жить лучше, и мало тех, кто сегодня думает, как быть лучше. По мнению авторов, феномен физической культуры, соединяя воедино социальное и биологическое в человеке, служит мощным иммунным барьером сохранения социального общественного и индивидуального здоровья, являясь весомой альтернативой реальной и серьезной опасности расчеловечивания «индустриального общества потребления» с господством голого техницизма [5, с. 3–264].

Рекреационный потенциал спортивно-оздоровительной деятельности настолько вариативен, что может быть использован не только для организации досуга и отдыха человека. Данный рекреационный потенциал можно использовать для оздоровления людей в разное время года, людей, имеющих разное материальное и социальное положение, различный возрастной аспект и индивидуальные потребности.

Из всего многообразия признаков рекреации Е.Н. Степанова предлагает считать главными, определяющими сущность рекреации, следующие подходы: осуществляется в свободное время, носит деятельный характер и построена на добровольной, самостоятельной основе. Автор утверждает, что это – три важнейших признака рекреации, без них она теряет свое значение, другие же ее признаки: культурно-аксиологические, познавательные, оздоровительные могут рассматриваться как производные, сопутствующие [6, с. 1–21]. Представляется, что рекреационный потенциал спортивно-оздоровительной деятельности признается как интегральный принцип единства духовного и телесного, социального и биологического.

В рамках исследовательских интересов мы провели опрос респондентов по использованию спортивно-оздоровительной деятельности в режиме досуга и рекреации. Мы использовали метод опроса для сбора конкретной информации от респондентов. Нашими респондентами выступили 234 человека – студенты и сотрудник Донского государственного технического университета. Коммуникативное взаимодействие с помощью анкетного опроса не требовало живого общения и позволило узнать о мнении респондентов удаленно. Положительный момент проведения анкетного опроса с помощью заранее подготовленного опросника заключался в том, что можно проводить опрос с большим числом респондентов и его можно проводить анонимно, не требуя от респондента личной информации.

Данные, полученные в ходе опроса, позволили нам определить место и значение спортивно-оздоровительной деятельности в практической жизнедеятельности респондентов разного возраста. Из всех опрашиваемых хронические заболевания имеют 71 % респондентов. Многие из них понимают, что нужно заниматься физической культурой и спортом, но 58 % мешает обычная лень, а 33 % отметили, что из-за отсутствия компаньона не уделяют спортивно-оздоровительной рекреации достаточно времени.

Оценивая собственную степень активности, 66 % респондентов пополнили группу относительно активных, 23 % отнесли себя в группу малоподвижных, а оставшиеся 11 % посчитали себя активными участниками спортивно-оздоровительных занятий в свободное время. Положительным мотивом к началу включения в спортивно-оздоровительную деятельность в свободное время может послужить совет близкого человека – 11 %, ухудшение здоровья – 34 %, увеличение веса – 23 %, пример друзей – 16 % и интерес к чему-то новому – 9 %.

Большое количество респонденты оценивают отрицательную степень влияния на здоровье человека употребление алкоголя и табакокурения как

Литература:

1. *Мавропуло О.С.* Образ жизни и здоровье человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 5. С. 97–103.
2. *Мавропуло О.С.* Здоровье в системе ценностей физической культуры личности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 4(65). С. 55–57.
3. *Терентьев О.В.* Здоровье человека как объект философского-аксиологического анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Терентьев Олег Владимирович; [Место защиты: Рос. гос. ун-т туризма и сервиса]. М., 2008. 26 с.
4. *Лубышева Л.И.* Спортизация в контексте социокультурного проектирования: В сборнике: Стратегия формирования здорового образа жизни населения средствами физической культуры и спорта: тенденции, традиции и инновации. 2019. С. 343–348. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=41501770> (дата обращения 09.09.2020).
5. *Любецкий Н.П.* Социальное здоровье. Массовый спорт как фактор социализации российской молодежи : учеб. пособие / Н.П. Любецкий, А.А. Князев. Ростов-н/Д. : Изд-во ООО «Логос», 2004. 264 с.
6. *Степанова Е.Н.* Формирование рекреационной физической культуры у школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2005. 21 с.

высокое. Многие респонденты, а это 75 %, в ходе опроса отмечают, что за последние 2–3 года произошло изменение активного образа жизни с поступательной тенденцией к понижению. Первую информацию об использовании физических упражнений в режиме дня 58 % респондентов получили в школе, 24 % дополняли ее при самостоятельном изучении, а 14 % поделились в опросе, что прислушиваются советов по здоровому образу жизни своих друзей.

Практически все респонденты ответили, что все, кто находится в их окружении, позитивно относится к занятиям физическими упражнениями в свободное время и стараются активно получать информацию по вопросам морфофункциональных изменений в организме человека, происходящих под воздействием физических упражнений.

Спортивно-оздоровительная деятельность представляет собой уникальное общественное явление. Феноменом этой деятельности состоит в том, что при минимальной поддержке государства, спортивно-оздоровительная деятельность успешно может существовать в сложных экономических условиях сегодняшнего дня и имеет вариативный рекреационный потенциал.

Literature:

1. *Mavropulo O.S.* Lifestyle and human health // Economic and humanitarian studies of regions. 2010. № 5. P. 97–103.
2. *Mavropulo O.S.* Health in the system of personal physical culture values // Humanities and socio-economic sciences. 2012. № 4(65). P. 55–57.
3. *Terentyev O.V.* Human health as an object of philosophical and axiological analysis : abstract dis. ... cand. of philosophical sciences: 09.00.01 / Terentyev Oleg Vladimirovich; [Place of protection: Ros. state University of Tourism and Service]. M., 2008. 26 p.
4. *Lubysheva L.I.* Sportization in the context of socio-cultural design: In the collection: Strategy for the formation of a healthy lifestyle of the population by means of physical culture and sports: trends, traditions and innovations. 2019. P. 343–348. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=41501770> (date accessed: 09/09/2020).
5. *Lyubetsky N.P.* Social health. Mass sports as a factor in the socialization of Russian youth : manual / N.P. Lyubetsky, A.A. Knyazev. Rostov-on/D. : Publishing house of ООО Logos, 2004. 264 p.
6. *Stepanova E.N.* Formation of recreational physical culture among schoolchildren : abstract dis. ... cand. of pedagogical sciences: 13.00.04 / Ros. state ped. un-t them. A.I. Herzen. SPb., 2005. 21 p.

Поливина Марина Анатольевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
гуманитарных дисциплин,
Армавирский механико-технологический
институт (филиал)
Кубанского государственного
технологического университета
marina_polivina@mail.ru

Шкуропий Ольга Ивановна

старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин,
Армавирский механико-технологический
институт (филиал)
Кубанского государственного
технологического университета
olgaskr17@yandex.ru

Майба Вита Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент,
кафедра иностранных языков,
Ростовский государственный университет
путей сообщения
vita.maiba@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ ВЛИЯНИЯ
ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ
НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ**



Аннотация. Практическое значение данной публикации заключается в том, чтобы акцентировать внимание научного сообщества на феномене фейковых новостей как факторе воздействия на общественное сознание и появлении целого ряда социально-психологических последствий этого воздействия. Авторы приходят к выводу, что фейковые новости, будучи инструментом манипуляции в информационном обществе, оказывают деструктивное влияние на общественное сознание, и влекут за собой определенные социально-психологические последствия его трансформации.

Ключевые слова: социально-психологические последствия, фейковые новости, общественное сознание, массовое сознание, информационное пространство, манипулятивное воздействие.



В эпоху мировой глобализации, стремительной информатизации и тотальной цифровизации, когда объемы информации удваиваются за какие-то несколько лет, с появлением электронных носителей информации полностью стираются условные границы и организовывается

Marina A. Polivina

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Humanities,
Armavir Mechanical
and Technological Institute (branch)
Kuban State Technological University
marina_polivina@mail.ru

Olga I. Shkuropy

Senior lecturer of the Department
of Humanitarian Disciplines,
Armavir Mechanical
and Technological Institute (branch)
Kuban State Technological University
olgaskr17@yandex.ru

Mayba Vita Victorovna

Candidate of Philology,
Assistant Professor,
Department of Foreign Languages,
Rostov State University
Ways of Communication
vita.maiba@yandex.ru

**SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL
CONSEQUENCES OF THE INFLUENCE
OF FAKE NEWS
ON PUBLIC CONSCIOUSNESS**



Annotation. The practical significance of this publication lies in focusing the attention of the scientific community on the phenomenon of fake news as a factor influencing public consciousness and the emergence of a number of socio-psychological consequences of this impact. The authors come to the conclusion that fake news, being an instrument of manipulation in the information society, have a destructive effect on public consciousness, and entail certain socio-psychological consequences of its transformation.

Keywords: social and psychological consequences, fake news, public consciousness, mass consciousness, information space, manipulative influence.



единое информационное пространство, имеющее большую значимость для формирования общественного сознания. Это пространство, наряду с другими факторами, занимает немаловажное место в деле формирования общественного мнения, социального настроения и общественного

сознания в целом [1, 2]. Более того, как подчеркивает В.К. Колах, «через всю совокупность каналов формирования, передачи и хранения информации» информационное пространство «трансформирует общественное сознание, направляя действие не только на общечеловеческие ценностные ориентации, но и на специфические проявления национальных особенностей» [3, с. 112].

Как свидетельствует общественно-исторический опыт, информационное пространство способно как к рациональному информированию, стремлению к свободе, развитию чувства социальной справедливости, обогащению личности, группы, так и к дезинформации, разжиганию ненависти, недоверия и порабощению общества [4].

И в сегодняшних условиях повышенной востребованности мгновенного поиска злободневных новостей в социальных сетях все более распространенным явлением объективной реальности становятся фейковые (контрафактные, фальшивые, сфабрикованные) новости – «полностью или частично выдуманная информация об определенных лицах, общественных событиях, явлениях» [5, с. 777]; информационная мистификация или намеренное распространение дезинформации с целью не просто привлечения общественного внимания, но и целенаправленного социально-психологического влияния на общественное сознание.

К проблеме фейковых новостей в информационном пространстве активно обращаются исследователи из различных областей научного гуманитарного знания. В частности, некоторые социально-психологические аспекты фейк-дискурса в информационном пространстве рассматриваются в трудах О.С. Иссерс, который указывает на намеренную манипулятивную направленность мистифицирующих практик фейков в новостной сфере, связанных с манипулятивным воздействием на общественное сознание [6]. Согласно позиции Н.М. Кузнецова, произошла «интерполяция фейка в особый вид контента, который стал полноценной частью современной медиаиндустрии и способен кардинально изменить политическое мировоззрение общества»; что, в конечном счете, ведет «к изменению ментальности общества в части восприятия фейка как инструмента диффамации и эмпатии к контенту, вводящему конечных получателей информации в заблуждение», а также к трансформации общественного сознания [7, с. 77–78].

Н.М. Кузнецов приводит общественно-историческую трансформацию фейковой новости в трех-этапную функциональную последовательность: 1) фейк как фактор экономического успеха («газетные утки» применяются для привлечения общественности в коммерческих целях); 2) фейк как средство манипуляции политиком (материал используется с целью манипуляции имиджем политика); 3) фейк как средство влияния на политическое сознание общества (материал становится полноценным инструментом информационных войн с целью кардинального изменения политического сознания общества) [7, с. 82–83].

Главной функцией общественного сознания, как подчеркивает Л.В. Куликов, выступает интегрирующая, объединяющая функция, «обеспечивающая целостность функционирования психики, связность внешней и внутренней активности человека», а поскольку под влиянием информационного пространства интегрирующая функция общественного сознания ослабевает, то «снижается потенциал субъектности», неуклонно ухудшается интенсивность деятельности, утрачивается динамика всех базовых «жизненных процессов: деятельности, поведения, самоуправления, развития, адаптации» [8, с. 4].

И, анализируя социально-психологические аспекты влияния СМИ на сознание, к числу опасных феноменов общественного сознания Л.В. Куликов относит: упрощенное мировосприятие и оценивание мира и происходящих в нем событий (картина мира в массовом сознании предстает в ахроматических тонах); отсутствие объединяющего начала в общественном сознании (солидарности, общности, соучастия, взаимопомощи, единства действий); посприятие истинных духовно-нравственных ценностей и подмена их ложными ценностями, ведущими к деградации общества; утрата позитивного восприятия своей социальной и культурной принадлежности, ослабление патриотического настроения; появление чувства беспомощности и страхов [8].

Каковы же в целом социально-психологические последствия влияния фейковых новостей на общественное сознание, которые мы можем оценивать как опасные?

Во-первых, как было сказано ранее, манипулятивное воздействие информационного пространства на общественное сознание, основанное на систематическом внедрении в массовое сознание социально-психологических и социально-политических мифов, которое влечет за собой такого рода деформацию сознания, как рождение иллюзорных идей, «утверждающих определенные ценности и нормы и воспринимаемых преимущественно на веру, без рационального, критического осмысления» [4, с. 216]. Фейк, по мнению Н.М. Кузнецова, становится полноценным «инструментом политического манипулирования» общественным сознанием [7, с. 82].

Во-вторых, визуальные образы, кодирование информации в пространстве т.н. информационной пандемии, с одной стороны, привели к развитию клипового мышления [9], когда «люди экрана» не в состоянии сосредоточиться на целостном восприятии информации, им необходима ее быстрая смена [10, с. 170]; с другой стороны, опасным последствием стала утрата современным человеком способности осознанно, творчески мыслить, ибо «визуальные образы для него создают другие, имея возможность с их помощью управлять сознанием получателя» [4, с. 218].

Во-третьих, дезинтеграция общественного сознания, выражающаяся в межличностном недопонимании, недоверии, в отсутствии конструктивного диалога и согласованности в действиях людей. Как известно, фейковые новости действуют на

психологию восприятия как манипуляция, они оставляют в сознании неприятный осадок даже после того, как проверка фактов проведена и подделка разоблачена [11]. Это связано с тем, что фейковые новости как поддельный образ обладают всеми основными характеристиками и свойствами подлинного факта, непосредственно воздействующего на сознание адресата в целях манипулятивного влияния.

В современном информационном обществе, по справедливому наблюдению Ф.Г. Фаткуллиной, происходит языковое манипулирование базовыми ценностями современного общества, поскольку, основная «функция фейковой информации – манипулятивная, воздействующая на массовое сознание» [12, с. 388]. Перед фальсификаторами информации стоит важная цель: наполнить общественное сознание фейковой жизнью, вытесняющей реальную действительность и ставящей под сомнение существование объективных фактов как таковых [13].

Индивид, в частности, и общество в целом, насытившись фейками, утрачивает иммунитет к ложной информации и становится нечувствителен к размежеванию правды и лжи, подлинности и эрзаца, добра и зла.

В-четвертых, как следствие дезинтегрированности общественного сознания, возникает интолерантность в отношениях, культивируется межэтническая рознь, социальная напряженность и конфликтный потенциал, разрушается социальное здоровье [14]. Как пишет Л.В. Куликов, «демонстрация насилия поднимает такие слои бессознательного, активирует такую энергию, с которой информация конструктивного толка совенноваться не может» [8, с. 8].

Литература:

1. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology* / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva et [al.]. 2019. Vol. 8. № 2.1. P. 250–257.
2. *Гафиатулина Н.Х.* Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации / Н.Х. Гафиатулина, В.В. Касьянов, С.И. Самыгин // *Гуманитарий Юга России*. 2020. № 2. С. 147–158.
3. *Конах В.К.* Возникновение и эволюция понятия «медиа-пространство» в научной мысли // *Вестник Днепрпетровского ун-та*. 2015. № 2. С. 112–129.
4. *Радченко Л.Е.* Влияние информации на нравственное, психическое здоровье и воспитание подрастающего поколения // *Материалы Афанасьевских чтений*. 2016. С. 215–223.
5. *Дорофеева В.В.* Фейковые новости в современном медиапространстве // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2019. Т. 8/ № 3. С. 774–786.

В-пятых, доминирование фейковой информации негативного характера приводит к культивированию в общественном сознании населения пессимистических взглядов на происходящее, тревожности и апатичных настроений. Так, чрезмерная загруженность и потеря смысловых ориентиров работоспособной части населения приводит к тому, что эта социальная группа «проживает жизнь только как рабочая сила, а не как люди» и «не видит возможности вырваться из сложившейся беспросветности» [15, с. 6]. Вследствие чего уменьшается объем сознания, социальная активность [16], а, как известно, суженное, редуцированное сознание облегчает манипулирование.

Исходя из всего сказанного выше, можно сделать закономерный вывод о том, что фейковые новости, будучи инструментом манипуляции в информационном обществе, оказывают деструктивное влияние на общественное сознание, и влекут за собой определенные социально-психологические последствия его трансформации.

В этой связи, развитие цифровых технологий и конвергенции медиапространства актуализирует потребность в критическом и аналитическом мышлении относительно потребляемой информации. Невзирая на существующий Федеральный «Закон о СМИ» и попытки оградить от сфабрикованной информации и манипулятивного влияния на общественное сознание, общество само должно стремиться развивать критическое мышление, самостоятельно учиться анализировать потребляемую информацию и формировать активную гражданскую позицию как активный потребитель разноплановой и разнородной информации.

Literature:

1. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia). *International Journal of Applied Exercise Physiology* / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva et [al.]. 2019. Vol. 8. № 2.1. P. 250–257.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Social immunity of Russian society under the threat of coronavirus: risks of socio-cultural traumatization / N.Kh. Gafiatulina, V.V. Kasyanov, S.I. Samygin // *Humanitarian of the South of Russia*. 2020. № 2. P. 147–158.
3. *Konakh V.K.* The emergence and evolution of the concept of «media space» in scientific thought // *Bulletin of Dnepropetrovsk University*. 2015. № 2. P. 112–129.
4. *Radchenko L.Ye.* Influence of information on moral, mental health and upbringing of the younger generation // *Materials of Afanasiev's readings*. 2016. P. 215–223.
5. *Dorofeeva V.V.* Fake news in modern media space // *Questions of theory and practice of journalism*. 2019. Vol. 8. № 3. P. 774–786.

6. *Иссерс О.С.* Медиафейки: между правдой и мистификацией Новые медиа в России: исследования языка и коммуникативных процессов : монография / О.С. Иссерс; Отв. ред. О.С. Иссерс. Омск, 2015. С. 20–32.
7. *Кузнецов Н.М.* К вопросу о влиянии фейковых новостей на политическое сознание общества // Культура и гуманитарные науки в современном мире. 2019. С. 77–93.
8. *Куликов Л.В.* Социально-психологические аспекты влияния СМИ на сознание // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 12. Вып. 1. С. 3–12.
9. *Гафиатулина Н.Х.* Медийное пространство как источник активности террористической организации / Н.Х. Гафиатулина, Д.М. Брусенцева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017 № 6–7. С. 36–40.
10. *Докука С.В.* Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 170.
11. *Касьянов В.В.* Специфика социальной адаптации молодежи как механизм профилактики поведенческих аддикций / В.В. Касьянов, О.И. Шкуропий, Н.Х. Гафиатулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 70–74.
12. *Фаткуллина Ф.Г.* Языковое манипулирование базовыми ценностями современного общества в цифровой медиасреде / Ф.Г. Фаткуллина, Э.М. Зарипова // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3(82). С. 387–388.
13. *Майба В.В.* Язык в контексте современного политического дискурса // Современный ученый. 2020 № 4. С. 210–215.
14. *Chikaeva K.S.* Corporate culture of educational organization as a factor of influencing the social health of the Russian student youth. Revista praxis educacional / K.S. Chikaeva, N.V. Gorbunova, V.A. Vishnevsky, N.Yu. Fominykh, Yu.V. Gluzman, O.I. Shkuropy, V.I. Odintsova. 2019. Vol. 15. № 36. P. 583–598.
15. *Яременко С.Н.* Социокультурный габитус апатии в транзитивном обществе / С.Н. Яременко и [др.]. Ростов-н/Д., 2010. 166 с.
16. *Сущенко С.А.* Проблемы девиантного поведения молодежи: социально-психологические детерминанты его формирования / С.А. Сущенко, М.А. Поливина, Е.С. Жидяева // Национальное здоровье. 2019. № 4.
6. *Issers O.S.* Mediafeiki: between Truth and Media New Media in Russia: studies of language and communicative processes : monograph / O.S. Issers; Responsible Ed. O.S. Issers. Omsk, 2015. С. 20–32
7. *Kuznetsov N.M.* On the question of the influence of fake news on the political consciousness of society // Culture and the Humanities in the Modern World. 2019. P. 77–93.
8. *Kulikov L.V.* Socio-psychological aspects of the influence of the media on consciousness // Bulletin of St. Petersburg University. 2011. Ser. 12. Iss. 1. P. 3–12.
9. *Gafiatulina N.Kh.* Media space as source of activity of the terrorist organization / N.Kh. Gafiatulina, D.M. Brusentseva // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 36–40.
10. *Dokuka S.V.* Clip thinking as a phenomenon of the information society // Social sciences and modernity. 2013. № 2. P. 170.
11. *Kasyanov V.V.* Specificity of social adaptation of young people as a mechanism for the prevention of behavioral addictions / V.V. Kasyanov, O.I. Shkuropiy, N.Kh. Gafiatulina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. P. 70–74.
12. *Fatkullina F.G.* Language manipulation of the basic values of modern society in the digital media environment / F.G. Fatkullina, E.M. Zaripova // World of Science, Culture, Education. 2020. № 3(82). P. 387–388.
13. *Mayba V.V.* Language in the context of modern lithic discourse // Modern scientist. 2020 № 4. P. 210–215.
14. *Chikaeva K.S.* Corporate culture of educational organization as a factor of influencing the social health of the Russian student youth. Revista praxis educacional / K.S. Chikaeva, N.V. Gorbunova, V.A. Vishnevsky, N.Yu. Fominykh, Yu.V. Gluzman, O.I. Shkuropy, V.I. Odintsova. 2019. Vol. 15. № 36. P. 583–598.
15. *Yaremenko S.N.* Sociocultural habit of apathy in a transitional society / S.N. Yaremenko et [al.]. Rostov-on/D., 2010. 166 p.
16. *Sushchenko S.A.* Problems of deviant behavior of youth: socio-psychological determinants of its formation / S.A. Sushchenko, M.A. Polivina, E.S. Zhidyaeva // National health. 2019. № 4.

Пчегатлук Светлана Калачериевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом
Института экономики, управления и бизнеса,
Кубанский государственный
технологический университет
psvetlanak@mail.ru

Svetlana K. Pchegatluk

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology, Jurisprudence
and Work With Personnel
Institute of Economics,
Management and Business,
Kuban State University of Technology
psvetlanak@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РАННЕГО ИНДУСТРИАЛИЗМА

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных противоречий раннего индустриального общества, которые вовсе не утратили своего значения и сейчас. Автор приходит к выводу о том, что антагонистический потенциал заложен в самую суть индустриализма. Это вполне объяснимо, так как капиталистические отношения, выступающие здесь базисом, сами по себе предполагают социальную поляризацию, жестко разводящую группы выигравших и проигравших. Данный антагонизм значительно усиливался ролью государства, которое, в первую очередь, играло на стороне капиталистов. Однако в определенный момент актуализировался вопрос о существовании капиталистической системы вообще, в связи с чем, государство приобрело более надклассовый смысл, поставив противостоящие группы социальных лидеров и аутсайдеров в жесткие рамки кейнсианского консенсуса. В настоящий момент, тем не менее, происходит новый виток процессов поляризации и обострения тех же социально-классовых противоречий теперь уже и в транснациональных масштабах.

Ключевые слова: социальный антагонизм, буржуазия, пролетариат, классовое государство, каналы мобильности, постмодернизм, кейнсианский консенсус, «рабочая аристократия».

Нынешнее социальное бытие носит во многом эклектичный характер, что отражается в интеллектуальной плоскости термином «постмодернизм». Вместе с тем, сущность постмодерна заключается в размытости, неопределенности социального мира, где нет четких критериев классификации (З. Бауман). Собственно, логика постмодернистского видения вполне допускает участие элементов, теоретически относимых к иной реальности – традиционной, модернистской и т.п. Кстати, имеются и другие подходы к определению современной общественной сущности, более лежащие в ракурсе объективистской парадигмы. Так, советско-американский социолог В. Шляпентох, указывая на методологическую ограниченность попыток привязать то или иное общество к определенному типу, предлагает сегментирован-

SOCIAL CONTRADICTIONS OF EARLY INDUSTRIALISM

Annotation. The article is devoted to the analysis of social contradictions of the early industrial society, which have not lost their significance even now. The author comes to the conclusion that the antagonistic potential is inherent in the very essence of industrialism, which is quite understandable, since the capitalist relations that serve as the basis here themselves imply social polarization, which rigidly separates the groups of winners and losers. This antagonism was greatly enhanced by the role of the state, which primarily played on the side of the capitalists. However, at a certain point, the question of the existence of a capitalist system in General became relevant, and therefore the state acquired a more supra-class meaning, placing opposing groups of social leaders and outsiders in the strict framework of the Keynesian consensus. At the moment, however, there is a new round of processes of polarization and aggravation of the same socio-class contradictions now on a transnational scale.

Keywords: social antagonism, bourgeoisie, proletariat, class state, mobility channels, postmodernism, Keynesian consensus, «working aristocracy».

ный подход, как обладающий более расширенными объяснительными возможностями. В рамках последнего общества видится как своего рода конгломерация общественных сегментов – индустриального, постиндустриального, традиционного и т.д. Соотношение данных сегментов, естественно, может изменяться с течением времени [12].

Адекватную картину, с нашей точки зрения, предлагает Б. Кагарлицкий, считая, что социально-экономические и в большей степени социально-политические аспекты подчинены логике капитализма, стержневой составляющей индустриального общества. А вот социокультурная сторона носит куда более «размытый» характер, в значительной степени соответствуя пост-

модернистской парадигме [3]. Принимая во внимание данную точку зрения, мы считаем, что истоки современных социальных антагонизмов во многом закладывались еще во времена генезиса и утверждения индустриального общества. Именно выявление сущности заявляющих о себе социальных противоречий и будет составлять цель настоящей статьи. В рамках подобной цели намечено:

– во-первых, рассмотреть стратификационные и политические аспекты положения основных социальных групп, задействованных в главной сфере утверждающегося индустриализма – промышленном производстве;

– во-вторых, уточнить фактическую роль государства, как верховного арбитра в области отношений противостоящих общественных групп.

Сразу следует подчеркнуть, что эпоха первоначального накопления капитала или по-другому – генезис индустриализма, характеризовалась техническим и технологическим перевооружением, урбанизацией, появлением массового общества, а также ростом культуры потребления. Как и в любой переходный период, здесь предполагались весьма размытые границы между стратами, а также, появление новых социальных групп, причем на всех общественных этапах.

Если иметь в виду высшие страты, то здесь происходило активное вытеснение родового дворянства или его «разбавление» наиболее успешными выходцами из третьего сословия или буржуазии. Последние не только контролировали бурно развивающиеся экономические процессы, но и основательно проникали в правительственные структуры. Тем самым закладывались основания для феномена классового государства, на котором настаивают марксистские ученые, что мы считаем весьма удачным и адекватно отражающим реальность. Расцвет предпринимательства вряд ли бы мог состояться без активной помощи государства, хотя его роль изменялась в зависимости от конкретных обстоятельств. Но общим было то, что государственные мужи обычно быстро находили с крупными предпринимателями общий язык [9]. При этом духовным отражением объективной реальности выступала идеология либерализма, опирающаяся на главенствующую роль индивидуальных усилий. Однако подобное мировоззрение имело существенные групповые нюансы. Как пишет историк и социолог Э. Хобсбаум, буржуазный либерализм XIX в. носил не столько практический, сколько идеологический характер. Крупные капиталистические собственники «верили в прогресс, представительство правительством, гражданские права и свободу, но только так, чтобы все это распространялось ровно настолько, насколько распространялся закон и чтобы при этом сохранялся порядок, державший бедняков на своих местах» [10, с. 343].

Вполне логично, что вновь сформированный господствующий класс, по мере сил, старался закрепить подобное положение дел, для чего активно использовались и политические возможности.

Интересные факты приводит У. Липпман, отмечающий резкое и даже принципиальное расхождение между либерально-демократическими декларациями и существующей практикой. Так, идеология всеобщего избирательного права обозначилась со второй половины восемнадцатого столетия. В то же время ее реализация оказалась медленной и трудной фактически на протяжении всего периода первоначального накопления. В 1900 г. в Великобритании лишь 11 % англичан обладали избирательным правом, к 1922 г. электорат вырос до 43 %. Во Франции 1881 г. обладающих правом голоса было 27 %, а в 1951 г. таковыми являлись 51 %. В США на выборах 1890 г. только 15 % населения обладали избирательным правом, тогда как к 1918 г. электорат вырос примерно вдвое. В большинстве государств Северной и Западной Европы до последней четверти девятнадцатого столетия электорат не переваливал за отметку 5 % [4, с. 46].

Несмотря на быстро появившиеся социальные барьеры, закрыться целиком и полностью новая капиталистическая элита не могла в принципе. Прав П. Сорокин, утверждая, что не бывает в чистом виде как «закрытых», так и «открытых» обществ [8]. Открытость общества раннего индустриализма была обусловлена тем, что, с одной стороны, любая элита нуждается в притоке новых индивидов, что работает на закрепление ее статуса, и буржуазия в этом плане не исключение. А с другой стороны, открытость капиталистической элиты делала более лояльными средние слои, поскольку наиболее активные претенденты на переход в высший слой были выходцами именно отсюда. Все это подогревалось усиливающимися вызовами со стороны разрастающегося пролетариата, остротой общественных антагонизмов, основательно описанных марксистами.

Упомянутый выше Э. Хобсбаум указывает на четыре основных социальных «лифта», выраженных в капиталистическую эпоху, – бизнес, образование, искусство и армия [11, с. 263]. Фактически все обозначенные каналы мобильности были известны предшествующей индустриализму эпохе абсолютизма. Имеющиеся личные способности играли огромную роль, тем не менее, надо принимать во внимание, что данные качества требовались не во всех сферах одинаковые, кроме того, могли различаться степенью участия.

Например, бурно развивающийся бизнес требовал наличия целеустремленности, определенной отваги, способности к риску. Ж. Сорель не без оснований восхищался некоторыми наиболее одиозными в этом плане личностями, называя их «капитанами индустрии» [7]. Но зачастую для успеха этого было недостаточно. Ш. Эрикссон, приводит данные, согласно которым, в 1865 г. от общего количества британских сталиллитейных магнатов 89 % вели происхождение из среднего класса, 7 % являлись выходцами из низов среднего класса, а 4 % и вовсе стартовали из рядов рабочих [10]. Получается, что талантливый человек, в принципе, не лишался шансов попадания в капиталистическую элиту, но они многократно возрастали в том случае, если бы он родился в

обеспеченной и образованной семье, имеющей связи с близкими по статусу семьями.

В рамках образования отмечается три наиболее распространенных социальных стратегии.

Во-первых, правительственная служба, весьма расширившая сферу реализации карьерных стремлений уже в эпоху абсолютизма, но в раннем индустриальном обществе вовсе не растерявшая, а напротив, добавившая в популярности. Несмотря на либеральные декларации об ограничении государства, управленческий аппарат госслужащих продолжал, в целом, разрастаться. Хотя, в период первоначального накопления обычный чиновник обладал еще довольно скромным материальным достатком, тем не менее «чистые руки и белые воротнички» все же четко выводили их из нижних страт. Впоследствии эта группа последовательно улучшала свое материальное положение.

Во-вторых, политическая карьера, которую следует выводить за скобки собственно государственной службы. В рамках политического процесса главенствующее значение обычно имели интеллект в комплексном сочетании с личностными способностями, такими как гибкость, реакция и т.п. Талантливые ораторы, завоевывающие толпу, обычно ставили на популизм, а вот для решения более стратегических задач требовалось нечто более серьезное и глубокое – государственное мышление. Ряд лидеров описываемой эпохи представляли собой сочетание всех этих качеств – британцы У. Гладстон, Б. Дизраэли, Д. Ллойд Джордж. Однако очень сомнительно, что подобные личности сделали бы карьеру в политике, ведь они свое происхождение из самых социальных низов.

В-третьих, свободные профессии, куда относились юриспруденция, учительство, врачебное дело, профессура и т.п. Но данный лифт обычно «останавливался» на середине, редко достигая высшего элитного уровня. Наибольшими стратегическими перспективами обладало юридическое поприще, что было характерно для США. Многие американские президенты начинали свою карьеру именно юристами (М. Филлмор, Д. Полк, А. Линкольн, Дж. Бьюкенен и др.).

Предложенный Э. Хобсбаумом третий канал мобильности – искусство, пожалуй, предполагал наибольшее участие именно личных способностей. Закономерно, что именно здесь успешные выходцы из низов встречаются намного чаще, чем среди политиков, бизнесменов, юристов. Французская знаменитость Элиза Рашель родилась в очень бедной семье, с ранних лет зарабатывала уличным пением и там обнаружила громадный талант. Немецкий художник Франц фон Штук был выходцем из семьи мельника, но уже в 25 лет совершил художественный переворот на национальном уровне, за счет брака получил дворянство, а позже стал владельцем богатой виллы, до сей поры считающейся одной из достопримечательностей Мюнхена.

Наконец, армия представляла собой четвертый канал. Тривиально утверждать, что данный институт является социальным лифтом во все времена, правда, на период военных действий приобретает намного более активную роль. По сути дела, благодаря войнам, состоялась карьера У. Гранта, американского президента 1868–1876 гг. Несмотря на попытку некоторых классиков либерализма принизить роль войны (Б. Констан де Ребек), их количество вовсе не уменьшилось. Развивающееся по капиталистическим принципам индустриальное общество породило проблему колониализма, вылившуюся в войны за передел мира и т.п.

Масштабы общественной поляризации по мере все большего утверждения индустриального социального типа разрастаются достаточно явно. Чисто экономический рационализм предполагал всяческое уменьшение издержек, а значит и заработной платы. Капиталисты руководствовались так называемой теорией «фонда заработной платы», максимально пытались сэкономить на ней. Дополнительным мотивом здесь являлось соображение по поводу нищеты как гарантии хорошего поведения работников. Считалось, что лишь «человеческие» побуждения вроде смертельной угрозы голода заставляют пролетариат работать и добывать средства для скудного пропитания [11, с. 276].

Кроме того, в контексте стремления сократить трудовые издержки, в эпоху первоначального накопления получил распространение неприглядный феномен детского труда. По данным Д. Лондона, на рубеже XIX–XX вв. только в американской текстильной промышленности было задействовано около 30000 детей, а общее официальное количество малолетних тружеников достигало 1752187 человек [5, с. 684]. Детский труд существовал более 100 лет, что объяснялось банально малым заработком родителей. Даже официальные профсоюзы не могли четко определиться с собственной позицией по упомянутой проблеме. С одной стороны – данное явление представлялось недопустимым, но с другой стороны имелось понимание того, что без заработной платы собственных детей рабочие семьи и вовсе лишаются возможности как-то сводить концы с концами. Отсюда на съездах британских профсоюзов голоса сторонников той и другой позиции распределялись примерно поровну [5, с. 525]. В итоге же, постоянная тяжелая работа никак не позволяла рабочим семьям выбраться на жизненный уровень, хотя бы немного превышающий черту бедности.

Следует сказать, что типичным явлением для капиталистических предприятий раннего индустриализма была драконовская дисциплина, получившая с легкой руки Ф. Энгельса эпитет «социальная война». Причем, данные порядки вряд ли были бы возможны без политической поддержки. Например, в Великобритании в 1823 г. принимается закон о хозяине и слуге, который предписывал тюремное заключение нарушившим условия контракта рабочим, а вот тот же самый проступок со стороны нанимателей грозил последним лишь

мизерным штрафом. Уголовный кодекс Франции 1864 г. предусматривал наказывать рабочих за попытку с их стороны (в том числе, коллективную) прекращать работы с целью изменения заработной платы, либо за их вмешательство в производственный процесс посредством «насилия, угроз или обмана». Отсюда, судьба рабочих зависела, в первую очередь, не от их усилий, но «от удачи и расположения одного хозяина, за спиной которого стояли закон и государственная власть и который расценивал свои полномочия как необходимые и благотворные». [10, с. 299] Плюс к этому, по справедливому замечанию Ф. Энгельса, у рабочего не имелось никаких оснований быть уверенными в завтрашнем дне – «любой пустяк, любая прихоть работодателя, любая заминка в торговле могут снова столкнуть его в тот страшный водоворот, из которого он на время спасся и в котором трудно, часто невозможно, удержаться на поверхности» [13, с. 265].

Показательно, что «социальная война» вовсе не была исключением для предприятий, владельцы которых имеют посмертную репутацию филантропов-благотворителей, например, промышленник-миллионер Эндру Карнеги, перед смертью раздаривший значительную часть собственного состояния. Стремясь заработать авторитет, он действительно финансировал строительство больниц, университетов, библиотек, концертных залов, парков и пр. в Питтсбурге. Тем не менее, урезание заработной платы на предприятиях Э. Карнеги было типичным делом и, в целом, ее размеры были ниже прожиточного минимума (средняя зарплата 300–400 долларов в год, а прожиточный минимум составлял 600 долларов). В питтсбургских рабочих кварталах, построенных Э. Карнеги, водопроводы были редкостью, мощенные дороги отсутствовали совсем. Современный исследователь Д. Роткопф констатирует двойную мораль Э. Карнеги. «Хотя, он писал вдохновенные слова о праве создавать профсоюзы, до нас дошел документ, где он лично отказывает рабочим одного из своих заводов в этом праве». Закономерно, что благотворительностью Э. Карнеги умилялись отнюдь не все. Так, рабочие его предприятий говорили: «Нам бы лучше не урезали зарплату. ...И вообще, какой прок от библиотеки человеку, если он работает по двенадцать часов в день?» [6, с. 157].

Дополнительно антагонизмы между капиталистами-работодателями и наемными рабочими подогревались социокультурными факторами. Бедность ассоциировалась с образом рабочего, являлась неотъемлемой его чертой в глазах представителей более высоких страт. Э. Хобсбаум пишет, что в случае благоприятных обстоятельств (вроде немецкого экономического бума 1872–1873 гг.), когда некоторые рабочие зарабатывали сумму денег достаточную, чтобы «на короткий срок вкушать тех удовольствий, которые руководители считали своей прерогативой, гнев последних был вполне искренним и праведным. Зачем шахтерам рояли и шампанское? ... максимум, на что могли рассчитывать рабочие – это достаточное количество еды (и желательнее меньше количество спиртных напитков), не слишком перенаселенное жилье и одежда, подходящая для

того, чтобы не нанести ущерб моральным принципам общества и своему здоровью, комфортная, но, в то же время, без излишнего подражания костюмам лучшим мира сего» [10, с. 305–306]. Подобный факт вполне вписывается в вебленовскую концепцию буржуазного демонстративного потребления, которое в индустриальную эпоху получает дополнительные стимулы [1].

Глубокое и всесторонний анализ социально-экономической ситуации, в которой пребывала основная масса рабочих, дал Ф. Энгельс в своей ранней работе «Положение рабочего класса в Англии», написанной в 1840-х годах. Через пятьдесят лет американский писатель Джек Лондон выпускает сборник очерков «Люди бездны», где описывается социальная проблематика лондонских трущоб. Сопоставление фактов, представленных обоими авторами, наталкивает на вывод, что в положении общественных низов индустриального общества за это время мало что изменилось к лучшему.

В таких условиях вполне закономерна реакция рабочих на противостояние эксплуатации. По сути, коллективная борьба являлась для них единственным шансом, каким то образом вынудить хозяев предприятий к компромиссам, что справедливо подчеркивалось марксистами. Тем не менее, тезис последних о том, что ядро движения рабочих составят наиболее обездоленные их представители, выглядит уязвимым. Стронник марксизма Э. Хобсбаум в своем исследовании периода первоначального накопления, пришел к выводу, что именно рабочая беднота особых угроз правящей буржуазии не создает в силу собственной аполитичности. Как правило, они озабочены только добыванием пропитания и не имеют особых намерений связываться с политическими организациями.

Ядром тех же английских профсоюзов (тред-юнионов), обычно, выступает, так называемая, «рабочая аристократия» – квалифицированные работники, или своеобразные предтечи «синих воротничков» – мастера. Это та часть наемной рабочей силы, которая была способна добиться определенных уступок от хозяев производства и редко останавливалась на достигнутом [10, с. 316–317]. Позже многие выходцы из этой группы составили костяк среднего класса, получившего толчок в следующий период организованного капитализма. Показательно, что известный левый исследователь Б. Кагарлицкий видит именно в среднем классе группу, которая способна поколебать могущество капиталистической верхушки [2].

Итак, нам представляется, что антагонистический потенциал заложен в самую суть индустриального социального типа. Это вряд ли может быть по-другому, поскольку капиталистические отношения, выступающие базисом индустриализма, сами по себе предполагают социальную поляризацию – группы выигравших и проигравших. Данные социальные противоречия подкреплялись и значительно усиливались до определенного этапа государством, которое, в первую очередь, было подвержено лобби со стороны капита-

листов и лишь потом пыталось принимать в расчет общественные интересы. Справедливости ради следует сказать, что тесный альянс политических и экономических лидеров не мог продолжаться вечно. В определенный момент актуализировался вопрос о существовании капиталистической системы вообще, здесь речь идет о мировом экономическом кризисе 1929–1933 гг., известном как «Великая депрессия». Выходом из этого кризиса стала принципиально иная роль государства, которое приобрело куда более надклассовый, национальный смысл. Тем не менее, указанный антагонизм не мог быть ликвидирован

Литература:

1. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 380 с.
2. *Кагарлицкий Б.Ю.* Восстание среднего класса. М. : Алгоритм, 2012. 224 с.
3. *Кагарлицкий Б.Ю.* Неoliberalism and revolution. СПб. : Полиграф, 2013. 256 с.
4. *Липпман У.* Публичная философия. М. : Идея-Пресс, 2004. 160 с.
5. *Лондон Д.* Революция. Сочинения в семи томах. М. : Изд-во художественной литературы, 1955. Т. 5. С. 671–692.
6. *Роткопф Д.* Суперкласс. Те, кто правит миром. М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2010. 475 с.
7. *Сорель Ж.* Размышления о насилии. М. : КРА-САНД, 2011. 160 с.
8. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М. : Изд-во политической литературы, 1992. 544 с.
9. *Тамбиянц Ю.Г.* Открытое общество: идеология и реальность. Краснодар : КГУ, 2014. 600 с.
10. *Хобсбаум Э.* Век капитала. 1848–1975. Ростов-н/Д. : Феникс, 1999. 480 с.
11. *Хобсбаум Э.* Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-н/Д. : Феникс, 1999. 480 с.
12. *Шляпентох В.Э.* Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру. М. : СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008. 328 с.
13. *Маркс К.* Положение рабочего класса в Англии по собственным наблюдениям и достоверным источникам / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1955, 1974. Т. 2.

полностью. Он продолжал существовать в рамках «кейнсианского консенсуса» (термин К. Крауча) и носил компромиссный характер. Положение опять стало меняться с крушением социалистической системы и новым витком глобализации в виде неолиберального проекта. На уровне национальных общностей происходит новый виток процессов поляризации и разрушения кейнсианского консенсуса, а в транснациональных масштабах заявляет о себе фактически тот же тип социально-классовых противоречий, но уже между странами «центра» и «периферии». Однако это уже тема иной работы.

Literature:

1. *Veblen T.* Theory of the leisure class M. : Progress, 1984. 380 p.
2. *Kagarlitsky B.Yu.* Revolt of the middle class. M. : Algorithm, 2012. 224 p.
3. *Kagarlitsky B.Yu.* Neoliberalism and revolution. SPb. : polygraph, 2013. 256 p.
4. *Lippman U.* Public philosophy. M. : Idea-Press, 2004. 160 p.
5. *London D.* Revolution. Works in seven volumes, , M. : publishing house of fiction, 1955. Vol. 5. P. 671–692.
6. *Rotkopf D.* Superclass. Those who rule the world. M. : AST : Astrel : Polygraphizdat, 2010. 475 p.
7. *Sorel Zh.* Reflections on violence. M. : KRASAND, 2011. 160 p.
8. *Sorokin P.A.* Man. Civilization. Society. M. : publishing house of political literature, 1992. 544 p.
9. *Tambiyants Yu.G.* Open society: ideology and reality. Krasnodar : KSU, 2014. 600 p.
10. *Hobsbawm E.* The age of capital. 1848–1975. Rostov-on/D. : Phoenix, 1999. 480 p.
11. *Hobsbawm E.* Century of revolution. Europe 1789–1848. Rostov-on/D. : Phoenix, 1999. 480 p.
12. *Shlyapentokh V.E.* Contemporary Russia as a feudal society. A new look at the post-soviet era. M. : STOLITSA-PRINT, 2008. 328 p.
13. *Marx K.* The situation of the working class in England according to their own observations and reliable sources / K. Marx, F. Engels. Essays. 2nd ed. M., 1955–1974. Vol. 2.

Стригуненко Иван Константинович
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры
философии и социологии,
Краснодарский университет МВД России
rosy27@mail.ru

Ivan K. Strigunenko
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
rosy27@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ON THE PROBLEM OF DELINQUENT BEHAVIOR OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Аннотация. Тяжелое экономическое положение, крушение прежнего мировоззрения и несформированность нового, отсутствие должных знаний и умений жить и работать в условиях жесткой конкуренции и несовершенства экономики – все это приводит к серьезным социальным потрясениям и конфликтам. Данная статья посвящена краткому анализу проблемы делинквентного поведения сотрудников органов внутренних дел как одной из центральных психолого-педагогических проблем современной социологической науки, которая представляет собой сложный многоуровневый полиэтиологический процесс.

Ключевые слова: делинквентное поведение, сотрудник органов внутренних дел, девиантное поведение, норма, дисциплина, проступок, профессионально-нравственная деформация личности, дезадаптация.

Annotation. The difficult economic situation, the collapse of the former worldview and the unformed new, the lack of proper knowledge and skills to live and work in a highly competitive and imperfect economy – all this leads to serious social upheavals and conflicts. This article is devoted to a brief analysis of the problem of delinquent behavior of employees of internal affairs bodies as one of the central psychological and pedagogical problems of modern sociological science, which is a complex multilevel polyetiological process.

Keywords: delinquent behavior, employee of the internal affairs bodies, deviant behavior, norm, discipline, misconduct, professional and moral deformation of the personality, maladjustment.

Большая общественная важность обсуждаемой проблемы становится особенно очевидной в период глубоких социально-экономических реформ, проходящих в стране. Тяжелое экономическое положение, крушение прежнего мировоззрения и несформированность нового, отсутствие должных знаний и умений жить и работать в условиях жесткой конкуренции и несовершенства экономики – все это приводит к серьезным социальным потрясениям и конфликтам. В связи с этим, проблема делинквентного поведения нам представляется одной из центральных психолого-педагогических проблем современной социологической науки, представляя собой сложный многоуровневый полиэтиологический процесс.

Основные отличительные признаки делинквентного поведения – отклонение от социальной нормы, деструктивность, негативная оценка окружающих, усиливающаяся дезадаптация, преступное поведение в крайних проявлениях этого явления [3, с. 195].

Профессиональная среда оказывает существенное воздействие на личность человека. В современных условиях достаточно остро встает проблема влияния профессии на делинквентное поведение человека, возможное прогнозирование отклоняющегося поведения личности, профилактики делинквентного поведения сотрудников как комплекса мер по сохранению и укреплению социального развития личности [1, с. 47].

Среди разного рода делинквентного поведения, вызывающего наибольший общественный резонанс, значительное место занимают аномалии в действиях сотрудников органов внутренних дел. В системе исполнительной власти органы внутренних дел представляют собой наиболее многочисленную структуру, принимающую участие в охране правопорядка, борьбе с преступностью и контактирующую с гражданским населением.

Служебная деятельность в системе органов внутренних дел предъявляет особые требования к профессионализму и личности сотрудников,

которые включают в себя наличие соответствующего образовательного уровня, навыков коммуникативного общения, нервно-психической устойчивости, а также, морально-нравственные качества и адекватные социальным нормам правовые ориентации. Проблема укрепления служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел имеет непреходящую актуальность и требует постоянного анализа и осмысления.

Однако в условиях продолжающейся криминализации российского общества сотрудники органов внутренних дел не всегда могут противостоять негативным явлениям и сами порой оказываются пораженными деформационными процессами. В современных условиях особую актуальность приобретает выработка научно обоснованного комплекса мер по прогнозированию и профилактике нарушений дисциплины и законности сотрудниками органов внутренних дел.

Общая теория социальных отклонений находится в процессе становления и складывается на базе ряда научных дисциплин: социологии, теории права, управления, криминологии, психологии, медицины и других наук. Исследовательский подход, который характерен для каждой из этих наук в изучении относящихся к причинному комплексу делинквентного поведения, накладывает свой отпечаток на структуру общей теории и ее практическую направленность.

На уровне индивидуального поведения источником делинквентного поведения служит несоответствие личностных свойств человека требованиям социальной роли в системе общественных отношений. Первичной «клеточкой» социального отклонения является проступок конкретного индивида, нарушающего социальную норму.

Причиной каждого асоциального проступка выступают, с одной стороны, личностные особенности данного индивида – его взгляды, интересы, потребности, отношение к различным социальным ценностям и установлениям, в том числе, к правовым предписаниям и запретам, а с другой – совокупность внешних объективных обстоятельств, которые вызывают намерение и решимость совершить умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) или допустить нанесение вреда по неосторожности.

Делинквентное поведение сотрудников органов внутренних дел может носить характер дисциплинарных и аморальных проступков, административных правонарушений (нарушение правил дорожного движения, охоты, рыболовства и пр.), преступлений (например, убийства, разбои, грабежи, взяточничество, изнасилования, вымогательство).

Подобные явления дискредитируют органы внутренних дел как институт государственной власти, влекут за собой отчуждение населения от правоохранительной деятельности, порождают «теневую юстицию». С другой стороны, деятельность сотрудников полиции по своему социальному назначению и конфликтосодержательна, и потенциально делинквентна. Противоречия с

гражданами возникают в силу ряда объективных и субъективных условий, вызванных организационно-управленческими, правовыми и психологическими причинами, обусловленными спецификой задач, стоящих перед полицией, реальными условиями, в которых выполняются эти задачи, правомерностью или делинквентностью поведения в таких ситуациях, как сотрудников полиции, так и граждан.

Сотрудники органов внутренних дел традиционно относятся к категории лиц с профессионально высоким уровнем эмоционально-стрессовых нагрузок, так как на них воздействует большое количество факторов, связанных со спецификой служебной деятельности. К последним относятся: сверхнормативность работы, непредсказуемость оперативной обстановки, необходимость коммуникативных отношений с криминальными элементами, возможная неизбежность применения оружия на поражение и т.д.

В основе должностных проступков, совершаемых сотрудниками полиции, лежат, как правило:

– недостатки в организационно-управленческой деятельности, в первую очередь, отсутствие должного ведомственного контроля;

– несовершенство критериев оценки правоохранительной деятельности; несогласованность ведомственной практики и положений закона;

– недостатки в отборе кандидатов на службу, формализм в организации вхождения в должность; п

– равовой нигилизм и профессиональная деформация личности сотрудников.

Среди причин роста нарушений служебной дисциплины, как правило, наблюдаются следующие, ранжированные по степени значимости объективные причины:

– «размывание» профессионального ядра в ведущих службах вследствие увольнения со службы квалифицированных специалистов, при одновременном комплектовании органов внутренних дел лицами, не имеющими необходимой профессиональной подготовки, зачастую и жизненного опыта;

– устойчивая тенденция снижения уровня жизни основных категорий личного состава, что побуждает их искать дополнительные доходы вне системы МВД;

– развенчание в средствах массовой информации альтруизма, товарищеской взаимопомощи и навязывание потребительского образа жизни при одновременно негативном освещении деятельности органов внутренних дел и отрицательного образа полицейского.

В последние годы имеет место снижение уровня профессиональной мотивации среди сотрудников, отмечается высокий уровень текучести кадров, атмосфера напряженности в коллективах, довольно высокий уровень служебно-

дисциплинарных нарушений, нарушений законности – в том числе, уголовно наказуемых, наблюдается рост чрезвычайных происшествий (суициды, алкогольные эксцессы, травматизм), ухудшаются общие показатели здоровья, особенно нервно-психического.

Особую озабоченность вызывает снижение уровня морально-психологической устойчивости личного состава, и, как следствие - повышение уровня делинквентности среди сотрудников ОВД.

Статистика свидетельствует о том, что в общем числе привлеченных к дисциплинарной ответственности, лица рядового и младшего начальствующего состава насчитывают большинство. При этом наиболее значительная часть недисциплинированных сотрудников – лица, прослужившие в полиции до пяти лет, что объясняется, прежде всего, тем, что, с одной стороны, за последние годы произошло значительное омоложение кадрового состава полиции, а с другой – в организации воспитания этой категории допускаются серьезные просчеты [1, с.53].

Своевременно не устраняются субъективные причины и условия, способствующие совершению нарушений служебной дисциплины. К ним относятся:

– низкий уровень правовой и общей культуры сотрудников, в том числе, слабое знание ими действующего законодательства, нормативных актов, регламентирующих служебную деятельность;

– несвоевременное доведение до сотрудников изменений и дополнений в действующих нормативных правовых актах;

Литература:

1. Поздняков В.М. Проблемы психопрофилактики нарушений дисциплины и законности сотрудниками органов внутренних дел // Актуальные вопросы совершенствования психологического обеспечения деятельности сотрудников ОВД. М., 2003.
2. Мягких Н.И. Профессионально-психологический отбор в органах внутренних дел и медико-психологическое сопровождение деятельности сотрудников // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников ОВД. М., 2003.
3. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб., 2003.

– низкая эффективность служебной подготовки сотрудников, которая не обеспечивает привитие навыков по применению на практике требований правовых актов;

– нарушение установленных правил несения службы, отсутствие в подразделениях должного уставного порядка;

– нечеткое определение должностных обязанностей каждого сотрудника;

– отсутствие действенной системы поощрения дисциплинированных и добросовестных сотрудников, а также требовательности к тем, кто допускает нарушения и т.д.

На психологическом уровне отмечается наличие определенных личностных черт характера - характерологический профиль личности - у сотрудников, склонных к негативным дезадаптивным формам поведения. К таким психологическим особенностям личности относятся: эмоциональная неуравновешенность, агрессивность, высокая тревожность, низкая моральная нормативность и стрессоустойчивость, и другие [2, с. 27].

Наиболее перспективным представляется изучение проблемы делинквентности у сотрудников органов внутренних дел через призму психодиагностики и психологических механизмов регуляции поведения, так как анализ делинквентного поведения сотрудников ОВД позволит определить причины проявления различных форм социальных отклонений, их детерминанты и сформировать направления и принципы его минимизации и превенции, что обеспечит более эффективное реформирование социальных отношений в органах внутренних дел.

Literature:

1. Pozdnyakov V.M. Problems of psychoprophylaxis of violations of discipline and legality by employees of the internal affairs bodies // Topical issues of improving the psychological support of the activities of police officers. M., 2003.
2. Myagkikh N.I. Professional and psychological selection in the internal affairs bodies and medical and psychological support for the activities of employees // Psychological support of the professional activities of police officers. M., 2003.
3. Regush L.A. Psychology of forecasting: advances in understanding the future. SPb., 2003.

Стригуненко Иван Константинович
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры
философии и социологии,
Краснодарский университет МВД России
rosy27@mail.ru

Ivan K. Strigunenko
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
rosy27@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ON THE QUESTION OF THE CAUSES OF PROFESSIONAL DESTRUCTIONS OF POLICE OFFICERS

Аннотация. Развитие личности в процессе трудовой деятельности, влияние профессиональной роли на психологию личности, формирование ее мировоззрения, ценностных установок, профессионального типа характера – это достаточно актуальная проблема для современной психологии, социологии и практики работы с людьми. Данная статья посвящена анализу основных причин профессиональных деструкций сотрудников органов внутренних дел. Автор отмечает, что психологическая дезорганизация личности находит свои истоки в детстве. На ранних стадиях развития под влиянием случайных неблагоприятных социально-психологических факторов возникает негативное для дальнейшего развития личности психологическое новообразование.

Ключевые слова: профессия, профессиональная деструкция, дезадаптация, делинквентное поведение, сотрудник органов внутренних дел, девиантное поведение, проступок, профессионально-нравственная деформация личности.

Annotation. The development of the individual in the process of work, the influence of the professional role on the psychology of the individual, the formation of her worldview, values, professional type of character – this is a fairly urgent problem for modern psychology, sociology and practice of working with people. This article is devoted to the analysis of the main reasons for the professional destruction of employees of the internal affairs bodies. The author notes that psychological disorganization of the personality finds its origins in childhood. In the early stages of development negative for the further development of the personality psychological neof ormation arises under the influence of random unfavorable socio-psychological factors.

Keywords: profession, professional destruction, maladjustment, delinquent behavior, employee of the internal affairs bodies, deviant behavior, misconduct, professional and moral deformation of the personality.

Развитие личности в процессе трудовой деятельности, влияние профессиональной роли на психологию личности, формирование ее мировоззрения, ценностных установок, профессионального типа характера – это достаточно актуальная проблема для современной психологии, социологии и практики работы с людьми. В феномене профессиональной деформации находит свое отражение фундаментальный принцип психологии – принцип неразрывного единства сознания, личности и деятельности. Именно социальная деятельность человека есть стержневая, ведущая характеристика личности. Трудовая деятельность, профессия и формирует личность, и накладывает свой отпечаток на многие ее особенности.

Как справедливо отмечает Б.Д. Новиков, исследования по этой проблематике искусственно выпали из поля зрения ученых. Лишь отдельные энтузиасты в разное время продолжали эти исследования, результаты которых были засекречены.

Только в последние годы все более остро заговорили об отклоняющемся поведении офицеров МВД, об их профессиональной пригодности и деформациях» [1, с. 10].

Под источниками профессиональной деформации мы понимаем те основания, опираясь на которые, можно объяснить сущность данного феномена и впоследствии управлять им, ликвидируя. Во многом, поиск причин любого явления зависит от выбора научного подхода, той или иной теории, концептуальной схемы, с помощью которых исследователь пытается разобраться в происходящем. Выбор определенного мыслительного средства – понятия, категории или теории – является исходным пунктом, во многом обуславливающим поиск и нахождение причины [2, с. 23].

Отметим группы факторов, детерминирующих профессиональные деструкции:

– объективные, связанные с социально-профессиональной средой;

– субъективные, обусловленные особенностями личности и характером профессиональных взаимоотношений;

– объективно-субъективные, порождаемые системой и организацией профессионального процесса, качеством управления, профессионализмом руководителей.

Н.С. Пряжников указывает следующие детерминанты профессиональных деструкций:

– неосознаваемые и осознаваемые неудачные мотивы выбора; пусковым механизмом часто становятся деструкции ожидания на стадии вхождения в самостоятельную профессиональную жизнь;

– образование стереотипов профессионального поведения; разные формы психологических защит, позволяющих человеку снижать степень неопределенности, снижать психическую напряженность;

– эмоциональную напряженность, часто повторяющиеся отрицательные эмоциональные состояния;

– на стадии профессионализации по мере становления индивидуального стиля деятельности снижается уровень профессиональной активности, и возникают условия для стагнации профессионального развития;

– снижение уровня интеллекта с ростом стажа работы;

– индивидуальный «предел» развития работника, который во многом зависит от изначального образования, от психологической насыщенности труда;

– акцентуализацию характера (профессиональные акцентуализации – это чрезмерное усиление некоторых черт характера, а также отдельных профессионально обусловленных свойств и качеств личности); старение работника.

Н.С. Пряжников также определяет виды старения: социально-психологическое; нравственно-этическое старение; профессиональное старение [4, с. 143].

Различают уровни профессиональных деструкций. Э.Ф. Зеер приводит следующую классификацию уровней профессиональных деструкций:

– общепрофессиональные деструкции, типичные для работников конкретной профессии;

– специальные профессиональные деструкции, возникающие в процессе специализации;

– профессионально-типологические деструкции, обусловленные наложением индивидуально-психологических особенностей личности на психологическую структуру профессиональной деятельности;

– индивидуальные деформации, обусловленные особенностями работников самых разных профессий, когда отдельные профессионально важные качества, как впрочем, и нежелательные качества, чрезмерно развиваются, что приводит к возникновению сверхкачеств или акцентуаций [3, с. 122].

Хотелось бы отметить особый тип профессиональной деятельности в развитии профессиональных деформаций – служебную деятельность, службу, которая получила наибольшее распространение именно в России. Этот тип профессиональной деятельности отличается некоторыми особенностями, которые можно считать специфическим фактором профессиональной деформации.

Считается, что деформация личности, ее психологическая дезорганизация имеет длительную историю, находящую свои истоки в детстве человека. На ранних стадиях развития под влиянием случайных социально-психологических факторов, неблагоприятных, возникает негативное для дальнейшего развития личности психологическое новообразование.

Дело в том, что особенность определения норм деятельности в профессиях типа «человек-человек» всегда связана с необходимостью доопределения норм каждым рядовым исполнителем по месту и по времени, по объекту и средствам труда.

В тех профессиях, где объектом труда является человек, в отличие от неодушевленных предметов, всегда приходится учитывать чрезвычайно широкую полиморфность человека как объекта деятельности. Если гайка и винт как объекты какой-либо деятельности могут быть стандартизированы достаточно строго, изготовлены почти абсолютно одинаковыми, чтобы исполнитель манипулировал ими, не задумываясь об их особенностях, не меняя технологии труда каждый раз заново, то в человековедческих профессиях это практически невозможно именно из-за того, что каждый человек уникален.

Как отмечает О.Г. Носкова применительно к деятельности сотрудников полиции, ей свойственны следующие особенности:

– объективная сложность оперативно-разыскных задач;

– невозможность получить исчерпывающую информацию о проблемной ситуации;

– необходимость принимать решения в условиях неопределенности; функциональная обособленность взаимодействующих лиц;

– односторонность профессиональной ориентации сотрудников, различия в их профессиональных интересах;

– недостаточный нормативный контроль совместной деятельности разных служб в различных ситуациях.

Все эти особенности заключаются в необходимости самостоятельного нормоопределения своей деятельности каждым исполнителем на своем конкретном рабочем месте. Каждый субъект деятельности в профессиях, где объектом является человек, должен не только знать абстрактные нормы, но и владеть мыслительными операциями их конкретизации.

Мотивы совершения правонарушения против личности сотрудниками правоохранительных органов, например, не только ситуативны, они определяются также психологическим типом личности сотрудника полиции, уровнем развития его правосознания. Как правило, в основе мотивов лежат ложно понятые интересы службы («служебное рвение»). Этот мотив возникает на фоне активного желания выполнить задачу, не считаясь со средствами для достижения цели. Это характерно для молодых, слабовольных, эмоционально неустойчивых, вспыльчивых сотрудников при отсутствии контроля за их работой [2, с. 23].

В качестве причин профдеформации следователей правоохранительных органов можно выделить следующие:

- наиболее общая причина – недостаточная развитость морально-политических качеств личности;
- отсутствие убежденности в важности и ответственности выполняемой социальной роли;
- нетвердые знания всех особенностей этой социальной роли;
- условия труда, в частности психические перегрузки, перенапряжение, умственное переутомление;

Литература:

1. Новиков Б.Д. Психологические особенности возникновения профессиональной деформации сотрудников исправительно-трудовых учреждений : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 1993. С. 10.
2. Безносков С.П. Теоретические основы изучения профессиональной деформации личности. СПб., 1995.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М., 2005.
4. Пряхников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства : учеб. пособие для студ. Высш. учеб. заведений / Н.С. Пряхников, Е.Ю. Пряхникова. 4-е изд., стер. М. : Издательский центр «Академия», 2007.

- недостаток контроля над ритмом деятельности;
- некритическое следование обстоятельствам; постоянное восприятие отрицательных психических свойств людей, с которыми часто приходится сталкиваться при общении;
- повышенное отрицательное эмоциональное воздействие на работников правосудия многих объектов, конфликтных ситуаций и т.п.;
- слабость социального контроля;
- издержки процесса адаптации к профессиональной роли;
- низкий уровень правосознания самих сотрудников правоохранительной деятельности; изначально криминогенную мотивацию при выборе профессии сотрудника правоохранительных органов, при поступлении в юридические учебные заведения.

Таким образом, одной из основных причин профессиональной деформации среди представителей профессий типа «человек-человек», по нашему мнению, выступает отсутствие широкого общественного контроля за деятельностью определенных должностных лиц, отсутствие гласности, публичного обсуждения и критики результатов их труда, а также и то, что в правосознании части сотрудников, имеющих достаточный практический опыт, элементы прагматизма, зачастую, проявляются в недооценке роли закона и правового фактора.

Literature:

1. Novikov B.D. Psychological features of the occurrence of professional deformation of employees of correctional labor institutions : author. dis. ... cand. psychol. sciences. Tver, 1993. P. 10.
2. Beznosov S.P. Theoretical foundations of the study of professional personality deformation. SPb., 1995.
3. Zeer E.F. Psychology of professions. M., 2005.
4. Pryazhnikov N.S. Psychology of work and human dignity : textbook manual for stud. Higher. study. institutions / N.S. Pryazhnikov, E.Yu. Pryazhnikov. 4th ed., Erased. M. : Publishing Center «Academy», 2007.

Стригуненко Юлия Владимировна
кандидат социологических наук,
старший преподаватель
кафедры философии и социологии,
Краснодарский университет МВД России
rosy27@mail.ru

Роль эстетической культуры в формировании нравственного облика сотрудника органах внутренних дел

Аннотация. Эстетическая культура представляет совокупность эстетических ценностей, созданных и используемых обществом на данном этапе его развития. Она проявляется на уровне эстетического сознания; как эстетическое отношение к действительности; как эстетическая деятельность. Данная статья посвящена анализу некоторых аспектов этического и эстетического в деятельности сотрудников органов внутренних дел, а также, роли формирования эстетической культуры у сотрудников органов внутренних дел. Эстетическая культура во всех сферах ее проявления играет важную регулятивно-нормативную функцию в структуре личности.

Ключевые слова: эстетическая культура, сотрудник органов внутренних дел, субординация, традиции ОВД, культура речи, мораль, воспитание, нравственный облик.

Эстетическая культура представляет совокупность эстетических ценностей, созданных и используемых обществом на данном этапе его развития. Она проявляется на уровне эстетического сознания; как эстетическое отношение к действительности; как эстетическая деятельность.

К элементам эстетической культуры относятся:

- художественные ценности (произведения искусства);
- эстетические стороны созданных людьми материальных и духовных ценностей;
- эстетические аспекты деятельности людей.

Ядром эстетической культуры является художественная культура.

Главным показателем уровня оценочных представлений личности является характер ее эстетических идеалов.

Этическое и эстетическое проявляется в неразрывной связи. В индивидуальном сознании оно

Julia V. Strigunenko
Candidate of Sociological Sciences,
Senior lecturer of the Department
of Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
rosy27@mail.ru

THE ROLE OF AESTHETIC CULTURE IN THE FORMATION OF THE MORAL CHARACTER OF AN EMPLOYEE IN INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. Aesthetic culture represents the complexity of aesthetic value, with the desired and exclusive property at this stage of development. It is an aesthetic in the open; how to become aesthetically pleasing to reality; as an aesthetic activity. This article is devoted to the analysis of some aspects of ethical and aesthetic in the activities of employees of internal affairs bodies, as well as the role of the formation of aesthetic culture among employees of internal affairs bodies. Aesthetic culture in all spheres of its manifestation plays an important regulatory and normative function in the structure of personality.

Keywords: aesthetic culture, employee of internal organs, subordination, traditions of the internal affairs department, culture of speech, morality, education, moral character.

воспринимается как противоречивое единство моральных и эстетических ценностей, общественных явлений, мотивов и поступков человеческой деятельности. Они могут быть оценены как прекрасные и безобразные, и в то же время как добро и зло. Единство этического и эстетического может выражаться и словесно (древнегреческое понятие «калокагатия» означает одновременно и «доброе»; «прекрасное» в русских сказках означает физическое совершенство, душевную силу, нравственную чистоту). Иначе говоря, в этом единстве выражается важнейшая ценностная установка: прекрасным является то, что возвышает и облагораживает человека, а нравственное не может быть признано морально-добрым, если оно внутренне не связано с прекрасным [1; с. 81].

Конкретные случаи несовпадения этического и эстетического являются результатом нарушения гармонии между реальным и идеальным, природным и духовным, внутренним и внешним в самой человеческой жизнедеятельности.

Рассмотрим некоторые аспекты проявления этического и эстетического в деятельности

сотрудников органов внутренних дел. Прежде всего, нравственно-эстетический характер определяется спецификой их службы.

Во-первых, повседневные результаты деятельности здесь не всегда приобретают реально осязаемые формы и выражаются не сразу (за исключением особых случаев, например, раскрытия преступления по горячим следам или мастерски выполненный захват преступной группы), а опосредованно (работа следователя по раскрытию сложных преступлений, перевоспитание осужденных, профилактическая работа и т.п.).

Во-вторых, служебная деятельность в органах внутренних дел по своему содержанию носит ярко выраженный характер целенаправленной защиты нравственных и эстетических ценностей общества и таким образом противопоставлена безнравственным и антигуманным проявлениям. Поэтому особое значение в работе этих органов приобретают четко сформулированные и устойчивые нравственные и эстетические идеалы.

В-третьих, служебная деятельность в органах внутренних дел требует от человека мобилизации всех его духовных, физических сил и способностей, связана с рядом ограничений и трудностей, а иногда и с реальным риском для жизни.

В организации работы служебных коллективов важное место занимают проблемы эстетики быта и предметной среды. Эстетика быта является составной частью культуры. Она охватывает широкий круг духовных и материальных явлений, в который входит красота поведения, общения, речи, эстетика одежды, обстановка жилища, сложный комплекс служебных отношений.

Эстетическими чертами красоты обладает труд, внутренне содержательный и вместе с тем внешне выразительный. Например, чем выше мастерство следователя, криминалиста или другого специалиста, тем красивее и внешне выражение труда, четче организация, выше культура, гармоничнее форма, которую приобретает их деятельность. Единство внешней и внутренней красоты выражает единство содержания и формы. Четкость и организованность, будучи полезными и эффективными в оперативно-служебной деятельности, красивы и эстетически впечатляющи внешне. Отталкивающее впечатление производят суетливость и нерасторопность работника, неумение правильно организовать силы и средства.

Эстетическая оценка деятельности наряду с восприятием внешних черт обязательно учитывает элементы, которые в совокупности способны составить полное представление о прекрасном и безобразном: внешнее выражение деятельности, внутреннюю ее сущность, характер взаимосвязи внешнего вида и сущности, степень соответствия между ними.

Реальную красоту труду сотрудников органов внутренних дел придает соблюдение дисцип-

лины, которая состоит в строгом и точном выполнении правил и порядка, установленных законодательством Российской Федерации, уставами, а также приказами, инструкциями и директивными указаниями Министра внутренних дел. Она основывается на высокой сознательности, общей и политической культуре лиц рядового и начальствующего состава, глубоком понимании ими служебного долга и личной ответственности за порученное дело. Строгое соблюдение субординации, беспрекословное выполнение приказов и распоряжений, слаженность в работе являются залогом высокой боеспособности и готовности к выполнению любых оперативно-служебных задач.

Таким образом, служебная дисциплина, подчеркнутая субординация, построенные на четких принципах и правовых предписаниях, раскрывают гармоничность характера взаимоотношений в служебном коллективе сотрудников органов внутренних дел. Нравственное и эстетическое здесь тесно переплетаются, взаимно дополняя друг друга.

Необходимо отметить, что проявление эстетического во взаимоотношениях в служебном коллективе выражаются в манере разговора, внешнем виде работников. По речи можно определить степень, широту и содержание духовной культуры личности, судить о внутреннем мире человека, логике его мышления. В сопоставлении с деятельностью и поведением человека речь является незаменимым средством определения качества личности. Первоначальное представление о культуре дает внешний вид. Здесь проявляются не только вкусы, но и некоторые черты характера человека. Трудно себе представить работника неряшливого и в то же время пунктуального в выполнении своих служебных обязанностей. Напротив, простота, скромность и опрятность одежды и обуви, как правило, – свидетельство общей подтянутости, собранности и организованности.

Внутренней потребностью каждого работника должна быть забота о красоте быта. Особенно это относится к эстетике окружающей предметной среды, которая при наличии выработанных эстетических вкусов способна доставлять радость в работе. Предметная среда в служебной обстановке имеет способность активно и по-разному (в зависимости от своего характера и содержания) воздействовать на сознание работников: повышать морально-служебный тонус личного состава, поддерживать высокую готовность и боеспособность подразделений либо ослаблять этот настрой.

Эстетика быта должна быть органически соединена со спецификой служебных условий и подчинена выполнению служебных задач и нравственному совершенствованию работников органов внутренних дел. В то же время, бытующая кое-где склонность к бездомному украшательству противоречит атмосфере строгого, точно регламентированного служебного быта [1; с. 84].

Ведущая роль в создании нормальной моральной атмосферы и рабочей обстановки, сплочении коллектива принадлежит начальнику. Личный пример руководителя служит необходимым условием эффективности нравственного и эстетического воспитания сотрудника. Вместе с тем, негативное восприятие вызывают присущие некоторым начальникам качества нерешительности, суетливости, мнительности, нетерпения и болезненного отношения к предложениям и критическим замечаниям со стороны подчиненных. Такой начальник вносит нервозность, разлад и разобщенность в жизнь коллектива, недоверие к его организаторским способностям, что, в конечном счете, сказывается на нравственно-эстетической атмосфере в подразделении.

В духовной жизни сотрудников органов внутренних дел важное место занимают традиции и ритуалы. Их знание, четкое организационное оформление и умелое проведение развивают внутреннюю потребность в безупречном выполнении служебного долга, в обмене опытом и знаниями. Яркая форма ритуала способствует раскрытию общественно значимых мотивов и идей, которые люди вкладывают в конкретный жизненный факт. В церемониале органически сочетаются эстетическая форма и высококравственное содержание. При этом именно содержание определяет его внешнее решение, композицию, структуру, тональность, продолжительность.

Сила эмоционального воздействия ритуалов заключается в неразрывном единстве сущности проводимого мероприятия и красоты формы, участвующей специфику эстетического отражения человеком окружающего мира.

Любой вид трудовой деятельности складывается не только из одних служебных связей и отношений. Он включает в себя и межличностные контакты людей с их симпатиями и антипатиями, интересами и наклонностями, особенностями характера и привычек. Регулирование взаимоотношений и поведения людей в коллективах осуществляется, прежде всего, с помощью правовых и моральных норм, а также эстетическими принципами [1; с. 86].

Литература:

1. Основы организации воспитательной работы с личным составом в органах внутренних дел : учебное пособие / Под общ. ред. докт. педагог. наук, докт. юрид. наук, проф. В.Я. Кикотя. М. : ЦОКР МВД РФ, 2008.
2. Толерантность в межкультурном диалоге / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2005.
3. Толерантность и культурная традиция / Под. ред. М.Ю. Мартыновой. М., 2002.

Сотрудник органов внутренних дел, владеющий эстетической культурой общения, в поступках, жестах и речи умеет соблюсти нужный тон не только с населением, но и с правонарушителями, держать себя корректно, с достоинством, подобающим представителю власти. В то же время отвратительно выглядят «блюстители порядка», проявляющие высокомерие и надменность, выражающие свою повелительность грубостью и нервными жестами.

Решение проблем межнациональных отношений, особенно актуальных для России как многонационального государства, предполагает необходимость определения места и функций правоохранительных органов, позиции каждого их работника. В силу специфики своей деятельности они призваны обеспечивать как общественный порядок, так и защиту прав, интересов и достоинство граждан, независимо от их национальной принадлежности [2; с. 23]. Другими словами, полиция не вправе делиться по этническим признакам, выражать интересы национальных групп, ибо она должна руководствоваться только правовыми нормами. И закон служит главной гарантией соблюдения и защиты прав человека.

Серьезные надежды на привитие высокой культуры, необходимых нравственно-эстетических качеств, формирование гуманистических и добропорядочных межличностных отношений в подразделениях органов внутренних дел возлагаются на выпускников высших учебных заведений МВД России, которые получают не только всестороннюю специальную подготовку, но и разнообразные социально-гуманитарные знания.

Таким образом, эстетическая культура во всех сферах ее проявления играет важную регулятивно-нормативную функцию в структуре личности. Человек, развитый эстетически, несомненно, в целом ряде своих нравственных и духовных качеств незауряден и даже талантлив, что положительно сказывается на его профессиональной деятельности, на успешном решении оперативно-служебных задач и в том числе является серьезным барьером на пути к нарушению служебной дисциплины сотрудником ОВД.

Literature:

1. The basics of organizing educational work with personal staff in the internal affairs bodies : manual / under general revision doc. teacher. sci., doc. legal. sciences, prof. V.Ya. Kikotya. M. : TsOKR Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2008.
2. Tolerance in intercultural dialogue / editor-in-chief N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko. M., 2005.
3. Tolerance and cultural tradition / under. ed. M. Yu. Martynova. M., 2002.

Тужба Захар Эмирович
аспирант кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
zah1989@mail.ru

ГОРОДСКАЯ СРЕДА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ: АМЕРИКАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Аннотация. Социология города – одно из отраслевых направлений или теорий среднего уровня. В статье представлен вклад американских ученых в формирование и развитие этого направления социологической мысли. Рассмотрены работы представителей Чикагской школы, в рамках которой разрабатывались два основных направления, составляющих теоретико-методологическую основу исследования городской среды – урбанистская экология и урбанизм как образ жизни. В статье представлены типичные формы функционирования городской среды индустриального общества, для которых понятия «центр города» и «город» идентичны, а город выступает базисом для более широкой сферы деятельности, которой он управляет и из которой извлекает ресурсы.

Представлена позиция Лос-Анджелесской социологической школы, выстроившей исследовательскую стратегию на утверждении модели полицентричного развития города с акцентом на периферию, деиндустриализацию и реиндустриализацию, к индустрии потребления и развлечений. Сравнительный анализ этих двух направлений позволил выявить элементы, позволяющие утверждать, что при всех существующих отличиях, Лос-Анджелесская школа является приемником Чикагской, заложившей основы исследования городского пространства.

Ключевые слова: социология города, социальные риски, урбанизация, периферия, социальная динамика, социальная структура, образ жизни.

При всей важности и значимости работ предшественников, заложивших основы исследования, возникновение отраслевой социологии города отправляет нас к Чикагской школе, представители которой разработали два основных подхода (урбанистская экология и урбанизм как образ жизни), составляющих теоретико-методологическую основу исследования города.

Основные положения урбанистской экологии, авторами которой являются Э. Берджесс и Р. Парк состоят в том, что структура городов в территориальном отношении формируется посредством

Zakhar E. Tuzhba
Post-graduate student of the Department
of Sociology and Law
and Work with the Staff,
Kuban State Technological University
zah1989@mail.ru

CITY ENVIRONMENT IN THE CONTEXT OF SOCIAL RISKS: AMERICAN SOCIOLOGICAL THOUGHT

Annotation. Sociology of the city is one of the industry areas, or theories of the average level. The article presents the contribution of American scientists to the formation and development of this direction of sociological thought. The work of representatives of the Chicago school is considered, within the framework of which two main directions were developed that constitute the theoretical and methodological basis for the study of the urban environment – urban ecology and urbanism as a way of life. Typical forms of functioning of the urban environment of an industrial society are presented, for which the concepts of the center of the city and the city are identical, and the city acts as the basis for a wider sphere of activity that it manages and from which it extracts resources.

The position of the Los Angeles School of Sociology, which built a research strategy on the approval of a polycentric city development model with an emphasis on peripherals, de-industrialization and reindustrialization, to the consumer and entertainment industry, is presented. A comparative analysis of these two areas, revealed elements that allow us to argue that, with all the differences, the Los Angeles school is the successor of Chicago, which laid the foundations for the study of urban space.

Keywords: city sociology, social risks, urbanization, periphery, social dynamics, social structure, lifestyle.

двух процессов – адаптации городского населения к окружающему пространству, а также, в результате конкуренции за обладание различными ресурсами и возможностями. Города произрастают не беспорядочно, а, исходя из особенностей окружающей среды. Зоны городской застройки имеют особенность располагаться вдоль берегов рек, на перекрестке торговых и транспортных путей. Пространственную структуру города Э. Берджесс и Р. Парк представляют в виде последовательно расположенных, разделенных на зоны 5 кольцевых концентрических полей. Используя в качестве примера г. Чикаго, авторы отобрали

следующие концентрические зоны с расположенными там объектами:

– центральный деловой район (основные коммерческие предприятия, развлекательно-увеселительные заведения);

– смешанную зону (коммерческие предприятия, жилые дома);

– рабочий район (кварталы проживания рабочего класса);

– зону проживания среднего класса среднего класса (дома проживания чиновников и интеллигенции);

– элитарную зону (место проживания представителей высшего класса).

Как пишет Р. Парк, «однажды возникнув, город оказывается большим ситом, которое отсеивает из всего населения тех, кто наиболее подходит для проживания в данной среде и данном районе» [1].

Представители экологического подхода полагают, что характер размещения людей в городской среде подобен природным. Разные районы города развиваются посредством адаптации проживающих в них людей борющихся за средства существования.

Представитель второго подхода или концепции урбанизма как городского образа жизни Л. Уэрт, в отличие от Э. Берджесса и Р. Парка, рассматривает урбанизм не в контексте территориальной дифференциации городов, а как особую форму социального сосуществования, образа жизни индивидов. Характерной особенностью городов выступают: ускоренная динамика «темпа жизни», возможности высокой вертикальной мобильности, интенсификация и расширение обезличенных межличностных контактов, доминирование соперничества над сотрудничеством в межличностных отношениях.

Одним из наиболее видных исследований последнего времени является работа представителя, так называемого, «нового урбанизма» У. Уайта, который воспользовавшись контурным анализом, создал большую серию социально-топографических карт на основе определенных признаков. Исследовав два десятка городов, автор обнаружил зависимость по всем объектам выборки между зонами и плотностью, временем постройки жилищ их типом и качеством. В соответствии с концентрическим зонированием, распределялись такие показатели, как цена и собственность жилья, доход, рента, и в незначительной степени – образовательный уровень проживающего населения. Полученные данные свидетельствуют о том, что профессионалы, в большинстве своем, проживают в соответствии с нуклеарным принципом, голубые воротнички – секторальным. Специфика расселения этнических и расовых групп в значительной степени происходила на основе нуклеарных образцов.

Объектом исследований видного теоретика и критика урбанизма представителя Чикагской школы Л. Вирта выступали городские «гетто», факторы и механизмы их возникновения, функционирования и исчезновения.

Л. Вирт считал современные большие города ужасным порождением цивилизации, которые необходимо подчинить, в противном случае – это проблема человечества. Он предлагает рассматривать город (промышленное общество) и сельскую местность (народное сообщество) в качестве противоположных полюсов – идеальных типов, между которыми расположены все человеческие поселения, что дает перспективы для исследования всех форм человеческих ассоциаций, просматривающихся в современном мире.

Автор определяет город максимально кратко как относительно крупное, постоянное и плотное поселение гетерогенных в социальном отношении индивидов [2].

М. Кастельс и Д. Хэрвей приоритетное место в функционировании современного города отводят экономике, рассматривая городское пространство как среду воспроизводства трудовых ресурсов, ведущую к росту негативных процессов, связанных с перенаселением и социальной депривацией. Проблемы неравенства и социального порядка в современных городах являются предметом его социологического интереса. Новые формы городской жизни, структурируются вокруг ее ключевых количественных составляющих (размера, плотности и социальной гетерогенности), исследование которых позволило осуществить М. Кастельсу критический анализ большого города [3].

В больших городах возникают параллельные пространства с собственными жизненными мирами. Иерархия позиций в системе потребления и производства, связанная с определенным образом жизни, предполагает кардинальные отличия в финансовых средствах и культурных предпочтениях индивидов, что ведет к противопоставлению роскоши и нищеты. Логика развития социальной структуры ведет к поляризации и сегментированию, изоляции некоторых групп в общем пространстве большого города. Эти факторы привели к дифференциации производительной силы проявляющейся в отличающихся жизненных стилях ведения хозяйства, семейных отношениях.

Под глобальным городом М. Кастельс понимает не только пространство, но и процесс, в результате которого точки потребления, производства и локальные группы, выполняющие в них вспомогательные функции, объединяются в глобальной информационной сети, в то же время, отстраняясь от связи с пространством, удаленным от промышленного центра. Мега-города выступают в качестве новой формы пространства, появившейся в результате структурных трансформаций современных обществ. Они по мысли автора, точки сосредоточения глобальной экономики, связи информационных сетей и концентрации власти и, в то же время, местами сосредоточения всех тех групп населения, которые борются за выживание [4].

Свое видение городского пространства и прилегающих к нему пригородных территорий складывается в рамках Лос-Анджелесской социологической школы (Э. Сойи, Э. Соджа, М. Дэвис, М. Дира, С. Фласти и др.).

Одним из ярких представителей Лос-Анджелесской школы Эд Соджа, основой исследований которого, выступает постулат «исходить от пространства», полагает, что к концу XX века такие формы себя полностью исчерпали. «Разговор о городе как центре региона бесполезен, так как современные политические, экономические, социальные процессы способствовали возникновению множества центров в данной территории. Тем не менее, в символическом отношении значение города возросло, а каждое место претендует на статус города [5]. Современность он называет эпохой пространства характеризующейся неравномерным развитием, что порождает дисбаланс между развитыми и отсталыми в экономическом отношении государствами. Существование слабо развитых территорий очень важный фактор производства при капитализме в плане дешевой резервной рабочей силы и рынков сбыта собственной продукции. Структуру капиталистического производства необходимо понимать в географическом отношении в качестве «развернутой неравномерно пространственности», породившей пространственное разделение труда, наполненное идеологией, напряженностью, политикой и властью.

Просматривая эволюцию городских форм, Э. Соджа показывает, как характеризующее капитализм неравномерное развитие отразилось в пространстве современного города. Конфигурация пространства города является прямой производной от классовой и этнической сегрегации населения. Большой объем прибыли уплывает на строительство дорогого и качественного пространства в условиях города, что приводит к тому, что городское пространство становится дополнительным источником эксплуатации и, в конечном счете, классового расслоения [5].

Дэвис анализирует механизмы преобразования городского пространства в угоду интересам групп бизнесменов вытесняющих с насиженных мест проживания бедных и этнические меньшинства, что приводит к рискам расовых и социальных волнений и потрясений. На первом этапе, белая бизнес-элита (протестантская), известная своим антисемитизмом и консерватизмом и равнодушием к проблемам рабочего класса, определяет развитие города. Постепенно на авансцену экономической и политической жизни выходит другая группировка элиты (еврейская), либерально-демократического толка, как утверждает автор. Несколько десятков лет противостояние этих двух группировок определяло жизнь города, пока не появился третий игрок (узел интересов) вызванный федеральным стимулированием оборонной промышленности в годы холодной войны и конфликты между группировками элит на фоне обретенной экономической «идентичности» несколько поутихли. Затем, появляется четвертая сила, представляющая японский капитал и город еще больше фрагментируется, а попытки элиты,

направленные на сохранение коалиции, становятся все менее ощутимыми.

На примере Лос-Анджелеса автор демонстрирует, как региональная элита, связанная с национальной и международной посредством спекуляций землей и операций на рынке недвижимости, получает возможность строить и рушить, исходя из своих интересов, тем самым порождая социальные риски. Образ города как символа экономического процветания уходит в небытие, ему постоянно угрожают социальные и природные риски и катастрофы, которые могут привести к его исчезновению [6].

Серьезной заявкой Лос-Анджелесской школы является концепция Эдварда Сойи («пространственности человеческой жизни» и «геоистории городского пространства»). По мнению ученого, основу современного исследования города должна составлять «пространственностью человеческой жизни». Осознание современным человеком своей пространственной сути это процесс производства пространственности или, как он называет, «сотворения географии», начиная с человека как пространственного существа, находящегося в отношениях со своей средой обитания. С одной стороны, мысли и деятельность человека способствуют оформлению внешнего пространства вокруг него, с другой стороны, социально коллективно созданное пространство и место оформляет наши мысли и деятельность [5].

Отдавая первенство пространству, Э. Сойя говорит о том, что цель состоит в достижении «пространственной справедливости», отмечая возможности пространственного воображения и всеохватывающую пространственность человеческой жизни.

Сравнительный анализ Чикагской и Лос-Анджелесской школ позволил выявить их особенности. Представители чикагской школы выстроили исследовательскую стратегию на утверждении моноцентричности города. Для них принципиален центр; они исповедуют идею объективного научного исследования; их интересует измеримое материальное и социальное; они равнодушны к действиям власти; их объект классический индустриальный город, общество модерна; они следуют схеме линейной эволюции.

Представители Лос-Анджелесской школы выстроили исследовательскую стратегию на утверждении модели полицентричного развития города. Для них принципиальна периферия; они не претендуют на объективность; строят свой постулат на том, что социально-политическое по нарастающей становится материальной силой, воплощаясь в новых городских проектах; действия власти для них очень часто становятся основой анализа; их акцент смещен к деиндустриализации и реиндустриализации городов, к индустрии развлечений; их объект общество постмодерна; они следуют схеме нелинейного видения развития городской среды представляющей поле возможностей, которые не взаимозависимы. Между этими школами есть и элементы преемственности, состоящее в том, что некоторые

понятия, которые использовались представителями Чикагской школы, применяются учеными Лос-Анджелесской школы, что позволяет говорить, что вторые, хотя и отличаются принципиально от первых, все же, во многом являются их приемниками, продолжателями дела.

Анализ социологических работ, посвященных процессам урбанизации, позволяет осуществить их систематизацию и дать общую характеристику современного состояния исследований. В одних работах предпринимаются попытки типологизации современных городов в контексте исторических и социальных процессов; в других представлен теоретический анализ основных дискурсов существующих в социологии города; в третьих предпринимаются попытки определения и предложения перспективных направлений исследования.

Социологию города представляют ряд теорий, описывающих урбанизацию как мировой процесс, и, при всех существующих между ними различиях, признается новизна современной городской цивилизации в условиях глобализации. Современные миграционные процессы, новые виды социальной дифференциации и поляризации, сегрегация и сегментация, стандартизации окружающего пространства, обезличивание, множест-

венная идентичность, отсутствие солидарности, отчуждение и одиночество, новые виды социальных конфликтов, новый социальный порядок – вот неполный перечень проявлений этой новизны.

В исследовании городского пространства используются методы разных наук. Междисциплинарный характер позволяет рассмотреть город с различных сторон. В итоге, возникает образ города как особого социального пространства, представляющего собой сложный социально-экономический, политический и историко-культурный феномен.

Функциональное разделение труда - основа появления и динамики изменений городов. Традиционные способы исследования противостоят современному восприятию города, так как для современного городского пространства основополагающей категорией выступает движение в культуре города и культурные трансформации, протекающие на разных уровнях. Предметом социологии являются социальные последствия конкретных ситуаций, возникающих на этой основе. Информация о конкретной специфике культурной и производственно-функциональной ситуации в городе является составной частью социологической диагностики городской жизни.

Литература:

1. *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11–18.
2. *Вирт Луис.* Избранные работы по социологии. Сборник переводов // РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. М. : ИНИОН, 2005. 244 с.
3. *Castells M.* The urban question: a Marxist approach. L., 1977. P. 77–78.
4. *Castells M.* The rise of the Network society: the information age, society and culture. Singapore, 2010. Vol. 1. 423 p.
5. *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007. 397 p.
6. *Davis M.* Dead Cities and other Tales. N.Y., 2002.

Literature:

1. *Park R.* Urban community as a spatial configuration and moral order // Sociological Review. 2006. Vol. 5. № 1. P. 11–18.
2. *Wirth Louis.* Selected works on sociology. Collection of translations // RAS INION. Center for Social Information Research. Department of Sociology and Social Psychology. M. : INION, 2005. 244 p.
3. *Castells M.* The urban question: a Marxist approach. L., 1977. P. 77–78.
4. *Castells M.* The rise of the Network society: the information age, society and culture. Singapore, 2010. Vol. 1. 423 p.
5. *Soja E.W.* Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007. 397 p.
6. *Davis M.* Dead Cities and other Tales. N.Y., 2002.

Тужба Эмир Нодариевич
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

ИНКОРПОРАЦИЯ МИГРАНТОВ С ЮГА-ВОСТОКА УКРАИНЫ В ЛОКАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО: ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС

Аннотация. В статье определены составляющие и особенности процесса инкорпорации мигрантов с Юга-Востока Украины в Краснодарском крае. Представлены и охарактеризованы критерии успешности/неуспешности процесса включения в местное сообщество. Показано, что существующие проблемы коренятся не в культурных особенностях обозначенных групп, а в условиях существования в городской среде, главным образом, в сфере трудовой занятости; социальной работе с мигрантами, которая носит рекламный и демонстративный характер, что выражается в формальном механическом подходе, ориентированном на «средние» показатели.

Ключевые слова: мигранты, инкорпорация, социальная адаптация, интеграция, идентичность, адаптационные установки, коренное население.

Проблемы, которые актуализируются в контексте взаимодействия коренного населения и приезжих с Юга-Востока Украины, коренятся не в культурных характеристиках представителей обозначенных групп, с этим проблем нет, но в общих условиях существования в городской среде (проблемы инфраструктуры, ухудшение дорожного трафика, конкуренция в сфере трудовой занятости и т.д.). В этом контексте, комплексный анализ, учитывающий социальные характеристики двух основных целевых групп (местного населения и мигрантов), а также, характер актуальных для них вопросов интересен. Последнее, будучи объектом коллективного социального дискурса, представляет собой социально-информационное основание для обострения, или, напротив, сглаживания существующих противоречий. Исследование проводилось методом экспертного опроса, в котором приняло участие 5 специалистов в области миграционной политики Краснодарского края. Посвящен экспертный опрос вопросам анализа основных социальных проблем, с которыми сталкиваются мигранты с

Emir N. Tuzhba
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Sociology,
Jurisprudence and Work With Personnel,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

INCORPORATION OF MIGRANTS FROM THE SOUTH-EAST OF UKRAINE INTO THE LOCAL COMMUNITY: EXPERT SURVEY

Annotation. The article defines the components and features of the process of incorporation of migrants from the South-East of Ukraine in the Krasnodar Territory. The criteria for the success/failure of the process of inclusion in the local community are presented and characterized. It is shown that the existing problems are rooted not in the cultural characteristics of the designated groups, but in the conditions of existence in the urban environment, mainly in the field of employment; social work with migrants, which is of an advertising and demonstrative nature, which is expressed in a formal mechanical approach focused on «average» indicators.

Keywords: migrants, incorporation, social adaptation, integration, identity, adaptation attitudes, indigenous population.

Юга-Востока Украины в Краснодарском крае; восприятия коренного населения этой группы мигрантов; оценка работы органов государственной власти¹.

Из всего массива полученных данных, представляем наиболее интересные с нашей точки зрения результаты.

Вопрос 1. Как Вы оцениваете существующую систему государственной поддержки мигрантов с Юга Востока Украины?

Эксперт. Новые представления о миграционной политике начался с 2013 г., когда Президент В. Путин согласовал концепцию государственной миграционной политики РФ до 2025 года. В рамках концепции определены основные направления, цели и задачи, этапы, принципы и механизмы реализации миграционной политики. Научное сообщество, в большинстве своем положительно воспринимается ее, потому что она сформирована с учетом современной демографичес-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-411-230018 «Социальная адаптация мигрантов с Юго-Востока Украины в Краснодарском крае».

кой ситуации в РФ и предполагает конкретные меры по регулированию миграционных движений, а также, критически переосмысливает действующее миграционное законодательство. Главное внимание в новом подходе уделяется нелегальной миграции, расселению мигрантов, и обоснованию мигрантов на постоянном месте жительства. Акцент смещен в сторону высококвалифицированных кадров. Тем не менее, вопросы социальной адаптации мигрантов, социальной защиты не отражена в документе в полном объеме. С 01 января 2015 г., для получения разрешения на работу, временного вида на жительство, патента или вида на жительство иммигрант должен подтвердить свое знание русского языка, знание истории России и основы законодательства страны. В нашем случае, с мигрантами из Юга Востока Украины, эта проблема не стоит, так как они все владеют русским языком. В российском миграционном законодательстве практически отсутствует политика в области правовой защиты трудящихся-мигрантов и их адаптации к условиям российской среды, что приводит к нарушению прав мигрантов в России. Пресс со стороны государственных служб и органов, нарушение трудовых прав работодателями стали нормой в России. С точки зрения социальной работы, мигрант – это существо, нуждающееся в социальной помощи и поддержке, особенно, в период адаптации и интеграции в принимающее общество. Однако не все категории мигрантов могут в равной степени зависеть от социальной поддержки со стороны государства. Категории социально поддерживаемых мигрантов включают: студентов-мигрантов; беженцев; высококвалифицированных и легитимных мигрантов; принадлежащих к социально незащищенным группам населения (инвалиды, многодетные семьи, дети и старики). Как показывает практика, эти сферы социальной работы с мигрантами часто носят рекламный и демонстративный характер.

Вопрос 2. Как Вы считаете, миграционные потоки будут увеличиваться или снижаться в перспективе?

Эксперт. Миграционные потоки в Россию будут снижаться. Все больше мигрантов не видят возможности для заработка в нашей стране и начали переориентироваться на страны другие страны, главным образом, на Евросоюз. Миграционный поток перестал покрывать естественную убыль населения России. Для того, чтобы избежать сокращения населения, нужно принимать по 500 тыс. мигрантов в год. Начиная с 2014 г., число международных мигрантов, прибывающих в Россию, стабилизировалось на уровне 500–600 тыс. чел., но число уехавших увеличилось с 308 тыс. в 2014 году до 441 тыс. в 2018 году. В результате миграционный прирост населения составил в 2018 году всего лишь 125 тыс. человек. Это самый низкий показатель, согласно данным текущего учета миграции, который ведется с середины 2000-х годов. При этом с 2016 года снизилось количество лиц, прибывших в Россию из Украины. В 2018 году поток украинских мигрантов был меньше, чем в 2015 году почти на 30 %, а количество выехавших выросло в 2,6 раза.

В настоящее время снижение показателей миграционного прироста обусловлено экономическими факторами. Россия перестала быть привлекательной в этом отношении.

Вопрос 3. На Ваш взгляд существует ли культурная дистанция и напряженность между мигрантами с Юга Востока Украины и местным населением?

Эксперт. Культурная дистанция между местными жителями и трудовыми мигрантами из Юга-Востока Украины отсутствует, антимигрантских настроений в Краснодарском крае по отношению к этой группе нет, либо они незначительны.

Оценивая внешние факторы роста социальной напряженности между обозначенными группами, приоритетным основанием напряженности является не сам факт демографического роста, а несоответствие между институциональным состоянием Краснодарского края и реальным уровнем функциональных запросов населения. Как результат, наблюдается уплотнение взаимодействия, при этом ответственность за сложившуюся обстановку возлагается как на приезжих, так и на власть. Существуют противоречия, связанные с уровнем доходов, недостатками городской инфраструктуры и т.д. Основными аспектами, в данном случае, выступают социальные возможности реализации, бытовой аспект и сфера трудоустройства. Использование мигрантов в качестве рабочей силы негативно сказывается на состоянии местного рынка труда, в первую очередь, на снижении стандартов труда, подталкивая работодателей к сдерживанию роста заработной платы, игнорируя проблемы улучшения условий труда.

Вопрос 4. Необходимо ужесточать или ослаблять процедуру получения разрешений на работу для трудящихся-мигрантов?

Эксперт. Анализ ситуации на российском рынке труда показывает, что на современном этапе развития значение миграции населения и ее влияние на предложение занятости возрастают в связи с уменьшением численности трудоспособного населения и качественным ухудшением. Как минимум, до 2025 года рынок труда будет формироваться в условиях низкой численности населения трудоспособного возраста в подавляющем большинстве регионов страны. В то же время, в настоящей ситуации невозможно оценить реальную потребность российского рынка труда в рабочих с конкретными цифрами. Для этого есть, как минимум, две причины.

Первая – официальная статистика по имеющимся вакансиям, собранная российскими службами занятости, очень неполная, так как большой процент компаний и организаций не предоставляют службам занятости информацию о вакансиях (хотя они обязаны это делать) и ищут работников самостоятельно.

Вторая – объем занятости в неформальном секторе экономики велик. По данным Росстата, пятая часть населения России работает в неформальном секторе, а потребность в рабочих в

этом секторе практически неизвестна. Еще сложнее провести тщательную оценку потребности российского рынка труда в конкретных профессиональных группах, квалификациях и видах экономической деятельности. В этих условиях, во всей работе, связанной с приемом, трудоустройством и социализацией трудящихся-мигрантов из Юго-Востока Украины, преобладает формальный механический подход, ориентированный на «средние» показатели.

Основной проблемой для мигрантов является сложность получения разрешений на работу. Бюрократия в этой процедуре вынуждает мигрантов связываться с посредниками, что приводит к значительным переплатам за услуги. За годы сформированы широкие и гибкие сети, которые новые поколения мигрантов используют для организации поездок на работу в Россию. Посредники не только заполняют пробел, вызванный отсутствием формальных услуг, но часто работают более эффективно, чем формальные структуры в этой сфере. Сегодня порядка 75 % мигрантов находят работу через родственников и знакомых, то есть, с помощью существующих неформальных сетей мигрантов. Поэтому, необходимо максимально ослаблять процедуру получения разрешений на работу для трудящихся-мигрантов.

Вопрос 5. Как Вы считаете, существует ли в местных сообществах какая-либо система содействия интеграции трудовых мигрантов с Юго-Востока Украины?

Эксперт. Степень включенности мигрантов в жизнь местного сообщества зависит от многих факторов, но, в целом, степень интегрированности невелика. Никакой серьезной системы не существует, адаптационная политика носит фрагментарный характер. Имеются лишь отдельные ее элементы, которые осуществляются некоторыми НПО, профсоюзами, бизнес-структурами. К сожалению, заинтересованные федеральные органы власти делают в этом направлении очень мало. До настоящего времени нет четкого понимания, как должна проводиться эта работа. Тот факт, что системный подход не применяется, объясняется отсутствием законодательных основ процесса интеграции, а также отсутствием четкой позиции государства.

Вопрос 6. Как Вы считаете, в большинстве своем мигранты с Юго-Востока Украины довольны своим пребыванием в Краснодарском крае?

Эксперт. Одним из важных моментов, на который следует обратить внимание, является момент расхождения между социальными ожиданиями мигрантов и реальными возможностями, которые им доступны при переселении в Краснодарский край. В результате, мы наблюдаем неудовлетворенность условиями своего социального проживания, которая выражается в негативной оценке экономического состояния, условий проживания, стоимости жизни, продуктов и т.д. Что касается местного населения, то уровень напряженности существует в наиболее социально неустроенных группах, материальная обеспеченность которых

находится на стабильно низком уровне. Представители этих групп наиболее остро воспринимают конкуренцию с приезжими, так как непосредственно участвуют в конкурентном взаимодействии с мигрантами, поскольку для мигрантов крайняя необходимость трудоустройства определяет факт неприхотливости в выборе первоначального места работы. Чем выше уровень социального положения коренного населения, тем менее остро проявляется у них настороженность в отношении приезжих.

Вопрос 7. Что необходимо предпринять органам государственной власти и местного самоуправления, бизнесу и общественным организациям для решения основных проблем содействия интеграции мигрантов?

Эксперт. Безусловно, прежде всего – беспрекословное соблюдение российского законодательства и его обязательность для всех работодателей, вне зависимости от наличия связей с властью. И что еще важнее – неотвратимость наказания при нарушении закона. Все трудовые мигранты должны находиться в правовом, а не в теневом поле.

Помочь предотвратить социальную изоляцию и дискриминацию мигрантов также может участие работодателей в финансировании адаптационных программ, реализуемых государством, что предполагает оказание помощи в легализации своих сотрудников; а также в обеспечении их дешевым жильем (за их счет).

Прежде всего, объединить усилия и выработать единый подход к проблеме интеграции мигрантов. Понять и принять необходимость тратить деньги и другие ресурсы на реализацию адаптационных и интеграционных программ – во благо будущих поколений и сохранение языкового и культурного облика нашей страны. Развивать государственно-частное партнерство в этой сфере, делегировать часть функций по реализации таких программ общественным организациям, гражданскому обществу.

Государственная социальная поддержка трудящихся-мигрантов направлена в первую очередь на оказание помощи легальным мигрантам, которые находят работу в государственных учреждениях и организациях, либо в секторах экономики, которые не привлекают коренное население. Что касается нелегальных рабочих-мигрантов, государственная миграционная политика направлена на их выявление и контроль. Необходимость повышения роли институтов гражданского общества в формировании и реализации государственной миграционной политики очевидна.

Миграционная политика является частью внутренней и внешней политики государства, важной частью национальной политики страны. От нее зависит, станет ли миграция позитивным и стабильным фактором или, наоборот, фактором, усугубляющим социальные и экономические проблемы общества.

Литература:

1. *Харькова В.А.* Формирование консенсусного потенциала этносоциальных отношений на территории Краснодарского края // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию победы в Великой Отечественной войне. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар : Кубанский государственный университет. 2020. С. 473–477.
2. *Муха В.Н.* Роль правовой культуры в процессе социальной адаптации мигрантов с Юго-Востока Украины / В.Н. Муха, Е.В. Макарова // Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информатизации российского общества. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2019. С. 62–66.
3. *Тужба Э.Н.* Социальная адаптация мигрантов: теоретическая модель анализа / Э.Н. Тужба, В.Н. Муха // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 137–140.

Literature:

1. *Kharkova V.A.* Formation of the consensus potential of ethnosocial relations on the territory of the Krasnodar Territory // Black Sea region in the context of ensuring Russia's national security: to the 75th anniversary of victory in the Great Patriotic War. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar : Kuban State University. 2020. P. 473–477.
2. *Mukha V.N.* The role of legal culture in the process of social adaptation of migrants from the South-East of Ukraine / V.N. Mukha, E.V. Makarova // Legal awareness of students in a law university in the context of informatization of Russian society. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Stavropol, 2019. P. 62–66.
3. *Tuzhba E.N.* Social adaptation of migrants: a theoretical model of analysis / E.N. Tuzhba, V.N. Mukha // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. P. 137–140.

Харькова Виктория Александровна
ассистент,
кафедра социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
lupyreva.vika@bk.ru

Муха Виктория Николаевна
кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра социологии, правоведения
и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
v.mukha@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ С ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей социальной адаптации украинских беженцев в инокультурную среду принимающего сообщества Краснодарского края. Процесс приобщения беженцев к новой среде рассмотрен в рамках трёх показателей: социально-психологического, этнокультурного и социально-экономического. Определены факторы адаптации, среди которых наличие родственных или дружески связей на новой территории, планы возвратиться на родину и условия проживания на территории края. Сделан вывод, что в целом, несмотря на ряд существующих сложностей, основная масса мигрантов успешно адаптировалась в принимающем сообществе Краснодарского края.

Ключевые слова: социальная адаптация, интеграция, мигранты, принимающее сообщество, социально-психологическая адаптация, этнокультурная адаптация, факторы адаптации, социальные сети.

Миграционные процессы выступают одним из факторов социальных и экономических преобразований современного социума, так и для нашей страны в целом и для Краснодарского края, в частности, характерна высокая активность как внутренней, так и внешней миграции, по темпам миграционного прироста: край занимает третье место среди регионов Российской Федерации [1]. Сама по себе, миграция в условиях глобализации экономики является необходимым

Viktoriya A. Kharkova
Assistant,
Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
lupyreva.vika@bk.ru

Viktoriya N. Mukha
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Sociology, Law
and Human Resources,
Kuban State Technological University,
v.mukha@bk.ru

FEATURES OF SOCIAL ADAPTATION OF REFUGEES FROM THE SOUTH-EAST OF UKRAINE IN THE TERRITORY OF THE KRASNODAR REGION (BASED ON INTERVIEW MATERIALS)

Annotation. The article presents the results of a study of the peculiarities of social adaptation of Ukrainian refugees to the foreign cultural environment of the host community of the Krasnodar region. The process of introducing refugees to the new environment is considered within the framework of three indicators: socio-psychological, ethnocultural and socio-economic. The factors of adaptation are determined, including the presence of family or friendship ties in the new territory, plans to return to their homeland and living conditions in the territory of the region. It is concluded that, in general, despite a number of existing difficulties, the majority of migrants successfully adapted in the host community of the Krasnodar region.

Keywords: social adaptation, integration, migrants, host community, socio-psychological adaptation, ethno-cultural adaptation, adaptation factors, social networks.

механизмом перераспределения трудовых ресурсов, однако, с другой стороны – она создает комплекс трудноразрешимых проблем, как для принимающего сообщества, так и для самих мигрантов. Соответственно, и для принимающего сообщества, и для самих мигрантов актуализируется проблема социальной адаптации¹.

Социальная адаптация раскрывается как форма приспособления личности или социальной группы к окружающей социальной среде. Здесь

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-411-230018 «Социальная адаптация мигрантов с Юго-Востока Украины в Краснодарском крае».

важным элементом адаптации выступает согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды, включая также тенденции развития среды и объектов [2]. Однако в условиях инокультурного общества мигрантам зачастую приходится сталкиваться с рядом проблем, которые затрудняют процесс их включения в новое сообщество.

Исследователями выделяются разнообразные стратегии и сценарии адаптации. Так, К.С. Мокин выделяет адаптивный сценарий, при котором меняются внутренние социальные, культурные и психологические установки индивидов и групп, и приспособительный сценарий, реализация которого не связана с существенными изменениями ценностей и образцов поведения мигрантских сообществ и поверхностное восприятие культуры принимающей стороны [3]. Безусловно, успешная адаптация мигрантов зависит не только от них самих и выбора стратегий поведения в новом социуме, немаловажно значение имеют и аккультурационные ожидания принимающего сообщества и этот аспект проблемы адаптации требует отдельного внимания. В данной работе остановимся на анализе индивидуальных особенностей социальной адаптации беженцев в условиях инокультурной среды.

В ходе реализации проекта РФФИ № 19-411-230018 «Социальная адаптация мигрантов с Юго-Востока Украины в Краснодарском крае» были взяты 30 глубинных интервью с беженцами с Юго-Востока Украины. Среди информантов были представители разных возрастных групп (от 18 до 69 лет), проживающими на территории края разное количество лет. Данный аспект позволил не только изучить особенности адаптации, но и проследить его на разных этапах совершенствования миграционной политики.

Весь процесс социальной адаптации мигрантов рассматривался в рамках трёх показателей:

– социально-психологического, который фиксирует внутреннее состояние мигранта на новой территории;

– этнокультурного, учитывающего особенности социально-культурной жизни беженцев;

– социально-экономического, характеризующего степень включенности мигранта в экономическую жизнь региона (наличие работы, трудности с трудоустройством, материальное положение) [4, с. 32].

Выделенные показатели позволяют проследить весь процесс адаптации, выделить его особенности, а также, выявить основные недостатки адаптационного механизма, существующего в крае.

Первый показатель, к которому обратимся – это социально-психологический показатель адаптации мигрантов с Юго-Востока Украины на территории Краснодарского края. Так, согласно классической модели процесс адаптации состоит из пяти стадий: фаза «медовый месяц», фаза возврата в прошлое, «культурный шок», фаза привыкания, фаза интеграции [5]. Анализ интервью

показал, что, первая фаза, фаза «медового месяца» мигрантами практически не проживалась. Зачастую, свою адаптацию мигранты начинали со второго или третьего этапа. Это обуславливается тем, что данная категория людей бежали именно от военных действий, без особых средств к существованию и единственное, что ждало их на новом месте – это новые проблемы и трудности: *«Мы приехали буквально с 4.000 руб. на руках, две сумки, кот и собака... всё, что у нас есть – это мы уже тут добились, тут зарабатывали»* (женщина, 40 лет); *«...мы выезжали в никуда... мы не знали, вернёмся ли мы назад, сможем ли как-то попасть обратно. И вообще не знали куда мы ...»* (женщина, 35 лет). Стадия «культурного шока» в разной степени интенсивности коснулась каждого информанта. Среди основных социально-психологических проблем, с которыми столкнулись мигранты можно выделить:

Во-первых, отсутствие связи с родными, страх за близких и ностальгия по прошлому: *«... там есть дом родительский, всё равно Донбасс – это родина и там всё родное»* (женщина, 31 год). Не были многие и готовы к трудностям общения с местным населением: *«Очень часто не хотели сдавать жилье людям с Украины, много отказов по этой причине»* (женщина, 29 лет), *«нас никто же ждал и мы никому не нужны»* (мужчина, 48 лет).

В целом, большую степень социально-психологической адаптации демонстрировали более молодые информанты, а также те, кто был ориентирован на постоянное проживание в России и получение российского гражданства;

Во-вторых, показатель этнокультурной адаптации. Поскольку информантами выступали беженцы с Юго-Востока Украины, предполагалось, что данное измерение не будет достаточно актуальным, ввиду небольшой культурной дистанции. Практически все информанты отмечали, что между ними и принимающим сообществом нет никакой культурной дистанции, что выражается в общих традициях *«С Кубанью мы не просто соседи, мы родные души, ... «сиамские близнецы» с кубанцами – песни, танцы, борщ с пампушками и чесноком»* (женщина, 50 лет), обычаях *«... нет ощущения переезда в другую страну... здесь – все лица родные, все хочется с кем-нибудь поздороваться...»* (женщина, 49 лет) и даже в манере разговора *«Кубань основали хохлы, здесь в станицах такой Украинский!! Я, когда «коренных» кубанцев слышу – глаза отпадают. Мы так не разговариваем, мы почти не знаем Украинский язык* (женщина, 46 лет). Примечательно, что более близкую культурную дистанцию отмечали информанты старшего возраста, в ответах мигрантов молодого возраста ответ о значительной культурной дистанции встречается чаще.

Третий показатель – **социально-экономический**. Одной из самых насущных проблем, с которыми пришлось столкнуться беженцам с Юго-Востока Украины на территории Краснодарского края стали трудности с оформлением документов.

«Получить гражданство РФ простому мигранту из ЛДНР стало просто только с мая прошлого года. До этого всё было намного сложнее, а в некоторых случаях практически невозможно. Даже РВП можно было получить только по квоте, которых на всех не хватает» (мужчина, 33 года).

Следующей, не менее распространённой проблемой был поиск работы. Здесь есть два аспекта – во-первых нужно было найти работу, а во-вторых, получить заработанное «С мужем ситуация была ... он работал ... в результате его обманули на 120.000, не выдали зарплату» (женщина, 40 лет). Как отмечали сами мигранты, возиться с их документами никто не хотел, принимали на работу до тех пор, пока не узнавали, откуда люди приехали «... в 90 % случаев меня уже принимали на работу, но как только дело доходило до гражданства, собеседование сразу завершалось» (мужчина, 22 года). Работодателям было выгодно сэкономить на труде мигрантов, поэтому, зачастую, последним приходилось трудиться на тяжёлых и низкооплачиваемых работах «со статусом ВУ, РВП, ВНЖ работодатели даже разговаривать не хотели, приходилось работать на очень тяжёлых работах, за копейки, лишь бы выжить, заплатить за жильё, ребенка прокормить» (женщина, 33 года).

Кроме того, информанты отмечали, что, в первую очередь, приходилось искать работу, а потом покупать патент, поскольку часто случалось, что работа так и не находилась, а срок патента истекал. Неофициальная работа тоже чревата штрафами, тем более, если беженец в дальнейшем планирует получить гражданство РФ «Дочь даже боится что-то искать пока без документов, так как при оформлении на гражданство все проверяется и нарушения могут быть чреватые, а патент покупать не вариант, надо сначала работу найти, короче замкнутый круг или нужны знакомства» (женщина, 49 лет). На хорошую работу у многих мигрантов получилось устроиться только посредством знакомых «Стало легче, когда завел знакомства и через них уже устроился» (мужчина, 33 года). При этом наличие высшего образования не давало никаких гарантий «по образованию я преподаватель и имею стаж работы в университете почти 9 лет. Я работала в педагогическом (им. Тараса Шевченко), здесь это всё не имеет значения» (женщина, 35 лет, имеет несколько высших образований).

Большая часть информантов считают, что они полностью адаптировались к условиям жизни в Краснодарском крае, при этом, мигранты часто упоминали, что помогла им это сделать только безвыходность ситуации и надежда на самого себя «Только то, что опускать Руки нельзя, возвращаться некуда» (женщина, 30 лет). Отношение местного населения также сказывалось на процессе адаптации – это новые знакомые – жители края, коллеги, соседи и арендодатели «... люди (хозяйева) попались хорошие, они нам очень сильно помогли ... мы до сих пор общаемся, поздравляем с праздниками, они нам очень рады, мы в хороших отношениях» (женщина, 35 лет).

Этнические сети – ещё один фактор адаптации мигрантов. Они представляют собой неформальные объединения мигрантов на новой территории, при этом в их состав могут входить как мигранты – «старожилы», так и вновь прибывшие переселенцы. Значимость этнических сетей в адаптации достаточно велика, поскольку помогает людям на основе опыта других мигрантов адаптироваться к новым условиям. Следует сказать, что в условиях цифровизации, а также, вовлечения интернета во все сферы человеческой жизни, именно посредством интернет-связи формируются неформальные этнические объединения мигрантов. Члены подобных объединений стараются делиться друг с другом полезной информацией, вместе отмечают праздники и т.д. Подобные виртуальные сообщества преследует целью знакомство, взаимопомощь, обмен информацией, а также сотрудничество с земляками, проживающими в Краснодарском крае или только планируемыми переезд.

Роль принимающего сообщества региона в адаптации мигрантов, несомненно, высока. Позитивное отношение населения края, оказание помощи вынужденным мигрантам и поддержка – всё это может сказаться на процессе вхождения беженцев в инокультурную среду. Информанты указывали на не всегда приветливое отношение местного населения: «Встречались и хорошие люди. Но в массе - очень негативное...» (женщина, 46 лет). Одним из факторов, влияющих на отношение местного населения к беженцам, был стереотип о том, что украинцы приехали «пожиться»: «все обижались, думали, что мы получаем пособие беженцев, говорили, вы тут нас обираете» (женщина, 33 года). Кроме того, беженцев часто обвиняли в снижении уровня заработной платы «... понаприезжали, забрали работу, сбросили цену, а кубанцам теперь за копейки работай» (женщина, 32 года).

Таким образом, социальная адаптация беженцев с Юго-Востока Украины протекает не всегда легко и безболезненно. Уезжая от военных действий, угроз и нестабильности, эти вынужденные мигранты сталкивались с новыми проблемами на разных этапах взаимодействия с новой принимающей средой, местным населением, официальными структурами.

Обобщая данные, полученные в результате интервьюирования, можно выделить следующие факторы эффективной адаптации, по мнению самих мигрантов. Так, от одного из главных субъектов адаптации – государство мигранты хотели бы видеть, в первую очередь, упрощение процедуры получения документов, юридическую помощь и правовое просвещение как самих мигрантов, так и их работодателей. От местного населения мигранты ожидают доброжелательного отношения, помощи и понимания.

В целом, основными факторами социальной адаптации мигрантов в инокультурной среде являются степень культурной дистанции с принимающим сообществом, уровень сложности получения лично-значимых благ, а также, наличие государственных, муниципальных и краевых

программ поддержки, действующих на новом месте жительства. Для решения данных проблем необходима комплексная система мер по содействию адаптации мигрантов в инокультурной

среде, способствующая формированию толерантности в российском обществе, а также - развитию консенсусного потенциала межэтнического взаимодействия на региональном уровне.

Литература:

1. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – сентябрь 2020 года с распределением по и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL : <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365840/> (дата обращения 21.11.2020).
2. *Татевасов Р.В.* Адаптация. Народонаселение: энциклопедический словарь. М. : Российская энциклопедия, 1994. С. 10.
3. *Мокин К.С.* Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ: монография. Саратов : Научная книга, 2006. 176 с.
4. *Подлесная М.А.* Беженцы с юго-востока Украины: опыт социальной адаптации / М.А. Подлесная, Ю.И. Хомутова // Теория и практика общественного развития. 2016. № 8. С. 29–36.
5. *Триандис Г.С.* Культура и социальное поведение. М. : Форум, 2017. 382 с.

Literature:

1. Selected indicators of the migration situation in the Russian Federation for January – September 2020 with distribution by and region // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : <https://mv.d.rf/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365840/> (date of application 11/21/2020).
2. *Tatevasov R.V.* Adaptation. Population: An Encyclopedic Dictionary. M. : Russian Encyclopedia, 1994. P. 10.
3. *Mokin K.S.* Group strategies for the integration of ethnic migratory communities: monograph. Saratov : Scientific book, 2006. 176 p.
4. *Podlesnaya M.A.* Refugees from the south-east of Ukraine: experience of social adaptation / M.A. Podlesnaya, Yu.I. Khomutova // Theory and practice of social development. 2016. № 8. P. 29–36.
5. *Triandis G.S.* Culture and social behavior. M. : Forum, 2017. 382 p.

Шевченко Ольга Павловна
кандидат экономических наук,
доцент,
Кубанский государственный
аграрный университет
Milena.555@mail.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. В статье отмечается, что XXI в. стал эпохой информационной революции, воплощением которой стала глобальная компьютерная сеть Интернет. Вследствие виртуализации социума посредством интернет-коммуникации, меняют свой устоявшийся облик многие элементы социокультурной реальности, в том числе, и предпринимательская культура, с момента возникновения которой изменилась как социально-экономическая и социокультурная ситуация, так и система социальных коммуникаций. Это привело к все более зримо проявляющимся тенденциям трансформаций предпринимательской культуры.

Ключевые слова: система культуры, информационное общество, Интернет, виртуализация, предпринимательская культура, интернет-коммуникации.

Предпринимательская культура насчитывает многовековую историю. В каждой стране генезис и развитие предпринимательской культуры имели свои неповторимые особенности. Не стала исключением и Россия, где вследствие глубоких преобразований государства и общества (прежде всего, речь идет о революциях февраля и октября 1917 г.), предпринимательская культура прошла ряд этапов генезиса, развития, упадка и возрождения:

– становление, развитие, совершенствование (с древних времен до 1917–1929 г.);

– период забвения (советская командная экономика, позиционирование предпринимательства как противоправного деяния: с 1929 г. по вторую половину 1980-х г.);

– возрождение (со второй половины 1980-х г. по настоящее время).

Наряду с указанными динамическими характеристиками предпринимательской культуры, происходило постепенное «погружение» социальных и культурных явлений российского социума в пространство информационно-компьютерных технологий. Этот процесс закономерно затронул и предпринимательскую культуру.

Olga P. Shevchenko
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Kuban State Agrarian University
Milena.555@mail.ru

ENTREPRENEURIAL CULTURE IN THE AGE OF INTERNET COMMUNICATIONS

Annotation. The article notes that the XXI century was the era of the information revolution, which was embodied in the global computer network Internet. As a result of the virtualization of society through Internet communication, many elements of socio-cultural reality are changing their established appearance, including the entrepreneurial culture, since the emergence of which both the socio-economic and socio-cultural situation and the system of social communications have changed. This has led to increasingly visible trends in the transformation of entrepreneurial culture.

Keywords: culture system, information society, Internet, virtualization, business culture, Internet communications.

Прежде чем рассматривать особенности трансформаций предпринимательской культуры в эпоху интернет-коммуникаций, целесообразно обратиться к содержательной сути самого понятия, а также, определить основные его индикаторы, доступные для анализа на теоретическом и эмпирическом уровнях познания.

В научной литературе представлены различные точки зрения относительно семантики понятия «предпринимательская культура». Разнообразие подходов объясняется междисциплинарным характером познания, так как предпринимательская культура представляет интерес не только для социологов, но и культурологов, философов, психологов, антропологов, экономистов и др.

В частности, в научной литературе отмечается, что предпринимательская культура – это «определенная, сложившаяся совокупность принципов, приемов, методов осуществления предпринимательской деятельности субъектами в соответствии с действующими в стране (обществе) правовыми нормами (законодательными, нормативными актами), обычаями делового оборота, этическими и нравственными правилами, нормами поведения при осуществлении цивилизованного бизнеса» [6, с. 90–98].

О.Ю. Ожерельева полагает, что «предпринимательская культура – это часть совершенно конкретной культуры с ее специфическим языком и стилем мышления, позволяющими воспроизводить и читать только ей присущий социоккод, опираясь при этом на системы ценностей как ментального, так и прагматичного характера. В тоже время, она включает специфические регуляторы жизнедеятельности в виде норм, систем отношений, социокультурных механизмов, имеющих свое социокультурное пространство проявления, которое порождается характером взаимодействия всей совокупности общественных отношений» [5, с. 8].

С точки зрения В.Г. Макеевой, предпринимательская культура представляет собой «совокупность образцов поведения, ценностной системы, социальных норм, фундаментальных принципов и общественных институтов, ориентирующих субъекты на те или иные формы экономической активности в системе предпринимательства, обеспечивающих передачу накопленного опыта, способствующих устойчивости предпринимательства во времени» [6, с. 90–98]. Существует и множество других определений понятия «предпринимательская культура».

Как показывает анализ различных дефиниций предпринимательской культуры, она трактуется исследователями весьма неоднозначно. Объединяющим семантическим элементом для большинства определений выступает передача социально-профессионального, духовно-нравственного опыта от старших поколений предпринимателей к младшим. В духовно-нравственной сфере предпринимательская культура аккумулирует ценности, традиции, обычаи, нормы, идеалы и др. элементы социокультурного пространства. На этой специфике предпринимательской культуры акцентируют внимание многие исследователи. Таким образом, представляется возможным в качестве индикаторов предпринимательской культуры рассматривать:

- носит локальный характер – характерна для предпринимателей как особой социально-профессиональной группы общества;
- обладает способностью к динамике, существенно зависит от условий, в которых существует – политических, экономических, социальных, духовно-нравственных коммуникативных.
- включает в себя морально-этические принципы ведения бизнеса (предпринимательская этика);
- интегративной частью выступают традиции, обычаи ведения бизнеса;
- ядром являются ценности и идеалы;
- непосредственно связана с этническим, национальным менталитетом;
- включает в себя различные социокультурные механизмы передачи опыта ведения бизнеса от старших к младшим поколениям.

Учитывая тот факт, что на протяжении последних десятилетий наблюдается стремительное развитие информационно-компьютерных технологий, трансформации социальной системы стали неизбежными. Это напрямую касается и предпринимательской культуры, которая существенно зависит от условий ведения бизнеса, функционирования социальной системы в целом.

Как отмечает Н.А. Туякбасарова, «информационно-коммуникационные технологии выступают сегодня как фактор социокультурной реальности, революционным образом воздействуя на экономическую и социальную сферу, науку и образование, культуру и образ жизни людей» [7, с. 5]. Воплощением научно-технологического прогресса стала глобальная компьютерная сеть Интернет, которая меняет привычный облик социума, способствует условному «снятию» пространственно-временных границ, но, в то же время, виртуализирует социальное пространство, существенно перестраивает характер социальных действий, взаимодействий, повседневных практик.

Как указывают исследователи, «происходящая в современном мире глобальная трансформация современного общества сопровождается проникновением интернет-коммуникации во все сферы жизнедеятельности социума. Уровень проникновения Интернета в России высок, однако, находится ниже ряда европейских стран. Растет доля людей, включенных в активные формы социального взаимодействия в Сети» [3, с. 205–216].

Интернет оказывает воздействие на предпринимательскую культуру в двух основных направлениях.

Во-первых, Интернет «становится средством не просто массовой, но глобальной коммуникации, перешагивающей через национальные границы и объединяющей мировые информационные ресурсы в единую систему» [1, с. 3]. В этой связи, серьезно ускоряются процессы социокультурного общения, взаимодействия между предпринимательскими культурами различных этносов, стран, континентов. Раньше подобные тенденции в обществе наблюдались весьма редко и носили скорее локальный, а не глобальный характер.

Во-вторых, социотехнический облик глобальной сети, а именно, «особенности коммуникативного пространства Интернета: субъективность информации, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, анонимность и физическая удаленность, мозаичность, низкий уровень рисков социального и коммуникативно характера в процессе общения, свобода выбора контактов и открытость к созданию новых связей, эмоциональные ограничения в общении» [3, с. 205–216] принципиально изменили ту среду, в которой существует предпринимательская культура. Это нашло свое отражение не только в создании предпринимателями аккаунтов в социальных сетях, совершении бизнес-операций с использованием возможностей Интернета, расширении возможностей общения с коллегами-предпринимателями, но и изменении сознания, ценностных ориентаций, мировоззрения и др. структурных элементов,

составляющих основу предпринимательской культуры.

Ряд исследователей обращает внимание на высокий потенциал Интернета в изменении социокультурной реальности, что далеко выходит за рамки обычного средства массовой коммуникации. Как полагает Р.В. Кончаковский, именно Интернет обладает высоким потенциалом изменения социальной реальности. Развитие сети «приводит к возникновению новых социальных практик. Из механизма передачи информации Интернет превращается не только в структурирующую, объединяющую людей социальную технологию, но и в самостоятельную сферу жизни, функционирование которой приводит к трансформации современного социального пространства, возникновению новых социокультурных паттернов» [4, с. 3–4].

С точки зрения Т.С. Ивановой, «Интернет представляет собой сложную социотехническую систему, не имеющую географических границ. Эта система представляет собой нестабильную, постоянно меняющуюся среду. Виртуальная реальность Интернета по мере развития приобретает черты нового мира и стиля жизни, который стимулирует появление новых средств коммуникации» [2, с. 178–180].

Рассуждая о влиянии Интернета на изменения, происходящие в облике предпринимательской культуры, необходимо обратить внимание на такой важный аспект, как передача опыта предшествующих поколений предпринимателей, а также связанных с этим традиций, обычаев, ценностей, практик ведения бизнеса. В последние десятилетия прогресс информационно-компьютерных технологий привел к доминированию стихийной профессиональной социализации, сходных по направленности интеграционных процессов (инкорпорация в предпринимательскую среду), которые априори содержат в себе информационные пласты, способные привести к определенным прогнозируемым эффектам предпринимательской культуры. Данная проблема нуждается в более глубоком научном исследовании, как и различные аспекты «сетевизации» предпринимательской культуры.

В этой связи, О.А. Фихтнер рассуждает о сетевой предпринимательской культуре, которая «служит фоном и необходимым условием эффективного функционирования всех видов сетей. Их участники, имея общие ценностные ориентации, формируемые посредством культурных механизмов через религию, традиции, исторические обычаи, а также на основе практики совместного решения проблем выживания и приспособления к новым экономическим условиям, т.е. используя единые нормы сетевой культуры, получают неоспоримые преимущества такого взаимодействия» [8].

Следует обратить внимание на то, что Интернет реализует свой высокий воздействующий потенциал в отношении предпринимательской культуры, занимая уникальное положение в коммуникационной системе общества. В частности, по мнению исследователей, именно глобальная

сеть обладает такими объективными характеристиками:

- массовая аудитория, которая имеет определенные общие ценностные ориентации;
- социальная значимость информации;
- соответствующие средства, поддерживающие процесс функционирования средства массовой коммуникации;
- многоканальность осуществляемых коммуникаций и вариативность коммуникативных средств (обеспечивается параллельным использованием визуального, аудитивного и аудиовизуального каналов, вариативностью языка) [9, с. 13].

Обладая существенным потенциалом массово-коммуникативного воздействия, Интернет способен прямо или косвенно формировать предпринимательскую культуру, транслировать определенные установки, ценности, стереотипы, нормы на предпринимательскую аудиторию, а также, предоставляя свои онлайн площадки для диалога и обмена мнениями предпринимательского сообщества. Постепенная «сетевизация» бизнеса на фоне развивающегося глобального общества потребления также приводит к аналогичным эффектам в отношении предпринимательской культуры.

В завершении следует отметить, что предпринимательская культура закономерно испытывает существенное влияние со стороны глобальной сети Интернет вследствие происходящих масштабных социальных и социокультурных трансформаций общества XXI в. Это касается и российской предпринимательской культуры, которая характеризуется сложной, противоречивой динамикой, обусловленной переходом от рыночной к командной, а, затем, от командной к рыночной экономической системе. В результате, оказалось травмированным сознание поколений российских предпринимателей, часть из них подверглась преследованию со стороны советского государства за поведение, которое ранее считалось правомерным, а затем было признано преступным. Такая ситуация нашла свое отражение в российском менталитете, системе ценностей, традициях, усвоенных новым поколением предпринимателей (в период конца 1980-х – 2000-е гг.).

Ситуация осложнилась в последнее десятилетие, так как только начавшая формироваться полноценная предпринимательская культура столкнулась с происходящими глобальными изменениями социальной реальности, результате которых начало возрастать влияние Интернета и интернет-коммуникации. Таким образом, неустойчивое, лабильное доктринальное ядро предпринимательской культуры оказалось подвержено серьезному коммуникативному воздействию, направленному на трансляцию зачастую иных ценностей, норм, идеалов, традиций, чем те, которые были заложены именно в российскую предпринимательскую культуру. Так возник определенный социокультурный шок, последствия которого еще предстоит изучить социологической науке.

Литература:

1. *Биккулов А.С.* Интернет как средство массовой коммуникации : дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2003.
2. *Иванова Т.С.* Интернет как социокультурное явление // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. № 1. С. 178–180.
3. *Киржаева Д.П.* Интернет как средство коммуникации и особенности его использования Российской молодежью / Д.П. Киржаева, А.В. Половнев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 1. С. 205–216.
4. *Кончаковский Р.В.* Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен : дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2010.
5. *Ожерельева О.Ю.* Предпринимательская культура в условиях социокультурной трансформации российского общества: специфика становления и тенденции развития : дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2012.
6. *Орлов В.Б.* Сущностные и содержательные характеристики понятия «предпринимательская культура» // Sciences of Europe. 2016. № 8. С. 90–98.
7. *Туйкбасарова Н.А.* Интернет-коммуникации как средство формирования ценностных ориентаций личности студента : дис. ... канд. соц. наук. Курск, 2006.
8. *Фихтнер О.А.* Сетевая предпринимательская культура в России // Экономический журнал. 2011. № 21. С. 70–78.
9. *Шеремет А.Н.* Интернет как средство массовой коммуникации: социологический анализ : дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2004.

Literature:

1. *Bikkulov A.S.* Internet as a means of mass communication : dis. ... cand. of social sciences. SPb., 2003.
2. *Ivanova T.S.* Internet as a socio-cultural phenomenon // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. № 1. P. 178–180.
3. *Kirzhaeva D.P.* Internet as a means of communication and features of its use by Russian youth / D.P. Kirzhaeva, A.V. Polovnev // Bulletin of the Moscow state linguistic University Social science. 2018. № 1. P. 205–216.
4. *Konchakovsky R.V.* Network Internet community as a socio-cultural phenomenon : dis. ... cand. of social sciences. Yekaterinburg, 2010.
5. *Kolereva O.Yu.* Entrepreneurial culture in the conditions of socio-cultural transformation of the Russian society: specifics of formation and development trends: dis. ... cand. philos. sciences. Rostov-on/D., 2012.
6. *Orlov V.B.* Essential and content characteristics of the concept of «entrepreneurial culture» // Sciences of Europe. 2016. № 8. P. 90–98.
7. *Tuyakbasarova N.A.* Internet communications as a means of forming value orientations of a student's personality : dis. ... cand. of social sciences. Kursk, 2006.
8. *Fichtner O.A.* Network entrepreneurial culture in Russia // Economic journal. 2011. № 21. P. 70–78.
9. *Sheremet A.N.* Internet as a mass communication medium: sociological analysis : dis. ... cand. of social sciences. Yekaterinburg, 2004.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аюпов Айдар Айратович

доктор экономических наук,
профессор,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
Ajdar.Ajupov@kpfu.ru

Бадыкова Альфия Рустамовна

аспирант,
Университет Управления «ТИСБИ»
b_alf91@mail.ru

**СПЕЦИФИКА ВНЕДРЕНИЯ
КОРПОРАТИВНОГО БЛОКЧЕЙНА
В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ
НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ «РОССЕТИ»**

Аннотация. Как известно, блокчейн подразумевает под собой децентрализованную сеть с многогранными возможностями. Существует несколько классификаций распределенного реестра, такие как, публичный, частный и корпоративный (эксклюзивный). В сфере производства электроэнергии с помощью корпоративного блокчейна можно управлять как ее оптовыми закупками, так и производителями и потребителями, объединенными в одноранговые сети. В итоге пользователи электросетей смогут участвовать в обороте возобновляемой энергии и вести ее учет. В данной статье мы проанализировали эффективность применения технологии распределенного реестра в компании «Россети».

Ключевые слова: корпоративный блокчейн, одноранговые сети, блокчейн-платформа, смарт-контракт, распределенный реестр, возобновляемые источники энергии, децентрализация.

Введение. Энергетическая отрасль за последние годы активно развивается по всему миру. Это связано с растущим интересом к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), а так же с желанием компаний уменьшить издержки потребления при транспортировке электричества. Быстрое развитие ВИЭ позволит уже к 2040 г. обеспечивать 35–50 % мирового производства электроэнергии и 19–25 % всего энергопотребления [8]. Таким образом, необходимо принять интеллектуальное управление и контроль, задачи, которые становятся все более сложными по мере того, как энергетические системы становятся более активными, децентрализованными, с увеличением числа участников и возможных действий. Необходимы расширенные возможности связи и обмена данными между различными частями энергосети, что усложняет централизованное управление и эксплуатацию. Для учета этих тенденций

Aydar A. Ajupov

Doctor of Economics,
Professor,
Kazan (Volga)
Federal University
Ajdar.Ajupov@kpfu.ru

Alfiya R. Badykova

Graduate student
University of Management «TISBI»
b_alf91@mail.ru

**SPECIFICITY OF CORPORATE
BLOCKCHAIN IMPLEMENTATION
IN THE ENERGY INDUSTRY
ON THE EXAMPLE
OF THE «ROSSETI» COMPANY**

Annotation. In the field of electricity production, using the corporate blockchain, it is possible to manage both its wholesale purchases and producers and consumers united in peer-to-peer networks. As a result, grid users will be able to participate in renewable energy turnover and keep track of it. In this article, we have analyzed the effectiveness of using distributed ledger technology at Rosseti.

Keywords: enterprise blockchain, peer-to-peer networks, blockchain platform, smart contract, distributed ledger, renewable energy sources, decentralization.

децентрализации и цифровизации требуются методы локального распределенного контроля и управления [8]. В данном случае блокчейн является необходимой мерой, так как способен решить проблемы, с которыми сталкиваются децентрализованные энергетические системы. Следовательно, целью данного исследования, является обоснование эффективности применения корпоративного блокчейна в энергетической отрасли, на примере внедрения технологии распределенного реестра в компании «Россети». Задачи, поставленные перед нами, раскрывают сущность понятия технологии корпоративного блокчейна и возможности его эффективного применения в энергетической сфере.

Специфика применения корпоративного блокчейна.

Корпоративный блокчейн – это сеть блокчейнов, трансформирующихся для достижения задач целого предприятия. Технология предназначена для удовлетворения требований корпораций в связи с тем, что обеспечивает безопасность, удовлетворяет сложность и прозрачность использования данных.

В мировой практике существует несколько функций корпоративного блокчейна такие как:

1. Децентрализация;
2. Неизменность;
3. Прозрачность данных;
4. Быстрота и эффективность. В зависимости от масштаба и деятельности организации, корпоративный блокчейн подразделяется на частный, публичный и федеративный как показано на рисунке 1.

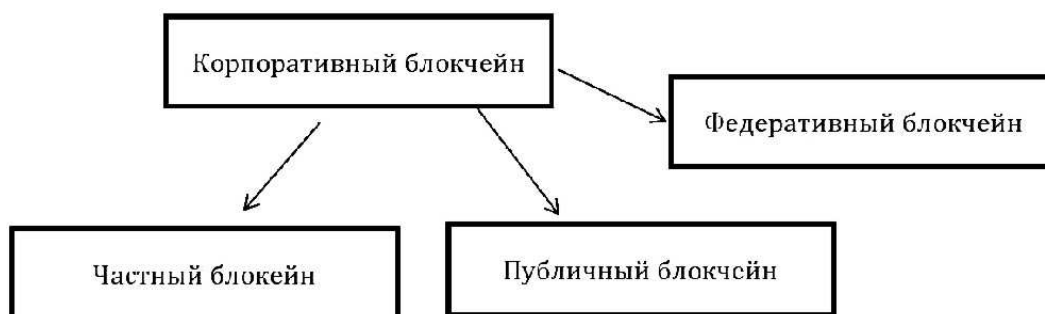


Рисунок 1 – Классификация корпоративного блокчейна

Особенности использования каждого из видов блокчейн представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики видов корпоративного блокчейна

Виды блокчейн технологии	Частный блокчейн	Публичный блокчейн	Федеративный блокчейн
Основные черты технологии	Сохранение конфиденциальности	Большая прозрачность	Сокращение затрат
	Высокая энергоэффективность	Сильно децентрализованная структура	Низкие комиссионные за транзакции
	Менее изменчивая сеть	Расширение прав и возможностей пользователей	Правила сети
	Организационные полномочия	Неизменность	Невозможность криминального доступа

Таким образом, учитывая специфику предприятия существует возможность воспользоваться разными видами и технологиями блокчейн систем, внедряя тем самым технологии, позволяющие повысить скорость, эффективность и устойчивость организации.

Особенности применения технологии блокчейн в энергетической отрасли.

Согласно данным ИНЭИ РАН Сколково (Московской школы управления) мир вступает в этап четвертого энергетического перехода к широкому использованию возобновляемых источников энергии и вытеснению ископаемых видов топлива. Основными драйверами становятся переходом становятся развитие технологий и государственная энергетическая политика. Технический прогресс и появление абсолютно новых технологических решений, которые способны значительно повысить эффективность энергетического сектора и изменить традиционный способ его функционирования как показано на рисунке 2.

Ключевым моментов в использовании инноваций остается децентрализация, которая будет достигнута при помощи использования технологии блокчейн. Новые решения в области производства и хранения электроэнергии с одновременным развитием технологии распределенного реестра позволяют подключать к системе все большее распределенных устройств, отдающих электроэнергию в сеть. Базовое свойство всех этих технологий – близость к потребителю энергии как показано на рисунке 3.

Потенциал заключается в том, что технологии блокчейн может переопределить цифровое доверие и может устранить посредников, формируя новую парадигму управления, которая потенциально может нарушить традиционные формы управления [9]. Подрывной характер заключается в возможности замены нисходящего контроля консенсусом, а также в лежащей в основе философии распределенного консенсуса, открытого исходного кода, прозрачности и принятия решений на основе сообщества [8].



Рисунок 2 – Технологии обеспечивающие повышение гибкости и адаптивности энергосистемы

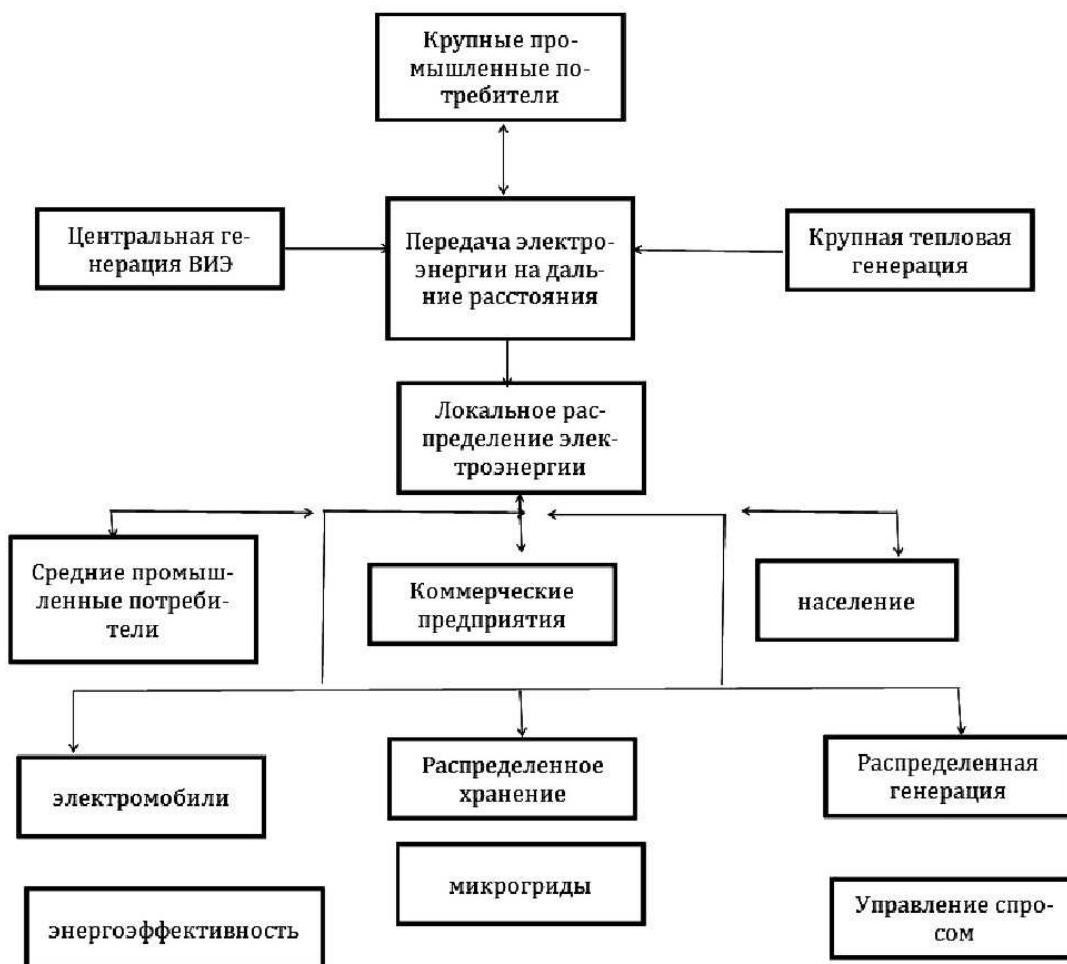


Рисунок 3 – Децентрализация в энергетике

Блокчейны могут радикально разрушить энергетические продукты и товары, поскольку они становятся цифровыми активами, которыми можно торговать во взаимодействии. Требования к будущим энергетическим системам можно резю-

мировать тремя ключевыми принципами: декарбонизация, децентрализация и цифровизация с переходом на расширение прав и возможностей потребителей, что дает технология распределенного реестра [6]. Потенциальный выигрыш в

прозрачности и конкуренции может принести пользу другим ключевым целям политики, связанной с доступностью энергии и топливной бедностью [8]. Экономия затрат, при внедрении технологии блокчейн не ограничивается коммунальными услугами и может быть актуален для потребителей энергии и просьюмеров [7], которые сталкиваются с повышением цен на энергию и отменой стимулов для возобновляемых источников энергии, соответственно.

Анализ внедрения технологии блокчейн в компанию «Россети».

Существующая система взаимодействий и обмена информацией между генерирующими сетевыми и сбытовыми компаниями, а также потребителями электрической энергии является непрозрачной, в ней отсутствует доверие между участниками. С непрозрачностью системы отчасти связана и проблема неплатежей. По данным правительства РФ общая задолженность на розничном рынке за электроэнергию на 30 сентября 2020 года составила 298,6 млрд рублей. Основная ее часть - 158,2 млрд рублей - пришлось на промышленных потребителей, а еще 67,3 млрд рублей - на население. При этом проблема не только в том, что потребители не оплачивают счета, читая информацию по показаниям приборов учета, либо рассчитанные посредниками объемы потребления электроэнергии некорректными. Сбои могут происходить во всей цепочке получения

информации и осуществления платежей от конечного потребителя генерирующей компании и деньги заплаченные конечным потребителем за электричество не всегда доходят до производителя. Таким образом для устранения посредников и точек разногласий необходимо создать единую информационную среду. Учитывая во внимание вышестоящую проблематику компания Waves Enterprise разработала децентрализованную платформу взаимодействия участников розничных рынков электроэнергии и более эффективную систему коммерческого учета электроэнергии на базе технологии федеративного блокчейна. Технология распределенного реестра позволяет компаниям и их контрагентам взаимодействовать в единой доверенной среде, оцифровывать и автоматизировать существующие бизнес-процессы, убирать посредников и строить новые эффективные бизнес-модели, что приведет к сокращению издержек, технических и нетехнических потерь, а также существенно увеличит качество и оперативность принятия операционных решений. Таким образом, используя технологию блокчейн происходит хранение данных по начислениям и платежам. При прохождении платежа от потребителя он расщепляется на две составляющие: для сетевой и сбытовой компании. Сетевая энергосбытовая компания и банк размещают у себя ноды и формируют блокчейн-сеть. В эту сеть записываются показания о потреблении электроэнергии с приборов учета у потребителей как показано на рисунке 4.

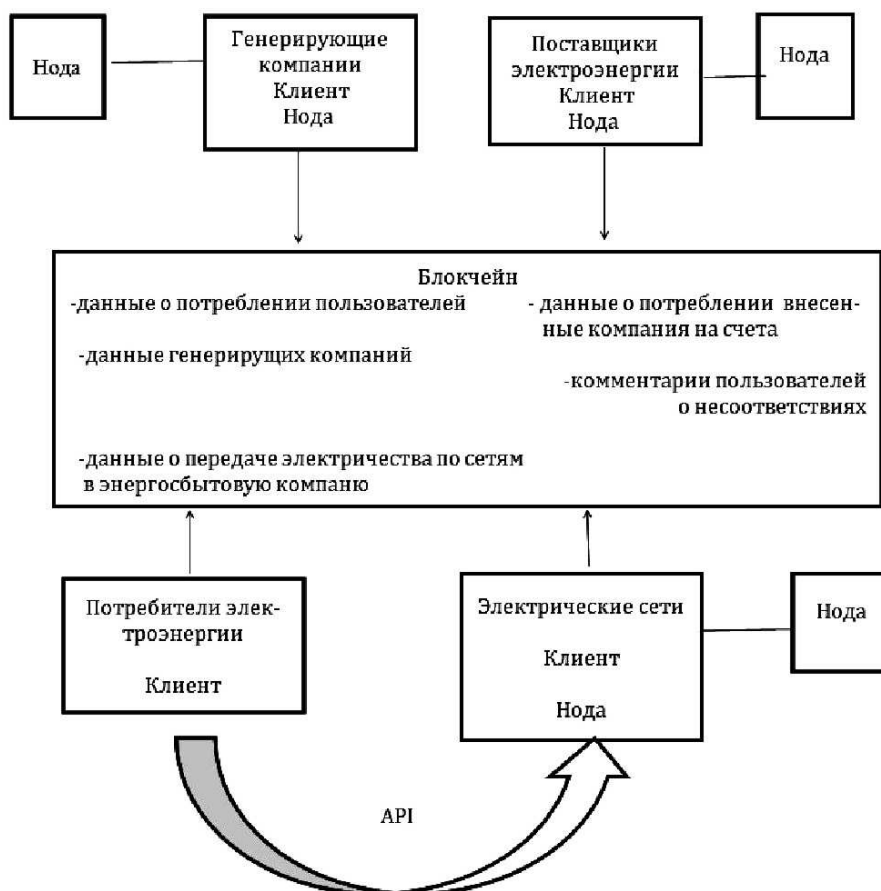


Рисунок 4 – Схема использования технологии блокчейн при транспортировке электричества и оплате пользователями

Смарт-контракт обрабатывает данные о показаниях, а также записывает данные о потреблении. Перевод денежных средств потребителя осуществляется путем отправления платежа в банк-сборщик платежей, далее он передает данные по всем принятым платежам за день платежей расчетному банку, расчетный банк расщепляет платежи между сетевой и сбытовой компаниями.

Вследствие внедрения технологии блокчейн в пилотных зонах: Екатеринбург (325 абонентов), Калининград (75 абонентов) произошло изменение

концепции взаимодействия между потребителями и производителями электроэнергии. Для потребителей система предоставила следующие выгоды:

- Прозрачность и неизменность показаний, начислений, платежей;
- Устранение посредников;
- Прочие возможности, включая просмотр показаний, начислений, задолженности, смены тарифа.

Таблица 2

Данные по расходам компании «Россети»

Расходы, млрд руб	31.03.2020	31.03.2019	Изменение г/г
э/энергия для продажи	13,9	20,3	-31,5 %
э/энергия для компенсации потерь	44,3	47,2	-6,2 %
Амортизация	34,6	31,7	9,2 %
Услуги по передач электроэнергии	41,6	41,2	0,9 %
Услуги по ремонту и техническому обслуживанию	2,3	1,7	34,9 %
Резерв под ожидаемые кредитные убытки	2,2	4,5	34,9 %
Прочие расходы	76,6	73,1	-51,2 %
Расходы итого	215,5	219,7	-1,9 %

Исходя из таблицы 2 можно сделать вывод, что за первые три месяца 2020 года расходы сократились относительно сопоставимого периода

прошлого года на 1,9 %. Таким образом блокчейн сокращает уровень издержек, технических и нетехнических потерь.

Таблица 3

Основные показатели компании «Россети»

Показатели, млрд руб	31.03.2020	31.03.2019	Изменение г/г
Выручка	262,5	265,5	-1,2 %
ЕБИТДА	89,3	86,9	2,8 %
Прибыль за период	37,8	33,3	13,5 %
Чистый долг	397,5	422,8	-6,0 %

Согласно рисунку 4, прибыль за период составила 37,8 млрд рублей, что выше на 13,8 % показателя скорректированной чистой прибыли за аналогичный период 2019 года. Показатель Чистый долг снизился с начала года на 6,0 % и составил по итогам 3 месяцев 2020 года 397,5 млрд рублей. Блокчейн существенно увеличивает качество и оперативность принятия операционных решений, вследствие происходит снижение

издержек за счет поддержки единого решения во всех регионах.

Заключение. Современные потребители нуждаются в большем количестве энергии, хотят получать ее своевременно и в нужных объемах. Необходимо уходить от централизованной системы энергоснабжения, переходить к модели «активного потребителя электроэнергии».

Литература:

1. Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172447#01636514678780344>
2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)». URL : http://regulation.nprts.ru/ru/upload/pz419090_red%2028042018.pdf
3. Аюпов А.А. Экономическая сущность эскроу-сервисов на рынке ICO / А.А. Аюпов, А.Р. Бадыкова // Инновационное развитие экономики. Йошкар-Ола : ООО Научно-консалтинговый центр. 2019. № 6(54). С. 19–26.

Literature:

1. Draft federal law «On digital financial assets». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172447#01636514678780344>
2. Explanatory note to the draft Federal Law «On alternative ways to attract investment (crowdfunding)». URL : http://regulation.nprts.ru/ru/upload/pz419090_red%2028042018.pdf
3. Ayupov A.A. The economic essence of escrow services in the ICO market / A.A. Ayupov, A.R. Badykova // Innovative development of the economy : Yoshkar-Ola : LLC Research and Consulting Center. 2019. № 6(54). P. 19–26.

4. *Артем Генкин*. Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра : монография / Артем Генкин, Алексей Михеев. СПб.; М., 2019. 592 с.

5. *Башир И.* Блокчейн: архитектура, криптовалюты, инструменты разработки, смарт-контракты : монография. М. : ДМК-Пресс, 2019. 538 с.

6. Децентрализованная система взаимодействия участников розничных рынков электроэнергии для ПАО «Россети». URL : <https://s3.eu-central-1.amazonaws.com/wavesenterprise.com/678bd5347d994723a561856f33887046.pdf>

7. Учет электроэнергии по системе блокчейн. URL : <https://wavesenterprise.com/ru/use-cases/electricity-accounting>

8. Прогноз развития энергетики мира и России 2019. URL : https://www.eriras.ru/files/forecast_2019_rus.pdf

9. Blockchain technology in the energy sector: A systematic review of challenges and opportunities. URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032118307184>

10. *Ajupov A.* The role of financial infrastructure in the regional reproduction process / A. Ajupov, N. Bagautdinova, D. Kurmanova, L. Kurmanova // E3S Web of Conference. 2019. P. 02038.

4. *Artem Genkin*. Blockchain: how it works and what awaits us tomorrow : monograph / Artem Genkin, Alexey Mikheev. SPb.; M., 2019. 592 p.

5. *Bashir I.* Blockchain: architecture, crypto suites, development tools, smart contracts : monograph. M. : DMK-Press, 2019. 538 p.

6. Decentralized system of mutual action of participants of retail markets of electric power for PJSC «Rosseti». URL : <https://s3.eu-central-1.amazonaws.com/wavesenterprise.com/678bd5347d994723a561856f33887046.pdf>

7. Accounting of electricity by blockchain system. URL : <https://wavesenterprise.com/ru/use-cases/electricity-accounting>

8. Forecast of the development of energy in the world and Russia 2019. URL : https://www.eriras.ru/files/forecast_2019_rus.pdf

9. Blockchain technology in the energy sector: A systematic review of challenges and opportunities. URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032118307184>

10. *Ajupov A.* The role of financial infrastructure in the regional reproduction process / A. Ajupov, N. Bagautdinova, D. Kurmanova, L. Kurmanova // E3S Web of Conference. 2019. P. 02038.

Ван Синьбо

аспирант 3 курса,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Институт Стран Азии и Африки
sinbovan@yandex.ru

СРАВНЕНИЕ ДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНР И США В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Аннотация. С момента установления дипломатических отношений между КНР и США в 1979 году торговля между этими двумя странами процветала, США постепенно превратились в крупнейшего торгового партнера Китая, и Китай постепенно стал одним из крупнейших импортных рынков в США. На современном этапе отношения двух стран характеризуются напряженностью и их будущее напрямую зависят от внешней политики руководств этих стран. Используя междисциплинарный подход, основанный на применении статистических и экономических методов, в статье проведена оценка состояния динамики экономического развития Китая и США, проанализированы показатели эффективности экономических систем двух стран и дана характеристика двусторонних отношений на современном этапе. В результате исследования сделан вывод о том, что на современном этапе существует ряд проблем в США, которые выражаются главным образом в том, что темпы роста экономических показателей снижаются. Темпы роста показателей в Китае выше, что свидетельствует о более высокой динамической эффективности экономики Китая. В настоящее время существует тенденция замедления мирового экономического развития. Стимулировать экономическое развитие может налаживание торгового сотрудничества между США и КНР, которое в условиях современной политической ситуации, является крайне сложным.

Ключевые слова: экономическое развитие, динамика, Китай, США, торговая война, экономическое чудо, торговое сотрудничество, демография, внешняя торговля, валовое накопление капитала.

Введение.

Интенсивное развитие отношений с Китаем было основой политики США со времени визита президента Ричарда Никсона в КНР в 1972 году [2, с. 2]. В настоящее время многие американские критики выступают против дальнейшего развития отношений с ней [4]. Растущая сила КНР, его вызов мировому лидерству США, активное развитие внешней торговли и другие

Wang Xinbo

Postgraduate student of the 3 course,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Asia and Africa Institute
sinbovan@yandex.ru

COMPARISON OF THE DYNAMICS OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE PRC AND THE USA IN THE NEW MILLENNIUM

Annotation. Since the establishment of diplomatic relations between the PRC and the United States in 1979, trade between the two countries has flourished, the United States has gradually become China's largest trading partner, and China has gradually become one of the largest import markets in the United States. At the present stage, relations between the two countries are characterized by tension and their future directly depends on the foreign policy of the leaderships of these countries. Using an interdisciplinary approach based on the use of statistical and economic methods, the article assesses the state of the dynamics of economic development in China and the United States, analyzes the efficiency indicators of the economic systems of the two countries and provides a description of bilateral relations at the present stage. The study concluded that at the present stage there are a number of problems in the United States, which are expressed mainly in the fact that the growth rates of economic indicators are declining. The growth rate of indicators in China is higher, which indicates a higher dynamic efficiency of the Chinese economy. Currently, there is a tendency towards a slowdown in world economic development. Economic development can be stimulated by the establishment of trade cooperation between the United States and the PRC, which is extremely difficult in the current political situation.

Keywords: economic development, dynamics, China, USA, trade war, economic miracle, trade cooperation, demography, foreign trade, gross capital formation.

действия, которые рассматриваются американской стороной как угрожающие, убедили многих политиков и аналитиков США в том, что сотрудничество с КНР больше не служит интересам США и сейчас страны вступают в период непримиримого соперничества. В связи с этим, проведение анализа современного экономического развития КНР и США, а также, оценка состояния их двустороннего торгового сотрудничества является актуальным. Проблемой исследования явилась

необходимость выявления тенденций экономического развития КНР и США, которые определяют направления развития всей мировой экономики.

С целью изучения динамики экономического развития США и КНР и состояния их экономических отношений на современном этапе, в статье были поставлены задачи исследования, включающие исторический анализ развития экономик исследуемых стран, оценку эффективности динамики экономического развития в период с 2000 по 2019 гг. и влияния состояния экономик двух стран на мировую экономическую систему.

Обзор литературы.

С конца 1970-х годов Китай перешел от закрытой системы с централизованным планированием более ориентированной на рынок [1, с. 10]. Реформы начались с поэтапного отказа от коллективизированного сельского хозяйства и были расширены за счет постепенной либерализации цен, фискальной децентрализации, повышения автономии государственных предприятий, роста частного сектора, развития фондовых рынков и современной банковской системы.

Отношения между КНР и США всегда характеризовались наличием определенной напряженности: с момента основания Китайской Народной Республики 01 октября 1949 г., США оказались единственной страной, которая отказалась признать Новый Китай и продолжала поддерживать власти Китайской Республики (предшествующее правительство, оккупирующее о. Тайвань) еще на протяжении более 30 лет [3, с. 42]. Напряженность двусторонних отношений также возросла в ходе Корейской войны, где китайская армия непосредственно принимала участие и сражалась против американских войск. Боевые действия завершились в 1953 г., но в дальнейшем новая война – Вьетнамская, и вновь американские войска в ней приняли участие, в то время как китайские войска не были направлены, но Китай, все же, поддерживал Северный Вьетнам – противника США в этой войне. Все это создало основу – достаточно зыбкую и непрочную – для отношений двух стран, как в политической сфере, так и в экономической.

В 1970–1980-е годы на фоне дипломатического кризиса в отношениях Китай-СССР был отмечен расцвет отношений с США: Китай активно изучал технологии, получил доступ к военным технологиям США, закупал военную технику, а США, в свою очередь, получил доступ к дешевой рабочей силе. Также, был отмечен рост внешнеторгового оборота между двумя странами [3, с. 42]. Однако настороженность Китая в отношениях с США, его недоверие США как к дипломатическому партнеру привели сначала к «Тайваньскому кризису» 1995 г., а затем способствовали сохранению противоречий в дальнейшем. Несмотря на противоречия с мировым лидером, Китай смог достичь колоссальных экономических результатов.

Китай стал крупнейшей в мире экономикой (по паритету покупательной способности), производителем, торговцем товарами и держателем

валютных резервов. Это, в свою очередь, сделало Китай крупным коммерческим партнером Соединенных Штатов. Китай является крупнейшим торговым партнером США, крупнейшим источником импорта и третьим по величине экспортным рынком США. Китай также является крупнейшим иностранным держателем казначейских ценных бумаг США, которые помогают финансировать федеральный долг и поддерживают низкие процентные ставки в США.

В течение исследуемого периода отмечался стабильный рост ВВП Китая и США: с 2000 г. ВВП Китая возросло с 1,21 трлн долл. США до 14,14 долл. США в 2019 г.; а ВВП США – с 10,25 трлн долл. до 21,44 трлн долл. [6; 9]. Однако в 2009 г. ВВП США имел негативную динамику, в то время как в Китае экономический рост характеризовался стабильностью. В целом разрыв ВВП между Китаем и США в течение исследуемого периода времени снизился. Если в 2000 г. ВВП Китая к ВВП США было тождественно 1:8,5, то в 2019 г. эта пропорция составила 1:1,5.

С момента открытия для внешней торговли и инвестиций и проведения реформ свободного рынка в 1979 году Китай входит в число наиболее быстро растущих экономик мира, при этом реальный годовой рост ВВП в среднем составляет 9,5 % к 2019 году – темп, описанный Всемирным банком как «самая быстрая устойчивая экспансия крупной экономики в истории» [9]. Динамика темпов роста ВВП США и Китая демонстрирует стабильность США и снижение темпов роста ВВП Китая.

С 2000 г. темп роста ВВП США изменялся следующим образом: в 2009 г. было отмечено резкое снижение темпов роста до – 1,8 %. Это было обусловлено экономическими волнениями, связанными с кризисом. В Китае период 2000–2008 гг. характеризовался увеличением темпов роста – с 10,0 % 2000 г. темп роста ВВП Китая увеличился до 29,4 % в 2008 г.; в связи с экономическим кризисом в 2009 г. было отмечено снижение темпов роста ВВП до 11,1 %. Таким образом, обе страны подверглись негативному влиянию экономического кризиса. Отдельно необходимо отметить снижение темпов роста ВВП Китая в 2016 г. до 1,11 % до уровня ниже темпов роста США. Это было вызвано обострением экономической напряженности между странами.

В целом, стремительный экономический рост позволил Китаю в среднем удваивать свой ВВП каждые восемь лет и помочь вывести 800 млн человек из бедности. Рост населения страны способствует повышению совокупного объема ВВП за счет увеличения количества рабочей силы и, соответственно, рабочей мощности – государство имеет потенциал для увеличения объемов производства, потребления, а это в свою очередь способствует экономическому росту.

В течение исследуемого периода времени население Китая увеличилось с 1262,6 млн чел. в 2000 г. до 1397,3 млн чел. в 2019 г., в то время как население США возросло с 282,2 млн чел. до 328,6 млн чел. [9]. Несмотря на то, что рост

населения способствует росту ВВП, он может повлечь за собой возникновение и обострение социальных проблем – нехватку продовольствия, ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки, необходимость дополнительных расходов государства на систему медицинского обслуживания.

Сравнительный анализ объемов внешнеторгового оборота позволяет выявить драматичность развития внешней торговли Китая и США. В 2000 г. США значительно преобладали над Китаем и объем их внешней торговли составлял 1999,7 млрд долл. США, в то время, как объём внешнеторгового оборота Китая составлял лишь 474,3 млрд долл. США. К 2019 г. объем торговли США возрос до 4213,2 млрд долл. США, а Китая – до 4568,0 млрд долл. США. [9]. Подобная динамика обусловлена политическими и экономическими связями между странами.

Таким образом, анализ литературы и статистических данных позволяет сделать вывод о том, что в течение исследуемого периода времени Китай стал одной из крупнейших в мире экономик. Это стало возможным, в том числе, по причине стратегического партнерства с США, темпы роста экономики которого снизились, за счет чего экономический разрыв в развитии стран уменьшился.

Методы и методология исследования.

Среди аналитических исследований сопоставления экономик КНР и США, одна из первых комплексных попыток оценки экономических пропорций стран была предпринята А. Мэддисоном. Необходимо отметить, что в своем исследовании [7], посвященном причинам, влияющим на производительность стран в период с 1820 по 1992 гг., А. Мэддисон среди прочих показателей для оценки экономик США и КНР использует показатели пропорции численности работников в главных отраслях экономики.

Для оценки эффективности экономик анализируемых стран в 2000–2019 г. был использован анализ экспортно-импортной структуры внешней торговли стран и объемов производства высокотехнологичных товаров, объема иностранных инвестиций [2, с. 42].

Динамику внешней торговли также наиболее иллюстративно демонстрирует показатель чистый экспорт Xm , который измеряется по формуле (1):

$$Xm = Ex - Im, \quad (1)$$

где Ex – объем экспорта, долл. США; Im – объем импорта, долл. США.

Свидетельством эффективности экономики также выступает показатель притока прямых иностранных инвестиций из-за рубежа. Потоки прямых иностранных инвестиций состоят из операций с акциями, реинвестирования доходов и операций внутри компании.

Результаты исследования.

Во внешней торговле Китая преобладает экспорт – с 2000 г. объем экспорта Китая возрос с

249,2 млрд долл. США до 2498,0 млрд долл. США в 2019 г. В свою очередь, во внешней торговле объем экспорта возрос с 781,8 млрд долл. США до 1645,2 млрд долл. США в 2019 г. Таким образом, по показателю объема экспорта Китай переиграл США в 2010 г. США является крупнейшим импортером и на протяжении всего исследуемого периода времени ввозит товаров больше, чем Китай.

В Китае показатель чистого экспорта преобладает над США, поэтому внешняя торговля в Китае является более эффективной. В структуре внешней торговли Китая увеличивается доля высокотехнологичного экспорта [6]. В США растет доля высокотехнологичного импорта из Китая, и это, по словам экспертов, усиливает зависимость американской экономики от китайских производителей. Вступление Китая в ВТО в декабре 2001 г. позволило этой стране дополнительно увеличить долю своих товаров на американском рынке (в 2015 г. на долю Китая приходилось 15,5 % от общего товарооборота США).

Прямые иностранные инвестиции создают стабильные и долгосрочные связи между экономиками. Согласно динамике объемов прямых иностранных инвестиций в США и Китай, в период с 2005 по 2019 гг., объем ПИИ в США значительно выше объема ПИИ в Китай, однако, в 2019 г. отмечилось увеличение объема ПИИ в Китай и впервые инвестиции из-за рубежа в Китай превысили аналогичный показатель США. Этот факт является свидетельством повышения инвестиционной привлекательности Китая и снижение ее в США. Иностранные инвесторы наиболее активно вкладывают в развитие китайской экономики, чем американской. Это обусловлено рядом причин, среди которых нестабильность современной геополитической ситуации в мире, укрепление юаня как иностранной валюты и снижение доверия к доллару. Таким образом, увеличение ПИИ свидетельствует об эффективности инвестиционной политики и экономики Китая.

Обсуждение результатов исследования.

Анализ эффективности экономики Китая и США позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, внешняя торговля Китая имеет более рациональную структуру – доля чистого экспорта выше, при этом доля высокотехнологичного экспорта с каждым годом увеличивается.

Во-вторых, динамика ПИИ свидетельствует о том, что Китай в последние годы более привлекает иностранных инвесторов, чем США. В связи этим можно дать общую оценку, заключающуюся в том, что эффективность экономики Китая выше, чем США.

Посол Китая в США Цуй Тянькай заявил, что «для Китая и США правильный путь вперед – это расширять сотрудничество на основе взаимной выгоды, управлять разногласиями на основе взаимного уважения и развивать отношения, основанные на координации, сотрудничестве и стабильности» [4]. Однако на современном этапе экономические отношения США и Китая достигли

критической точки. За 2018 г. США установили тарифы на китайский импорт на сумму 250 млрд долл., а Китай принял ответные меры, повысив тарифы на экспорт США [1, с. 12]. На саммите лидеров G-20 в ноябре 2018 г. президенты Трамп и Си договорились разрешить торговый спор в течение 90 дней – к 01 марта 2019 г., но этот срок был недавно продлен и сложность в отношениях двух стран продолжает сохраняться [2, с. 3]. Эта напряженность в двусторонних отношениях тормозит как развитие экономического сотрудничества, так и развитие экономики США и Китая. Стоит отметить, что снижение эффективности экономики США в последние годы в некоторой степени обусловлено торговой войной с главным партнером на протяжении многих лет – Китаем, в связи с этим можно сделать вывод, что экономика США находится под влиянием экономики Китая, также как и на китайскую экономику влияет экономическая политика США.

В настоящий момент в разгар мировой пандемии COVID-2019 ситуация в мировой экономике меняется. Если в Китае пандемия продолжалась на протяжении 2 месяцев и за короткие сроки под строгим руководством Компартии промышленность достаточно быстро восстановилась, то в США пандемия принесла более негативные последствия. Авторитет президента Трампа значительно упал как в глазах населения собственной страны, так и для мирового сообщества. Очевидно, что Китай единственная страна в мире, которая смогла эффективно справиться с пандемией, поэтому можно предполагать, что по итогам 2020 г. возможны значительные перемены в общемировой экономической ситуации.

Литература:

1. Ван Юн. Сравнительное исследование здорового развития отношений Китая и Соединенных Штатов // *Economist*. 2019. № 9. С. 10–13.
2. Лю Хуэй. Китайско-американские экономические отношения после мирового финансового кризиса: рассмотрение на основе роста Китая / Лю Хуэй, Сян Вэйсин. // *Азиатско-Тихоокеанская экономика*. 2019. № 1–8. С. 2–3.
3. Чжоу Сян. О влиянии китайско-американской торговой войны на экономику Китая и стратегия ее преодоления / Чжоу Сян, Чжу Цзин, Чжан Лэй. // *Economist*. 2019. № 9. С. 42–43.
4. Xinhua Net Bolstering cooperation «the right way» forward for U.S.-China relations, says Chinese ambassador. URL : http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/18/c_138401901.htm (дата обращения 01.12.2020).
5. GDP per hour worked. URL : <https://data.oecd.org/lprdy/gdp-per-hour-worked.htm#indicator-chart> (дата обращения 05.12.2020).
6. KNOEMA. URL : <https://knoema.ru/> (дата обращения 11.11.2020).
7. Maddison A. Casual Influences on Productivity Performance 1820–1992: A Global Perspective. URL :

Заключение.

Подводя итог, важно отметить, что для стабильного развития мировой экономической системы необходимо налаживание здорового сотрудничества между США и Китаем. Учитывая последние решения КПК об опоре экономики на внутреннее развитие, науку и технологии, КНР имеет большой потенциал для дальнейшего развития инноваций в стране, которые должны позволить стране занять качественно новую позицию в мировой экономической системе. На современном этапе существует ряд проблем в США, которые выражаются главным образом в том, что темпы экономического роста снижаются. Возможно, США необходимо корректировать свою модель социально-экономического развития с учетом текущего положения. Темпы роста показателей, например, ВВП на душу населения, в Китае выше, что свидетельствует о более высокой динамической эффективности экономики Китая. Но КНР также сталкивается с проблемами, среди которых снижение эффективности производительности как результат снижения темпов прироста ВВП. Анализ динамики крупнейших экономик мира позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время существует тенденция замедления мирового экономического развития. Стимулировать экономическое развитие в мире может налаживание торгового сотрудничества между США и КНР, осуществить которое в условиях современной геополитической обстановки, является крайне сложным.

Literature:

1. Wang Yong. A Comparative Study of the Healthy Development of China-United States Relations // *The Economist*. 2019. № 9. P. 10–13.
2. Liu Hui. Sino-American Economic Relations after the World Financial Crisis: Consideration Based on China's Growth / Liu Hui, Xiang Weixing. // *Asia-Pacific Economy*. 2019. № 1–8. P. 2–3.
3. Zhou Xiang. The Impact of the Sino-American Trade War on the Chinese Economy and the Strategy for Overcoming It / Zhou Xiang, Zhu Jing, Zhang Lei. // *The Economist*. 2019. № 9. P. 42–43.
4. Xinhua Net. Bolstering cooperation «the right way» forward for US-China relations, says Chinese ambassador. URL : http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/18/c_138401901.htm (date of application 01.12.2020).
5. GDP per hour worked. URL : <https://data.oecd.org/lprdy/gdp-per-hour-worked.htm#indicator-chart> (date of application 05.12.2020).
6. KNOEMA. URL : <https://knoema.ru/> (date of application 11.11.2020).
7. Maddison A. Casual Influences on Productivity Performance 1820–1992: A Global Perspective. URL :

URL : http://www.ggdс.net/MADDISON/ARTICLES/Causal_influences.pdf (дата обращения 16.10.2020).

8. OECD. URL : <https://data.oecd.org/> (дата обращения 11.11.2020).

9. The World Bank. URL : <https://data.worldbank.org/> (дата обращения 11.11.2020).

10. Trade in Value Added (TiVA): Origin of value added in gross exports. URL : https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2018_C2 (дата обращения 25.11.2020).

http://www.ggdс.net/MADDISON/ARTICLES/Causal_influences.pdf (date of application 16.10.2020).

8. OECD. URL : <https://data.oecd.org/> (date of application 11.11.2020).

9. The World Bank. URL : <https://data.worldbank.org/> (date of application 11.11.2020).

10. Trade in Value Added (TiVA): Origin of value added in gross exports. URL : https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2018_C2 (date of application 25.11.2020).

Вахова Елизавета Сергеевна

студентка,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
vakhova.e@gmail.com

Куропятник Егор Владимирович

студент,
Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва
gosha051198@mail.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ
И ОПЫТ ФИНАНСИРОВАНИЯ
РАЗРАБОТКИ АРКТИЧЕСКИХ
НЕФТЕГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ**



Аннотация. В статье освещаются актуальные проблемы привлечения иностранных инвесторов в условиях санкций в область освоения российской Арктики, разведывания и добычи полезных ископаемых. Рассматриваются различные структуры владения и инвестирования в стратегически важные проекты. На сегодняшнем этапе одним из наиболее важных факторов реализации таких ценных для национальной экономики проектов должна стать ориентация на системное освоение арктических территорий и оптимальное их развитие. Всевозможная реализация такого рода проектов поспособствует увеличению грузопотока по Северному морскому пути, что положительно скажется на стратегических позициях российской экономики, находящихся в стадии реализации.

Ключевые слова: Арктика, добыча нефти и газа, привлечение иностранных инвестиций, финансирование, соглашение о разделе продукции.



Несколько лет назад развитие российской Арктической зоны, включающей более 3,73 млн кв. км материковой части, а также островов с общей численностью постоянно проживающего населения, превышающей 2,5 млн человек, было объявлено одной из приоритетных сфер государственной внутренней политики. Начало дало принятие закона «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», 18 сентября 2008 г.; позднее содержание документа было значительно расширено в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденной Президентом РФ 08 февраля 2013 г.

Освоение шельфовых месторождений в Арктике сильно замедлились после падения цен на нефть

Elizaveta S. Vakhova

Student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
vakhova.e@gmail.com

Egor V. Kuropyatnik

Student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
gosha051198@mail.ru

**PROSPECTS AND EXPERIENCE
IN FINANCING OF THE DEVELOPMENT
OF ARCTIC OIL AND GAS FIELDS**



Annotation. The article highlights the current problems of attracting foreign investors in the context of sanctions in the development of the Russian Arctic, exploration and production of minerals. Various structures of ownership and investment in strategically important projects are considered. At the current stage, one of the most important factors in the implementation of such projects valuable for the national economy should be an orientation towards the systemic development of the Arctic territories and their optimal development. All kinds of implementation of such projects will contribute to an increase in cargo traffic along the Northern Sea Route, which will have a positive effect on the strategic positions of the Russian economy, which are underway.

Keywords: Arctic, oil and gas production, attracting foreign investment, financing, production sharing agreement.



в конце 2014 года в виду высокой стоимости добычи на шельфе и в море. Также, немалую роль в этом сыграли санкции США и ЕС, запрещающие иностранным компаниям участвовать в разведке, добыче нефти с арктического шельфа в нашей стране и передавать технологии для такого рода работ. Тем не менее, интерес к региону растет с каждым годом. Он обусловлен различными факторами, от обеднения уже используемых месторождений и крупных разведанных залежей в северном регионе до потепления климата и упрощения доступа и работы. Привлекательность региона для Российской Федерации не ограничена Северным морским путем, особенно важны значительные энергетические ресурсы. В Арктике находится около четверти общероссийских запасов нефти и более 70 % газа, а континентальный шельф обладает большим потенциалом роста добычи сырья.

В условиях кризиса, вызванного пандемией и экономическими санкциями со стороны Запада, одной из наиболее стабильно функционирующих отраслей экономики страны остается топливно-энергетический комплекс, что делает его одной из самых привлекательных областей инвестирования в экономику Российской Федерации. В виду зависимости российской экономики от экспорта углеводородного сырья и нужде в импортозамещении, обостряется потребность в повышении конкурентоспособности на данном рынке, с этим также связано активное планирование и дальнейшая разработка севера.

Таким образом, приоритетной задачей экономической политики страны является не только стимуляция разработки Арктики путем смягчения условий для компаний-резидентов специальной экономической зоны, но и привлечение иностранных инвестиций в сектор, так как есть необходимость в дополнительных финансовых вложениях. Согласно оценке Министерства экономического развития РФ, наложенные на страну санкции за период 2014–2018 гг., существенно повлияли на возможность привлечения капитала из-за рубежа, что отражено на рисунках 1 и 2 [5].



Рисунок 1 – Инвестиционная позиция РФ, активы



Рисунок 2 – Инвестиционная позиция РФ, обязательства

Исходя из данных на рисунках, можно заметить, что приток инвестиций (обязательства) пострадал от санкций гораздо сильнее, чем инвестиции за рубеж (активы). Среди компаний нефтегазового сектора, потерявших больше всего зарубежного капитала, оказались ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Транснефть», ПАО «Газпром нефть».

Одной из возможных форм привлечения инвестиций в топливно-энергетический комплекс России и в экономику, в целом, является соглашение о разделе продукции (СРП) – вид договора об учреждении совместного предприятия. Как правило, такой договор заключается между иностранной добывающей компанией – подрядчиком и госу-

дарственной стороной, наделяющей подрядчика правом проводить поисково-разведывательные работы и эксплуатацию в пределах контрактной территории согласно условиям соглашения. Как правило, такой договор заключается на длительный срок (до пятидесяти лет) или же бессрочно. В России СРП регулируется Федеральным законом

«О соглашениях о разделе продукции» от 30.12.1995 № 225-ФЗ. На данный момент в РФ функционируют три проекта СРП: Сахалин – 1; Сахалин – 2; Хьюстонское нефтяное месторождение. В таблице 1 ниже приведена более подробная информация об этих проектах.

Таблица 1

Структура существующих СРП проектов

Проект	Оператор	Владельцы
Сахалин – 1	Exxon Neftegas Limited	Exxon Neftegas Limited (США) – 30 %; ONGC (Индия) – 20 %; SODECO (Япония) – 30 %; ПАО «Роснефть» – 20 %
Сахалин – 2	«Сахалин Энерджи» – учреждена владельцами и действует на основании СРП	ПАО «Газпром» – 50 % + 1 акция; Shell (Великобритания, Нидерланды) – 27,5 % – 1 акция; Mitsui (Япония) – 12,5 %; Mitsubishi (Япония) – 10 %.
Хьюстонское нефтяное месторождение	ООО «Зарубежнефть – добыча Хьюстон» – государственная компания	АО «Зарубежнефть» – 20 %; ООО «Зарубежнефть – добыча Хьюстон» – 20 %; Statoil Sverige Kharyaga AB (Швеция) – 30 %; Total E&P Russia (Франция) – 20 %; «Немецкая нефтяная компания» – 10 %.

Рассмотрим СРП проект Сахалин – 1. ExxonMobil, ставший давним партнером Роснефти, был вынужден покинуть ряд совместных проектов из-за введенных в 2018 году антироссийских санкций, тем не менее, компания намерена расширять работу в рамках существующего СРП, так как санкции касаются разведывательных работ и потенциальной добычи, предоставления и продажи лицензий, ноу-хау, техники, оборудования. Shell также продолжает работу в России. Необходимо заметить, что у СРП есть и ряд минусов. В первую очередь, это касается высокой бюрократизации и риска коррупции в связи с вовлечением государственной стороны. Также, в двух из упомянутых проектах, так или иначе, среди членов имелись судебные притязания в связи с несогласием сторон по распределению прибыли или продукции.

Что касается санкций, они являются препятствием для западных компаний, не позволяющим им принимать участие в арктических СРП. Таким образом, остается инвестирование путем покупки доли компании, как это происходило в случае учрежденного ПАО «НОВАТЭК» нового СПГ-проекта «Арктик СПГ-2», в 2019 году французская компания Total выкупила у ПАО «НОВАТЭК» 10 %-ную долю участия в проекте. Еще 11,6 % принадлежит компании ввиду косвенного владения через долю участия в акционерном капитале

ПАО «НОВАТЭК». Помимо этого, компании Total прямо принадлежит 10 %, ПАО «НОВАТЭК» – 60 %, CNOOC (Китай) – 10 %, CNPC (Китай) – 10 %, Japan Arctic LNG (Япония) – 10 %.

Антироссийские санкции связывают руки европейским партнерам в области инвестиций в развитие Арктики. По этой причине стоит рассмотреть кооперацию со странами Персидского залива, Китаем, Японией, не ограниченным политикой запада. Китай, в особенности, является долгосрочным и надежным партнером России в освоении Арктики. Китайским компаниям принадлежит 30 % «Ямал-СПГ» и, как было отмечено выше, 20 % «Арктик СПГ-2». Также, Китай имеет заинтересованность в развитии Северного морского пути как части Нового Шелкового пути – важной транспортной артерии, которая может послужить не только путем доставки товаров, но и существенным политическим объектом. Тесное сотрудничество с КНР в Арктике бесспорно выгодно для топливно-энергетического комплекса России, но также имеет определенные, главным образом, политические и экологические риски.

Привлечение инвестиций возможно как с запада, так и с востока, но в разных формах. В выборе партнеров необходимо взвесить все «за» и «против», оценить возможные риски.

Литература:

1. Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции» от 30.12.1995 № 225-ФЗ.
2. Дальний Восток: механизмы поддержки инвесторов. Исследование дальневосточной практики компании KPMG // KPMG 2017. URL : <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/10/ru-far-east-support-mechanisms-for-investors.pdf> (дата обращения 18.11.2020).
3. *Лещенко И.Ю.* Анализ эффекта от реализации нефтегазовых проектов СРП в России /

Literature:

1. Federal Law «On Health and Division of Products» from 30.12.1995 № 225-ФЗ.
2. Far East: mechanisms to bring investors. KPMG // KPMG 2017. URL : <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/10/ru-far-east-mechanisms-for-investors.pdf> (date of application 18.11.2020).
3. *Leshchenko I.Y.* Analytical effect equestrian implementation of oil and gas SPR projects in Russia /

И.Ю. Лещенко, И.А. Сеньюгина // Kant. 2014. № 2 (11). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effekta-ot-realizatsii-neftegazovyh-proektov-srp-v-rossii> (дата обращения 18.11.2020).

4. *Шайхутдинова Ф.Н.* Перспективы реализации соглашений о разделе продукции нефтегазохимического комплекса России в условиях Всемирной торговой организации / Ф.Н. Шайхутдинова, Е.В. Хворова // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 7. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-realizatsii-soglashe-niy-o-razdele-produktsii-neftegazohimicheskogo-kompleksa-rossii-v-usloviyah-vsemirnoy-torgovoy> (дата обращения 19.11.2020).

5. *Kheifets B.A.* The Impact of anti-Russian sanctions on the process of deoffshorization. Russian foreign economic Bulletin. № 8. P. 15–30.

I.Y. Leshchenko, I.A. Senyugina // Kant. 2014. № 2 (11). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effekta-ot-realizatsii-neftegazovyh-proektov-srp-v-rossii> (date of application 18.11.2020).

4. *Shaykhutdinova F.N.* Promising realities recover about the productive oil and gas chemical complex Russia under the auspices of the World Trade Organization / F.N. Shaykhutdinova, E.V. Khvorova // Bulletin of Kazan Technological University. 2014. № 7. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-realizatsii-soglasheniy-o-razdele-produktsii-neftegazohimicheskogo-kompleksa-rossii-v-usloviyah-vsemirnoy-torgovoy> (date of application 19.11.2020);

5. *Kheifets B.A.* The Impact of anti-Russian sanctions on the process of deoffshorization. Russian foreign economic Bulletin. № 8. P. 15–30.

Гончаров Александр Иванович
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра менеджмента и маркетинга,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
gonshu@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В КОЛЛЕКТИВЕ

Аннотация. В статье рассматривается эмоциональный интеллект как одно из средств регулирования психологического климата в организации, а именно, средства регулирования взаимоотношений в коллективе. В частности, рассмотрена актуальность навыков коммуникации для улучшения психологического климата организации, как с точки зрения обмена специализированными знаниями и создания инновационных идей, так и с точки зрения внутреннего взаимодействия в коллективе. Также предложено использование эмоционального интеллекта как средство, дополняющее теорию ситуационного лидерства Ф. Фидлера. А именно, для коррекции ситуации в случае отсутствия возможности замены руководителя, предлагается воздействовать на ситуацию с помощью улучшения психологического климата на основе эмоциональной составляющей, для оценки которой предлагается использовать социометрические опросы, которые в свою очередь позволят не только скорректировать ситуацию, но и сделать акцент на другого лидера.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, лидерство, психологический климат, взаимоотношения.

Эмоциональный интеллект [2, с. 74] представляет собой способность распознавания и контролирования эмоциональных характеристик психологического состояния человека, которая позволяет улучшить данное состояние.

С другой стороны, на психологическое состояние человека влияют также внешние факторы, в частности, взаимоотношения с другими людьми, работниками в компании. Психологический климат организации, как совокупность психологических состояний работников имеет действительно важное значение, так как он является одной из существенных характеристик трудового коллектива, а также выступает одним из факторов его сплоченности. Психологический климат возникает из межличностного общения работников, отражает взаимоотношения между ними. То есть, по сути, психологический климат является общим

Aleksandr I. Goncharov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Management and Marketing,
Petersburg State
University of Railways
Emperor Alexander I
gonshu@yandex.ru

EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A MEANS OF REGULATING RELATIONSHIPS IN A TEAM

Annotation. The article considers emotional intelligence as one of the means of regulating the psychological climate in the organization, namely, the means of regulating relationships in the team. In particular, the relevance of communication skills for improving the psychological climate of the organization is considered, both from the point of view of sharing specialized knowledge and creating innovative ideas, and from the point of view of internal interaction in the team. It is also proposed to use emotional intelligence as a tool to complement the theory of situational leadership. Fiedler. Namely, to correct the situation if there is no possibility of replacing the head, it is proposed to influence the situation by improving the psychological climate based on the emotional component, for which it is proposed to use sociometric surveys, which in turn will not only correct the situation, but also focus on another leader.

Keywords: emotional intelligence, leadership, psychological climate, relationships.

эмоциональным настроением работников в коллективе.

Актуальность взаимоотношений, или коммуникаций, связана со следующими аспектами. Действительно, в современной экономике складывается ситуация со все большей специализацией знания, так как объемы последнего сильно увеличились в связи с научно-техническим прогрессом. То есть специалистам в определенной области требуется ориентироваться во всем большем разнообразии методов и технологий. С другой стороны, все большая специализация знания вызывает необходимость перекрестного взаимодействия между носителями специализированного знания. Такое взаимодействие, или коммуникация, требует от ее субъектов как минимум контроля эмоционального состояния, то есть присутствия эмоционального интеллекта.

Кроме того, необходимо отметить и другую тенденцию, которая заключается в необходимости увеличения объема общих, не только специализированных знаний в силу повышения конкурентоспособности на рынке труда. Казалось бы, такая тенденция может изменить потребность в дополнительной коммуникации, так как работник будет обладать не только специализированными, но и общими знаниями из другой области. Однако и в данном случае необходимость коммуникации не ослабевает, так как для генерации инновационных идей общих знаний недостаточно, и, в любом случае, необходимо взаимодействие носителей именно глубоких специализированных знаний. А ведь именно инновационные идеи являются сегодня основным катализатором развития в экономике.

Даже при условии отсутствия необходимости разработки инновационных продуктов, компания не может эффективно работать без коммуникаций, как элемента внутренней среды организации. Так по проведенным исследованиям [3] выяснилось, что именно навыки взаимоотношений и взаимодействия с людьми являются приоритетными навыками, которые требуются при приеме на работу.

Так как психологический климат связан с эмоциональной составляющей, следовательно, для его изучения требуется акцентировать внимание на их изучении.

При изучении взаимодействия в коллективе для исследования межличностных отношений, можно использовать социометрический опрос, который позволит выяснить предпочтения работников, а также их антипатии и равнодушие, в том числе определить социально-психологические позиции работников в коллективе (лидер, предпочитаемый, отвергаемый и т.п.).

Данная информация позволит выявить работников, обладающих действительными лидерскими качествами, что в свою очередь позволит использовать данных работников в необходимых ситуациях.

Литература:

1. *Гончаров А.И.* Особенности управления персоналом в условиях информационно-коммуникационного пространства // Информационное общество: актуальные проблемы современности: Сб. трудов II Национальной научно-практической конференции (14 ноября 2019). СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. С. 352–358.
2. *Гоулман Дэниел.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 544 с.
3. Какие навыки стали самыми важными в 2020 году: результаты опроса. URL : <https://spb.hh.ru>
4. *Скитёва Е.И.* Влияние кадрового потенциала компании на стратегическое управление

Для определения таких ситуаций, которые требуют использовать лидерские качества сотрудников можно обратиться к теории ситуационного лидерства Ф. Фидлера [6, с. 28].

Основой теории Фидлера являются ситуации, которые группируются в зависимости от ситуационных переменных (сила влияния, структурированность, взаимоотношения) и ориентированности стиля руководителя (на задачи или на работу). По сути, главным недостатком данной теории является тот факт, по мнению Фидлера, что стиль руководства практически неизменный и связан с особенностями характера руководителя-лидера. То есть, ему очень сложно изменить свой стиль и подстроить его под изменившуюся ситуацию. В случае противоречия стиля и ситуации возможны два варианта: либо поменять руководителя-лидера, либо попытаться изменить ситуацию.

Как представляется, чтобы изменить ситуацию, необходимо воздействовать на установленные ситуационные факторы. С помощью развитого эмоционального интеллекта, как представляется, можно скорректировать как взаимоотношения в команде (один из ситуационных факторов), так и провести коррекцию стиля руководства лидера. Так, развитый эмоциональный интеллект позволит более дружелюбно взаимодействовать с подчиненными, тем самым повышая свой уровень наименее предпочитаемого коллеги. Это в свою очередь даст возможность в умеренно благоприятной ситуации повысить эффективность работы, интересуясь в большей степени психологическим состоянием подчиненных и, тем самым, повышая уровень сплоченности в коллективе. Более того, улучшение сотрудничества между работниками с помощью повышенного уровня эмоционального интеллекта положительно соотносится с принципами управления заинтересованными сторонами [5, с. 18], что, несомненно, повысит уровень развития корпоративной социальной ответственности в компании. Кроме того, повышение уровня сплоченности в коллективе позволит увеличить степень реализации как навыков работников, так и их творческого потенциала [1], тем самым повышая степень реализации стратегических программ развития персонала [4].

Literature:

1. *Goncharov A.I.* Features of personnel management in the conditions of information and communication space // Information society: actual problems of modernity: proceedings Of the II National scientific and practical conference (November 14, 2019). SPb. : FSBEI VO PGUPS, 2019. P. 352–358.
2. *Goleman Daniel.* Emotional intelligence. Why it can mean more than IQ. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 544 p.
3. What skills have become the most important in 2020: survey results. URL : <https://spb.hh.ru>
4. *Skiteva E.I.* Influence of the company's personnel potential on strategic personnel management //

персоналом // Инновации и инвестиции. 2019. № 11. С. 431–435.

5. *Скитёва Е.И.* Корпоративная социальная ответственность : учеб. пособие / Е.И. Скитёва, А.И. Гончаров. СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. 64 с.

6. *Спивак В.А.* Лидерство : учебник для вузов // ЭБС Юрайт. М. : Юрайт, 2020. 301 с. URL : <https://urait.ru/bcode/450316>

Innovations and investments, 2019. № 11. P. 431–435.

5. *Skiteva E.I.* Corporate social responsibility : manual / E.I. Skiteva, A.I. Goncharov. SPb. : FGBOU VO PGUPS, 2019. 64 p.

6. *Spivak V.A.* Leadership : textbook for universities // EBS yurayt. M. : YUrayt, 2020. 301 p. URL : <https://urait.ru/bcode/450316>

Жеглатый Сергей Юрьевич
начальник отдела
инвестиционного контроля и анализа,
X5 Retail Group,
АО Торговый дом «Перекресток»
Zheglaty@mail.ru

Sergei Yu. Zheglaty
Head of Department
Investment Control and Analysis,
X5 Retail Group,
Trade House Perekrestok
sergei_kras@inbox.ru

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ С ПОЗИЦИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

ASSESSMENT OF MODERN RUSSIAN INNOVATIVE ENTERPRISES FROM THE POINT OF VIEW OF ENSURING IMPORT SUBSTITUTION

Аннотация. Федеральная программа импортозамещения актуализирующая данное исследование, определяет стратегические цели развития экономической системы России на ближайшие десять лет. Актуальность исследования определяется курсом государственной политики в области обеспечения экономической свободы и соблюдения национальных интересов. Объект исследования: Экономическая оценка хозяйствующих субъектов ориентированных на инновационную деятельность. Предмет исследования: Экономическая оценка хозяйствующих субъектов, инновационная деятельность которых способствует импортозамещению в России. Цель исследования. Экономическая оценка феномена импортозамещения, как интроспекция деятельности инновационных предприятий. Задачи исследования. Заключаются в дескриптивной оценке эксплицитного характера современных инновационных предприятий как фактора протагониста импортозамещения.

Ключевые слова: нормирование, высокие технологии, инновационная активность, научные разработки, эффективность, эффект.

Annotation. The federal program of import substitution, updating this study, determines the strategic goals of the development of the economic system of Russia for the next ten years. The relevance of the study is determined by the course of state policy in the field of ensuring economic freedom and respect for national interests. Object of research: Economic assessment of business entities focused on innovation. Subject of research: Economic assessment of economic entities whose innovative activities contribute to import substitution in Russia. Purpose of the study. Economic assessment of the phenomenon of import substitution as an introspection of the activities of innovative enterprises. Research objectives. They consist in a descriptive assessment of the explicit nature of modern innovative enterprises as a factor in the protagonist of import substitution.

Keywords: rationing, high technologies, innovative activity, scientific developments, efficiency, effect.

Для выполнения целей исследования построим аналитические таблицы, в которых рассмотрим динамику изменения количества экономических субъектов, осуществляющие научные разработки для обеспечения инновационной

активности для целей импортозамещения на территории России (табл. 1) и основные показатели хозяйствующих субъектов, проявляющих инновационную активность (табл. 2).

Таблица 1

Экономические субъекты, осуществляющие научные разработки для обеспечения инновационной активности для целей импортозамещения на территории Российской Федерации, по данным [2], единиц

Организации/год и № по п/п	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Число организаций – всего	4099	3566	3492	3682	3566	3605	3604	4175	4032	3944	3950	4053
Нормированные значения по max	0,98	0,85	0,84	0,88	0,85	0,86	0,86	1,00	0,97	0,94	0,95	0,97
в том числе:												
– научно-исследовательские	2686	2115	1840	1782	1744	1719	1689	1708	1673	1577	1574	1620
– организации	318	489	362	364	338	331	317	322	304	273	254	255
конструкторские организации												

Окончание таблицы 1

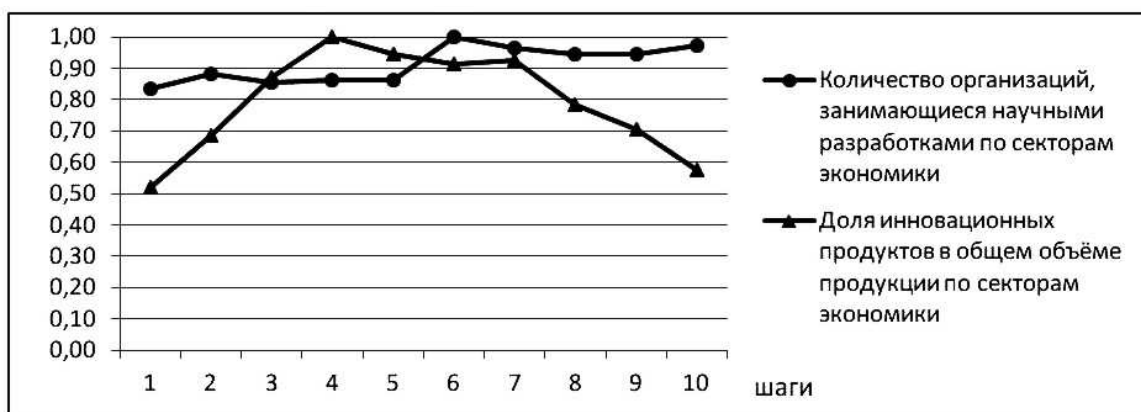
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
– проектные и проектно-изыскательские организации	85	61	36	38	33	33	32	29	26	23	20	11
– опытные заводы	33	30	47	49	60	53	53	61	62	63	49	44
– образовательные организации высшего образования	390	406	517	581	560	671	702	1040	979	970	917	951
– организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	284	231	238	280	274	266	275	371	363	380	419	450
– прочие	303	234	452	588	557	532	536	644	625	658	717	722

Таблица 2

Основные показатели хозяйствующих субъектов, проявляющих инновационную активность на территории Российской Федерации, по данным [2]

№ п/п	Показатели	Единица измерения	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1.	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами	млн рублей	25794618,1	33407033,4	35944433,7	38334530,2	41233490,9	45525133,8	51316283,5	57611057,8	68982626,6	92253929,6
	в том числе инновационные товары, работы, услуги		1243712,5	2106740,7	2872905,1	3507866,0	3579 923,8	3843428,7	4364321,7	4166998,7	4516276,4	4863381,9
2.	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	процент	4,8	6,3	8,0	9,2	8,7	8,4	8,5	7,2	6,5	5,3
2.1	Нормированные значения по tax	ед	0,52	0,68	0,87	1,00	0,95	0,91	0,92	0,78	0,71	0,58
3.	Затраты на инновационную деятельность	млн рублей	400803,8	733815,9	904560,8	1112429,2	1211897,1	1200363,8	1284590,3	1404985,3	1472822,3	1954133,3
4.	Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	процент	1,6	2,2	2,5	2,9	2,9	2,6	2,5	2,4	2,1	2,1
5.	Удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций	процент	4,7	5,7	2,7	1,5	1,6	1,6	–	1,1	–	0,6

Трендовые линии экономических субъектов и доли инновационной продукции



Полученные данные с аналитических таблиц 1 и 2 мы свели в график 1, при этом осуществив нормирование показателей по методике, предложенной в [5], с целью создания условий сопоставимости данных. В результате мы наблюдаем так называемую дивергенцию [5] показателей тренда. Дивергенция показателей (расхождение связанных рядов данных) возникает в ситуации, когда ожидается либо стагнирующие экономические явления, либо рецессия экономических систем. Действительно, количество организаций стимулирующих инновационную активность фактически стагнирует (табл. 1), при этом доля инновационных продуктов, направленных на создание

условий импортозамещения, неуклонно падает. Фактически уровень инновационных продуктов в структуре всего производства сопоставим с 2010 годом, при этом падение никак не объяснить социально-экономическими потрясениями последних лет, так как падение началось и продолжается с 2013 года. Данная тенденция внушает опасения по выполнению поручений правительства в вопросах импортозамещения [2]. Можем ли мы однозначно утверждать о преобладающих негативных тенденциях в сфере импортозамещения, чтобы установить истинность сделанных выводов, рассмотрим состояние рынка инвестиций и инноваций России (табл. 3).

Таблица 3

Эмитенты Российского рынка инвестиций и инноваций по состоянию на 20.12.2020, по данным [1]¹

№ по п/п	Организация	Эмиссия	Дата включения в РИИ	Дата включения в перечень организаций инновационного сектора экономики	Дата исключения из перечня организаций инновационного сектора экономики
1	2	3	4	5	6
1	Публичное акционерное общество «Институт Стволовых Клеток Человека»	Акция обыкновенная	10.12.2009	08.06.2016	
2	Публичное акционерное общество Завод экологической техники и экопитания «ДИОД»	Акция обыкновенная	09.06.2010	08.06.2016	17.04.2019
3	Публичное акционерное общество «ВТОРРЕ-СУРСЫ»	Акция обыкновенная	25.07.2012	16.05.2016	02.09.2016
4	Публичное акционерное общество Группа Компаний «Роллман»	Акция привилегированная	30.04.2014	08.06.2016	17.04.2019
5	Публичное акционерное общество «Фармсинтез»	Акция обыкновенная	24.11.2010	16.05.2016	
6	Публичное акционерное общество «Наука-Связь»	Акция обыкновенная	13.12.2011	29.04.2016	17.04.2019
7	Публичное акционерное общество Научно-производственное объединение «Наука»	Акция обыкновенная	15.12.2011	08.06.2016	
8	Публичное акционерное общество Группа Компаний «Роллман»	Акция обыкновенная	06.12.2012	08.06.2016	17.04.2019

¹ Полу жирным начертанием выделены те хозяйствующие субъекты, которые были исключены Московской биржей из сектора инвестиций и инноваций по различным экономическим причинам.

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6
9	Публичное акционерное общество «Международный Медицинский Центр Обработки и Криохранения Биоматериалов»	Акция обыкновенная	09.08.2019	30.08.2019	
10	Публичное акционерное общество «МаксимаТелеком»	Облигация биржевая	20.07.2020	09.09.2020	
11	Общество с ограниченной ответственностью «ДЭНИ КОЛЛ»	Облигация биржевая	04.07.2019	13.09.2019	30.07.2020
12	Публичное акционерное общество ВТБ Капитал Управление активами	Пай закрытого ПИФа	26.02.2020	10.03.2020	

Как мы можем увидеть из таблицы 3, количество хозяйствующих субъектов исключённых из перечня эмитентов Российского рынка инвестиций и инноваций с 2010 года составляет порядка пятидесяти процентов, что подтверждает выводы о негативной тенденции в сфере импортозамещения. При этом количество научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских не падает (табл. 1), что частично нивелирует фактор падения доли инновационной продукции в целом по всем отгруженным товарам. В чём причина таких негативных проявлений в целом по сектору, постараемся ответить на этот вопрос. Проблема заключается в первую очередь в отсутствие прикладной составляющей научно-исследовательских работ, действительно инновационная активность в разрезе количества предприятий не падает, но реальная применимость исследований незначительная, что, несомненно, сказывается на доле инновационных продуктов. Вторая проблема это высокие технологии и их применимость в современной экономической реальности России. Из последних достижений, это очевидно биотехнологический сектор, а именно центр им. Гамалеи с вакциной от распространения Covid-19, но других значительных наработок и прикладной реализации мы не наблюдаем. Отсутствуют стимулирующие факторы интенсификации и

Литература:

1. Московская биржа. URL : <https://www.moex.com/>, свободный (дата обращения 20.12.2020).
2. Постановление Правительства РФ от 04 августа 2015 г. № 785 «О Правительственной комиссии по импортозамещению» (с изменениями и дополнениями). URL : <https://base.garant.ru/71152492/>, свободный (дата обращения 20.12.2020).
3. Федеральная служба государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1>, свободный (дата обращения 20.12.2020).
4. Хайруллин В.А. Оценка инвестиционного потенциала сектора высокотехнологических компаний Российской Федерации / В.А. Хайруллин, С.Ф. Сайфуллина, Н.Н. Ривкина // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 4. С. 2–12.

экстенсификации производственных систем, что негативно сказывается на построение новых межхозяйственных связей между субъектами экономической деятельности, что в свою очередь отражается на эффективности всей экономической системы в целом. При этом следует отметить, что количество вертикально интегрированных публичных компаний в России всё ещё незначительно для выполнения целей импортозамещения. Вертикально интегрированная структура позволяет значительно снизить зависимость от ресурсной базы сторонних производственных систем. Отсюда вытекает следующая проблема, государственное регулирование, контроль и перераспределение свободных денежных потоков на стимулирование инновационной активности явно недостаточно – количество хозяйствующих субъектов реализующих цели НИОКР не меняется, а количество прикладной реализации идей снижается. В подобных условиях мы не можем говорить, что вопрос импортозамещения и инновационной активности однозначно находится в критическом состоянии. Но необходимо приложения объективных, научно-обоснованных решений, с формированием стратегических и тактических инициатив правительства с целью преломления сложившейся негативной ситуации.

Literature:

1. Moscow Exchange. URL : <https://www.moex.com/>, free (date of application 12.20.2020).
2. Decree of the Government of the Russian Federation of August 4, 2015 № 785 «On the Government Commission on Import Substitution» (with amendments and additions). URL : <https://base.garant.ru/71152492/>, free (date of application 12.20.2020).
3. Federal State Statistics Service. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1>, free (date of application 12.20.2020).
4. *Khairullin V.A.* Assessment of the investment potential of the sector of high-tech companies in the Russian Federation / V.A. Khairullin, S.F. Sayfullina, N.N. Rivkina // *Naukovedenie Internet magazine*. 2013. № 4. P. 2–12.

5. Формирование методического подхода диагностики состояния инвестиционно-строительной сферы РФ / В.А. Хайруллин, И.В. Недосеко, Э.В. Шакирова, Н.В. Суворова // Известия Высших Учебных Заведений: Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2(45). С. 57–60.

5. Formation of a methodological approach to diagnostics of the state of the investment and construction sphere of the Russian Federation / V.A. Khairullin, I.V. Nedoseko, E.V. Shakirova, N.V. Suvorova // Proceedings of Higher Educational Institutions: Sociology. Economy. Politics. 2015. № 2(45). P. 57–60.

Ивашкин Михаил Вячеславович

доктор экономических наук,
профессор,
кафедра маркетинга и коммерции,
Тихоокеанский
государственный университет
ivashkin62@mail.ru

Колесников Андрей Владимирович

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра маркетинга и коммерции,
Тихоокеанский
государственный университет
akolesnicov@mail.ru

Оттева Ирина Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра маркетинга и коммерции,
Тихоокеанский
государственный университет
epudv@mail.ru

**ИНТЕРНЕТ-МЕРЧАНДАЙЗИНГ:
ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РИТЕЙЛЕ**



Аннотация. В настоящее время ритейлерами всех стран ведется интенсивный поиск новых и нетрадиционных методов воздействия на целевого покупателя. Это связано с тем, что традиционные методы воздействия на покупателя во многом уже исчерпали себя и их использование либо требует слишком больших затрат, либо дает исчезающе малые локальные результаты. Большинство новых подходов к повышению эффективности маркетинговых коммуникаций, в той или иной мере, сегодня «завязаны» на использование информационных возможностей сети Internet. Это вполне объяснимо, поскольку на сегодняшний день нет средства коммуникации, предоставляющего большие возможности и обладающего большей аудиторией. Вместе с тем, механический перенос традиционных методов маркетинговых коммуникаций в виртуальную сферу, как правило, приводит к серьезному снижению эффективности их воздействия на потенциального покупателя, а, в отдельных случаях, даже к отрицательному результату. Чтобы избежать подобных негативных последствий, необходима их творческая, но основанная на использовании научных методов, адаптация. Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена рассмотрению вопросов использования технологии интернет-мерчандайзинга в современном ритейле. Обобщаются имеющиеся знания о

Mikhail A. Ivashkin

Doctor of Economics,
Professor,
Department of Marketing and Commerce,
Pacific State University
ivashkin62@mail.ru

Andrei V. Kolesnikov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Marketing and Commerce,
Pacific State University
akolesnicov@mail.ru

Irina V. Otteva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Marketing and Commerce,
Pacific State University
epudv@mail.ru

**INTERNET MERCHANDISING:
CONCEPT AND SPECIFICS
OF USE IN MODERN RETAIL**



Annotation. Currently, retailers in all countries are intensively searching for new methods of influencing the target customer. This is due to the fact that traditional methods of influencing the buyer have largely exhausted themselves and their use either requires too high costs, or gives vanishingly small local results. Most of the new approaches to improving the efficiency of marketing communications to one degree or another today are "tied" to the use of information capabilities of the Internet. This is quite understandable, since today there is no means of communication that provides great opportunities and has a larger audience. At the same time, the mechanical transfer of traditional methods of marketing communications to the virtual sphere, as a rule, leads to a serious decrease in the effectiveness of their impact, and in some cases even to a negative result. To avoid such negative consequences, their creative adaptation is necessary. The article offered to the readers' attention is devoted to the consideration of the issues of using the technology of Internet merchandising in modern retail. The existing knowledge about the nature of marketing communications, information interaction and merchandising is generalized, the necessity of scientific and methodological substantiation of the already used practical methods of «online merchandising» is substantiated. Particular attention is paid to the analysis of opening opportunities and problems

природе маркетинговых коммуникаций, информационного взаимодействия и мерчендайзинга, обосновывается необходимость научно-методологического обоснования уже используемых практических приемов «онлайн-мерчендайзинга». Особое внимание уделяется анализу и сопоставлению открывающихся возможностей и возникающих в процессе внедрения «онлайн-мерчендайзинга» проблем.

Ключевые слова: мерчендайзинг, маркетинг, товар, розничная торговля, продвижение товаров, цифровизация, Интернет-торговля, Интернет-маркетинг, e-commerce, обслуживание покупателей, торговое обслуживание.

arising in the process of introducing «online merchandising».

Keywords: merchandising, marketing, product, retail, product promotion, digitalization, e-commerce, internet marketing, e-commerce, customer service, trade service.

Современное развитие торговли в условиях всеобщей цифровизации (или как иногда говорят – диджитализации) и широкого проникновения сети Internet в процесс торговли неизбежно приводит к тому, что многие направления торговой деятельности претерпевают кардинальные изменения, в том числе и такое направление как мерчендайзинг.

Уже более полутора десятков лет в литературе периодически появляется информация о, так называемом, «онлайн-мерчендайзинге» или «интернет-мерчендайзинге». Специалисты в сфере e-commerce, зачастую, им оперируют и даже выявили основные направления и специфические особенности данного направления торговой деятельности. Вместе с тем, проанализировав современные подходы к формированию этой дефиниции, авторы пришли к выводу о том, что в данный момент нет четкого и общепризнанного научного определения категории «онлайн/интернет-мерчендайзинг».

Для того, чтобы сформулировать данное понятие необходимо, в начале, рассмотреть уже существующие подходы к определению мерчендайзинга как отдельной сферы торговой деятельности.

Сегодня существует три основных подхода к трактовке понятия «мерчендайзинг», которые, на наш взгляд, в той или иной мере применимы и к онлайн/интернет-мерчендайзингу.

1. Мерчендайзинг – это совокупность упорядоченных методов и способов продажи, происходящих от англ. «merchandising», что в переводе означает «искусство торговать» – это технологии применения определенного набора психологических способов воздействия на целевого покупателя за счёт эффективного представления предлагаемой товарной категории, построения качественного обслуживания покупателя, а также создания благоприятной общей «атмосферы» продаж и организации хранения товаров.

В этой связи, разберем каждую из перечисленных составляющих по отдельности. В первую

очередь, рассмотрим психологические приемы онлайн/интернет мерчендайзинга, которые оказывают влияние на принятие решения покупателем.

Отметим, что данные приемы практически все пришли из оф-лайн мерчендайзинга, но имеют некоторые отличия в связи с виртуальной спецификой представления товара, а именно, связанных только с его визуализацией и аудиализацией.

1. «Парадокс выбора».

Описанный Б. Шварцем парадокс заключается в следующем: если компания предлагает покупателю только один вариант, то возникает один вопрос «приобретать или не приобретать». Если вариантов становится два, то акцент зачастую смещается на выбор между ними и вопрос «не приобретать», может просто исчезнуть.

С другой стороны, если бессистемно (механически) увеличивать количество вариантов предложения, то проблема выбора может усложниться настолько, что покупатель примет самое легкое решение и вообще откажется от покупки. Другими словами, всегда предлагайте более одного варианта, но не слишком много¹.

2. Эффект «Создателя» или эффект «ИКЕА».

Данный прием также пришел из оф-лайн торговли. Покупателям очень нравится приобретать товары, которые они сами будут собирать или же создавать (моделировать). Причем, чем больше затраченные усилия на покупку и чем дольше осуществляется этот процесс, тем более ценным становится сам товар для покупателя. Поэтому на сайтах зачастую предлагаются так называемые конструкции. Например, подбери автомобиль «под себя», собери оригинальный комплект мебели или нижнего белья. Вовлеченный по максимуму в процесс покупки клиент – это гарантия того что приобретенный товар будет ему нравится, и он наверняка снова вернется в ваш магазин.

¹ Проблема заключается в количественном определении терминов «слишком мало» и «слишком много», а также определении «золотой середины».

3. «Коллективный эффект».

Иногда встречается название «эффект народных масс» (стадный инстинкт). По данным исследований, более 62 % покупателей принимают решение о покупке на основе таких факторов, как рейтинг продавца, «независимые» обзоры товаров и отзывы довольных покупателей. В этой ситуации покупатель делегирует право принятия окончательного решения т.н. «коллективному разуму» или «коллективному опыту».

Разновидностью использования этого эффекта является еще один прием продавца «вместе с этим, ... покупатели, чаще всего, приобретают вот это...». В результате, у клиента появляется мысль о том что, если другие покупатели приобретают в дополнение именно такой товар, значит, в этом есть смысл, и второй товар обязательно пригодится.

4. «Пообещал – значит надо делать».

Здесь необходимо отметить тот факт, что если кто-то берет на себя обязательства, то они начинают заниматься рефлексией для оправдания своего поведения, которое выражается в конкретных действиях или же в бездействии. Например, запись на прием куда-то через сайт уменьшает количество пропущенных визитов клиентов по сравнению с тем, если бы запись произвел сотрудник компании и сообщил об этом клиенту. По данным исследований, количество пропущенных визитов уменьшается на 18%. Другими словами, осознанно совершенные действия создают дополнительное чувство ответственности и обязательства. Говоря об онлайн/интернет мерчандайзинге можно привести пример побуждения посетителей подписаться на e-mail рассылку продавца, нажимая согласие на подписку покупатель уже берет на себя некое минимальное первоначальное обязательство.

Обратим внимание еще на один немаловажный фактор, а именно, на публичное действие, которое намного сильнее обязывает совершать действие. Примером выступают кнопки поделится в социальных сетях, статусы, сториз, нравится и т.д.

5. «Вы собрались покинуть страницу, обратите внимание, что осталось последнее предложение».

Риск потратить деньги, зачастую, пугает потребителя гораздо меньше, чем риск того, что чего-то не хватит. Речь идет о создании стимулов для приобретения товара, который понравился как можно скорее, чтобы перебороть страх иррациональных трат. Очень хорошо работает ссылка или вкладка на странице, подчеркивающей, что количество товаров ограничено, соответственно, покупатели быстрее принимают решение о покупке, чтобы забрать «последнее». Также, необходимо помнить и об обратном эффекте, если слишком часто пользоваться таким приемом или же добавлять товары, количество которых на сайте не уменьшилось и не прекратилось, то потребитель достаточно быстро раскусит данный

нечестный ход и вовсе откажется возвращаться в магазин.

6. «Используйте образы, которые соответствуют целевой аудитории».

Всегда вызывает доверие, если «лицо» компании выглядит также, как и сам целевой покупатель. Например, продажу товаров для людей с размером max-size необходимо стимулировать моделями, имеющими соответствующую внешность.

Если речь идет о продаже инструмента, то использование образа мужчины в рабочей одежде будет предпочтительным по сравнению с образом фитнес модели женского пола, которая больше подойдет для продажи нижнего белья.

7. Правило «золотой середины».

Наблюдения за потребительским поведением показывают, что если предложить товар разных ценовых категорий, то, чаще всего, клиент приобретает товары из среднего ценового сегмента. То есть, у покупателя нет желания купить самое дешевое, но также и нет желания тратить деньги на самый дорогой товар. Использование данного правила позволяет компании увеличить объемы продаж того или иного товара за счет размещения его в среднем ценовом сегменте.

Подводя промежуточный итог, следует обратить внимание на то, что все эти приемы могут использоваться как по отдельности, так и в совокупности, образуя синергический эффект.

Вторым важнейшим элементом мерчандайзинга является формирование адаптивной системы качественного торгового обслуживания покупателя.

Обслуживание клиентов – это последовательность активностей, направленных на увеличение уровня удовлетворенности клиента – то есть, формирование у клиента ощущения, что товар или услуга соответствуют ожиданиям клиента [1].

Процесс обслуживания покупателя заключается в предоставлении ему помощи (конкретизация информации о потребностях и о товаре, облегчении и ускорении подбора) с целью принятия им (покупателем) положительного решения о покупке конкретного товара. Другим словами, это действия, направленные на экономию времени покупателя при принятии решения о покупке данного товара.

При традиционной (офлайн) торговле неизбежно возникают личные социально-психологические контакты в форме «вопрос-ответ», хотя воздействие на покупателя может быть не только вербальным (именно поэтому очень важным является внешний вид продавца и его соответствие специфике реализуемого товара).

Необходимо отметить, что интернет-торговля исключает непосредственный личный контакт продавца и покупателя и осуществляется в виртуальной среде, которая характеризуется наличием пользовательского интерфейса, где продавец вводит информацию, а покупатель самостоятельно находит и изучает ее.

Информационный поток и средства общения меняются, общение становится односторонним и формируется в виде вопросов к покупателю с предложением сделать выбор на основе предложенных вариантов. То есть, процесс выбора и покупки становится строго алгоритмизированным.

Классическая немедленная коммуникация тоже отсутствует, сбор и анализ информации осуществляется через специальные алгоритмы сбора поведенческих данных, называемые метриками поисковых систем. Отличительной особенностью является то, что обратная связь идет с большим запаздыванием во времени.

Работа интернет-магазина может быть сравнима с экспертной системой, а контент сайта становится информационной базой для покупателя (эксперта), который выбирает из нее наиболее подходящие для удовлетворения его потребностей товары. Другими словами, именно контент сайта становится главным элементом в обслуживании целевых покупателей. Поэтому необходимо уделять внимание максимально детальному наполнению сайта информацией о том, как наилучшим образом выбирать тот или иной товар в зависимости от текущих потребностей.

От информационной системы, а точнее, от качества ее работы зависит качество коммуникации между продавцом (экспертом) и покупателем (дилетантом) интернет-магазина. Здесь необходимо отметить, что от информационной системы требуется незаметность и максимальная удобность для восприятия, поэтому она должна быть построена таким образом, чтобы информация доходила до покупателя с минимально возможными искажениями и задержками. Поэтому необходимо качественно выстраивать и программно-аппаратную часть, а также обратить внимание на тех, кто ее создает и поддерживает.

Следующей составляющей интернет-мерчандайзинга является создание комфортной и интересной для целевого покупателя атмосферы на сайте. Если рассматривать конкретного покупателя интернет-магазина, то необходимо отметить, что он, конечно же, посещает и традиционные магазины и имеет представление о том, что такое удобная точка продаж. Поэтому, посещая торговую площадку, ожидает получить схожие впечатления. Для этого продавец использует фирменный дизайн, контент, а также, функциональное наполнение сайта, тем самым создавая условия комфортного пребывания и уникальности по сравнению с конкурентами. Зачастую, магазины выступают и в качестве площадки для общения покупателей, которые имеют схожие интересы. Соответственно общение, а, точнее, его форма и содержание создают определенную атмосферу онлайн-магазина.

Отметим, что в онлайн магазин, в отличие от традиционного магазина, покупатели не приходят на прогулку, встречу с друзьями или пообщаться. Поэтому продвинутые продавцы зачастую ставят задачу сделать из магазина место для общения и встреч, тем самым решая задачу посещаемости ресурса. Здесь и кроется еще одна хитрость и

отличительная черта, в отличие от традиционной торговли, где многие вопросы решает покупательский трафик, которая заключается в создании комфортной «атмосферы» магазина.

Мы определились с тем, что есть мерчандайзинг, теперь необходимо понять, как его эффективно использовать для увеличения продаж в интернет-магазине, для этого необходимо рассмотреть особенности его применения.

Для начала отметим то, чего изначально лишен онлайн-мерчандайзинг по сравнению с традиционным:

1. В онлайн мерчандайзинге доступны не все органолептические средства, а лишь зрение и, за редким исключением, слух, поэтому многие приемы традиционного мерчандайзинга, основанные на использовании иных органов чувств в интернет-мерчандайзинге неприменимы.

2. Физический доступ к товару в момент выбора отсутствует, представлена только информация, которая подготовлена магазином, поэтому базовые принципы мерчандайзинга, основанные на непосредственном контакте покупателя с товаром, в интернет-мерчандайзинге трансформированы в контакт с информацией.

3. Покупатель может прийти в онлайн-магазин и уйти из него, используя различные страницы (за исключением изъятых из индексации поисковиками и закрытых паролями), также, существует огромное количество маршрутов перемещения (ссылки, форумы, поисковые системы), поэтому приемы построения маршрутов движения покупателей также работают только при помощи оригинальной информационной системы.

4. Приемы мерчандайзинга, основанные на усталости покупателя, теряют свою актуальность, так как при серфинге (путешествии) по интернет-магазину посетитель практически не затрачивает усилия и не устает, может, как прервать посещение, так и в любой момент его вновь возобновить.

5. Невозможность использования приемов мерчандайзинга, основанных на ожидании покупателем своей очереди на кассе, так как в онлайн магазине такой очереди просто не существует.

Специфика онлайн-торговли, естественно, предполагает и адаптацию правил поведения операторов традиционного мерчандайзинга, ниже мы рассмотрим наиболее важные из них.

1. Потребителем информации является не только сам реальный или потенциальный покупатель, но и ряд информационных платформ (площадки рекламного назначения и поисковые системы), а значит, информация должна быть адаптирована и для человека, и для онлайн платформ.

2. В отличие от традиционных магазинов, где не выгодно тратить силы и средства на индивидуальное оповещение покупателей о поступлении востребованных ими товаров, в интернет-магазине необходимо организовать эту работу на

высоком уровне. Другими словами, навигация по сайту должна быть построена так, чтобы потенциальный покупатель затрачивал как можно меньше времени на поиск необходимых ему товаров, а в случае если их в данный момент времени нет в наличии, у него должна быть возможность в простой и доступной форме получить уведомление об их поступлении.

3. Правило «приоритетной полки» заменяет принцип «*first in – first out*», который означает, что чем меньше действий будет выполнено посетителем для получения информации о желаемом товаре, тем выше вероятность, что он его приобретет. Касаемо правила «приоритетной полки» отметим, что наиболее часто кликаемым на страницах списков товаров является тот, который размещен в левом верхнем углу.

4. Практически не работает и зона импульсных покупок, то есть, на странице оформления заказа или в виртуальной корзине нет ожидания, поэтому нет и времени на рассмотрение других товаров, поскольку покупатель занят внесением данных, необходимых для оформления покупки.

Несмотря на потери в инструментарии при переходе от традиционных форм торговли к онлайн-площадкам, интернет-мерчандайзинг приобретает и новые возможности.

Во-первых, появляется дополнительная возможность предоставления более широкого набора информационных услуг, которые, как и в традиционном мерчандайзинге компенсируют отсутствие продавца. Речь идет о сервисах сравнения товарных характеристик, подбора аналогов. Благодаря онлайн коммуникации, доступность продавца-консультанта становится даже выше. Например, за счет использования конференцсвязи, как аудио, так и видео, а также, применения программ ботов. Информационными помехами здесь могут выступать отсутствие высокопроизводительных каналов связи и низкая компьютерная грамотность покупателей.

Во-вторых, способы и формы подачи информации, в зависимости от поведения конкретного посетителя в онлайн-магазинах, могут обладать

Литература:

1. *Измайлова М.А.* Психология рекламной деятельности : учебник для студ. вузов по спец. «Реклама»; рек. МОН РФ / М.А. Измайлова. 3-е изд. (Гриф). М. : Дашков и К, 2012. 444 с.
2. *Кузнецов И.Н.* Управление продажами : учебное пособие. Электрон. текстовые данные. М. : Дашков и К, 2012. 492 с.
3. *Хапенков В.Н.* Рекламная деятельность в торговле : учебник. / В.Н. Хапенков, Г.Г. Иванов, Д.В. Федюнин. М. : ИД ФОРУМ: НИЦ ИнфраМ, 2013. 368 с.
4. *Дубровин И.А.* Поведение потребителей : учебное пособие для студ. вузов по направлению

гораздо большей степени интеллектуальности по сравнению с офлайн-торговлей. Благодаря использованию современных технологий сбора информации о потребителях, выстраивается система индивидуального обслуживания с учетом конкретных потребительских предпочтений и характеристик, формируется психологический портрет. Поэтому появляется возможность предоставлять именно ту информацию, которая интересует именно этого конкретного (целевого) покупателя, основываясь на изначально заложенных характеристиках. Также, следует отметить и достаточно легко реализуемую возможность изменение стилового оформления магазина с большим количеством вариативных пределов в зависимости от различных событий (праздники, юбилейные заказы и т.д.). Кроме того, существуют возможности создавать индивидуальное оформление для каждой страницы, вплоть до страницы конкретного товара или списка, марки.

Отметим, что так как в интернет-магазине в качестве торгового зала выступает сайт-витрина, то принципы и приемы мерчандайзинга, связанные с оформлением интерьера, необходимо реализовывать в дизайне пользовательского интерфейса и функционала информационной среды. Особенности применения данных приемов можно выделить в таких элементах, как контент, дизайн и функционал.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что отдельные приемы традиционного мерчандайзинга не работают при их использовании в Интернет-торговле, некоторые использовать вообще не представляется возможным, на часть из них накладываются ограничения, другие обретают новые черты, а некоторые методы адаптируются и раскрывают новые ранее не известные возможности для продвижения продаж. В любом случае, использование в современном ритейле интернет-мерчандайзинга, вне всякого сомнения, открывает широчайшие возможности, как для творческой, так и коммерческой самореализации продавца. С другой стороны, интернет-мерчандайзинг таит в себе целый «букет» скрытых опасностей, способных разрушить самую продуктивную, на первый взгляд, маркетинговую стратегию.

Literature:

1. *Izmailova M.A.* Psychology of advertising activities : textbook for students of universities on special. Advertisement; rivers. MON RF/M.A. Izmailova. 3rd ed. (Grif). M. : Dashkov and K, 2012. 444 p.
2. *Kuznetsov I.N.* Sales Management : manual. Electron. text data. M. : Dashkov and K, 2012. 492 p.
3. *Khapenkov V.N.* Advertising in trade : textbook / V.N. Khapenkov, G.G. Ivanov, D.V. Fedyunin. M. : ID FORUM : NIC InfraM, 2013. 368 p.
4. *Dubrovina I.A.* Consumer behavior : textbook for university students in the field of Economics and

«Экономика» и эконом. спец.; рек. УМО. 4-е изд. М. : Дашков и К, 2012. 312 с.

5. *Жданова Т.С.* Технологии продаж. М. : Дашков и К, Ай Пи Эр Медиа, 2014. 184 с.

6. *Акулич И.Л.* Маркетинг. 6-е изд., испр. Мн. : 2009. 511 с. URL : www.alleng.ru/d/mark/mark021.htm

7. *Евневич М.* Мерчендайзинг невидимый, но полезный. URL : http://www.marketing.spb.ru/libmm/btl/invisible_merchandising.htm

8. Мерчадайзинг. Сайт по теории и практике маркетинга. Раздел мерчендайзинг. URL : <http://www.4p.ru/main/theory/merchandising>

9. *Майенкифер М.С.* Мерчендайзинг – понятие и виды // Молодой ученый. 2019. № 8(256). URL : <https://moluch.ru/archive/246/56648>

Economics. special; rivers. UMO. 4th ed. M. : Dashkov and K, 2012. 312 p.

5. *Zhdanova T.S.* Sales Technologies tutorial. M. : Dashkov and K, Ai Pi Er Media, 2014. 184 p.

6. *Akulich I.L.* Marketing. 6th ed., Model. Mn. : 2009. 511 p. URL : www.alleng.ru/d/mark/mark021.htm

7. *Eunevich M.* Merchandising is invisible, but useful. URL : http://www.marketing.spb.ru/libmm/btl/invisible_merchandising.htm

8. Merchadising. Marketing Theory and Practice Site. Razdelmerchandayzing. URL : <http://www.4p.ru/main/theory/merchandising>

9. *Mayenkifer M.S.* Merchandising – concept and types // Young scientist. 2019. № 8(256). URL : <https://moluch.ru/archive/246/56648>

Каримов Булат Наилевич

кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественного
здоровья и здравоохранения,
Медико-биологический университет
инноваций и непрерывного образования,
«Государственный научный центр
Российской Федерации –
Федеральный медицинский
биофизический центр
имени А.И. Бурназяна»
Федерального медико-биологического
агентства России
Bulat_karimov@mail.ru

Bulat N. Karimov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Health and Health Care,
Medical and Biological University
Innovation and Continuing Education,
«State Scientific Center
of the Russian Federation –
Federal Medical
Biophysical Center
named after A.I. Burnazyan»
Federal Medical and Biological
agencies of Russia
Bulat_karimov@mail.ru

**Влияние экономических
санкций на управление
российскими инновационными
предприятиями**

**INFLUENCE OF ECONOMIC SANCTIONS
ON THE MANAGEMENT OF RUSSIAN
INNOVATIVE ENTERPRISES**



Аннотация. Актуальность. Западные санкции экономического и политического характера в отношении России неизбежно влияют на состояние народнохозяйственного комплекса страны. Социально – экономические и организационно – технологические последствия санкционной политики неизбежно отражаются на результативности работы предприятий высокотехнологического сектора. Реализация федеральной программы по модернизации экономики, ставит перед нами вопрос оценки влияния западных экономических санкций на деятельность хозяйствующих субъектов, конечным продуктом деятельности которых являются инновации.

Объект исследования: Влияние западных экономических санкций и последствий их реализации на состояние экономической системы Российской Федерации. Предмет исследования: Проблемы управления инновационными предприятиями с учётом импакт – фактора западных экономических санкций.

Цель исследования. Установление денотативной связи западной санкционной политики в отношении России и её последствий для экономической системы России в части рынка инвестиций и инноваций. Задачи исследования сводятся к детекции последствий импакт – фактора западной санкционной политики. Результаты исследования. Выражаются в детекции состояния управленческих систем инновационными предприятиями при воздействии импакт – фактора западных экономических санкций.

Ключевые слова: инновации, капитализация, эмитент, публичная компания, импакт-фактор, рынок инвестиций, рынок инноваций.



Введение. Президент Российской Федерации в 2018 году подписал стратегический документ [1], обуславливающий путь развития



Annotation. Relevance. Western economic and political sanctions against Russia inevitably affect the state of the country's national economic complex. The socio-economic, organizational and technological consequences of the sanctions policy inevitably affect the performance of enterprises in the high-tech sector. The implementation of the Federal program for economic modernization raises the question of assessing the impact of Western economic sanctions on the activities of economic entities whose final product is innovation. Object of research: the Impact of Western economic sanctions and the consequences of their implementation on the state of the economic system of the Russian Federation. Subject of research: problems of management of innovative enterprises taking into account the impact factor of Western economic sanctions. Purpose of research. Establishing a denotative link between the Western sanctions policy towards Russia and its consequences for the Russian economic system, in terms of the investment and innovation market. Research problem. They are reduced to detecting the consequences of the impact factor of Western sanctions policy. Research result. They are expressed in the detection of the state of management systems by innovative enterprises under the influence of the impact factor of Western economic sanctions.

Keywords: innovation, capitalization, Issuer, public company, impact factor, investment market, innovation market.



государства в экономическом, социальном, общественно-политическом и др. планах. В этом документе одна из ключевых позиций – модернизация

экономического и общественно-политического пространства, изменение которого обусловлена, в том числе санкционной политикой западных стран. Модернизация экономического пространства неизбежно связана с состоянием рынка инвестиций и инноваций, оценка влияния западных экономических санкций и как следствие реорганизация механизмов управления инновационными предприятиями – крайне актуальный вопрос сегодняшнего дня. Очевидно, что реорганизация управленческих механизмов должна, в том числе, включать в себя вопросы хеджирования несистематических экономических рисков и социальных

гарантий, обеспечивающих благополучие граждан.

Основная часть.

Прежде чем приступит к вопросу оценки влияния западных экономических санкций на механизмы управления инновационными предприятиями, необходимо рассмотреть общую тенденцию по всей экономической системе (табл. 1), агрегированным индикатором состояния которой является внутренний валовой продукт (ВВП).

Таблица 1

Изменение ВВП по годам, в период введения антироссийских санкций (2014–2019 года), в млрд руб.

2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год
87170,2	85450,6	85616,1	87179,3	89390,4	90589,9

График 1

Графическое отображение изменение ВВП по годам, в период введения антироссийских санкций (2014–2019 года), в млрд руб. (по данным) [1]



Как мы видим, экономическая система Российской Федерации отреагировала снижением ВВП в год введения антироссийских санкций, но уже через два года мы видим изменение линии тренда в сторону повышения и продолжение роста. Тренд на повышение в этом году прервётся, обусловлено это ситуацией с пандемией, но категорично

утверждать, что антироссийские санкции действительно с позиции ухудшения экономической ситуации, учитывая разворот тренда в 2016 году – преждевременно. Рассмотрим в таблице 2 список российских предприятий, попавших под санкции Евросоюза и США¹ [3].

Таблица 2

Список российских предприятий, попавших под экономические санкции в период с 2014 по 2020 года

Страна	Сектор экономики/Предприятия, Включённые в санкционный список
1	2
Евросоюз	<p>Нефтегазовый сектор</p> <ul style="list-style-type: none"> – ПАО «Роснефть»; – ПАО «Транснефть»; – ПАО «Газпромнефть». <p>Банковский сектор</p> <ul style="list-style-type: none"> – ПАО «Сбербанк России»; – ПАО ВТБ; – ПАО «Газпромбанк»; – ПАО ВЭБ; – ПАО «Россельхозбанк»

¹ Также других стран, мы выделяем Евросоюз и США, как наиболее масштабные экономические системы

Окончание таблицы 2

1	2
Евросоюз	<p>Оборонная промышленность</p> <ul style="list-style-type: none"> – ПАО «Уралвагонзавод»; – ПАО «Оборонпром»; – ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация» (ОАК). <p>Промышленность и смежные сектора</p> <ul style="list-style-type: none"> – ПАО «Сириус»; – ПАО «Станкоинструмент»; – ПАО «Химкомпозит»; – концерн «Калашников»; – Тульский оружейный завод; – ПАО «Технологии машиностроения»; – ПАО «Высокоточные комплексы»; – концерн ПВО «Алмаз-Антей»; – НПО «Базальт»
США и Канада и др.	<p>Банковский сектор</p> <ul style="list-style-type: none"> – ПАО «ЭкспоБанк»; – ЗАО «Зест» (лизинг, аффилированный с банком «Россия»); – ПАО «Инвесткапиталбанк»; – ПАО «Собинбанк»; – ПАО Банк «Северный морской путь» (СМП Банк); – ПАО «Росэнергобанк»; – ПАО «Сбербанк России»; <p>Промышленный и оборонный сектора</p> <ul style="list-style-type: none"> – ПАО «Исследовательско-производственный центр в Долгопрудном»; – ПАО «Машиностроительный завод имени М.И. Калинина» (МЗиК); – ПАО «Мытищинский машиностроительный завод»; – ПАО «Научно-исследовательский институт приборостроения имени В. В. Тихомирова» (НИИП); – ПАО «Морской научно-исследовательский институт радиоэлектроники «Альтаир» (ОАО «МНИИРЭ «Альтаир»). – ПАО «Алмаз-Антей»; – концерн «Калашников»; – НПО «Ижмаш»; – НПО «Базальт»; – ПАО «Уралвагонзавод»; – ПАО «Концерн «Радиоэлектронные технологии»»; – концерн «Созвездие»; – НПО Машиностроения; – ПАО «Конструкторское бюро приборостроения»; – ПАО Volga Group; – группа «Стройтрансгаз»; – ООО «Трансоил»; – ООО «Акваника» («Русское время»); – ООО «Авиа Групп Норд»; – ООО «Авиа Групп» (аэропорт Шереметьево); – ООО «Стройгазмонтаж»; – ПАО «Стройтрансгаз»; – ООО «Инвестиционная компания «Аброс»

Как мы можем видеть из таблицы 2, в основной массе хозяйствующих субъектов по виду деятельности представлен банковский и военно-промышленный сектор. Предприятия инновационного сектора отсутствуют, но преждевременно делать вывод, что предприятия инновационного сектора не затронуты импакт – фактором антироссийских санкций. Так как возникает эффект

эмерджентности, когда точечные санкции приводят к новым негативным последствиям для подсистем (в нашем случае инновационных) не затронутых прямо санкционными действиями. Уместно рассмотреть динамику изменения научных и инновационно активных организаций в период введения санкций (табл. 3, 4) [3].

Таблица 3

Изменение числа организаций, осуществляющих научную деятельность и обеспечивающих инновационную активность секторов экономики по данным Росстата [3] в период с 2014 по 2020 года

Организации/год и № по п/п	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7
Число организаций – всего:	3604	4175	4032	3944	3950	4053
научно-исследовательские организации	1689	1708	1673	1577	1574	1620
конструкторские организации	317	322	304	273	254	255

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
проектные и проектно-испытательские организации	32	29	26	23	20	11
опытные заводы	53	61	62	63	49	44
образовательные организации высшего образования	702	1040	979	970	917	951
организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	275	371	363	380	419	450
прочие	536	644	625	658	717	722

Как мы видим из таблицы 3, организации, обеспечивающие научно – производственную базу реализации инновационной активности выросли в общем объёме, притом, что снижение

наблюдалось два года, как и в предыдущем случае (табл. 2), но с запаздыванием (2017–2018 года), обусловленной инерционностью сектора.

Таблица 4

Изменение объёмов инновационной продукции с момента введения санкций (2014 г.) по настоящее время по данным Росстата [3]

№ п/п	Показатели	Ед. измерения	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1.	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами	млн рублей	41233490,9	45525133,8	51316283,5	57611057,8	68982626,6	92253929,6
	в том числе инновационные товары, работы, услуги		3579923,8	3843428,7	4364321,7	4166998,7	4516276,4	4863381,9
2.	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	процент	8,7	8,4	8,5	7,2	6,5	5,3
3.	Затраты на инновационную деятельность	млн рублей	1211897,1	1200363,8	1284590,3	1404985,3	1472822,3	1954133,3
4.	Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	процент	2,9	2,6	2,5	2,4	2,1	2,1
5.	Удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций	процент	1,6	1,6	-	1,1	-	0,6

При этом, как мы видим из таблицы 4, объём инновационных товаров в сопоставимых ценах не снижается в период введения санкций (инновационная активность сохраняется), но и последовательно растёт, при этом, в отличие от удельного веса инновационных товаров в общем объёме (строка 2 табл. 4), который неуклонно снижается на всём протяжении санкционного давления. О чём это говорит, прежде всего, мы наблюдаем так называемую дивергенцию – расхождение тенденций по одному и тому же показателю, что несомненно тревожный сигнал, так как дивергенция

характеризуется в большинстве случаев последующим падением базы показателя (общей инновационной активности). То есть, проанализировав данные, мы можем отметить, что инновационный сектор прямо не подвергается санкционному давлению (табл. 2), в тоже время, так как экономическая система характеризуется свойством целостности и эмерджентности, импакт – фактор анти-российских санкций, несомненно, влияет на деятельность российских инновационных предприятий. В этой ситуации можно рекомендовать общие мероприятия управленческого характера,

направленные на снижение действия различных рисков и негативного фактора эмерджентности экономической системы в целом:

1. Усиление управленческого контроля в области риск – менеджмента, через хеджирование производственных рисков;
2. Формирование внутреннего ингерентного свойства инновационного продукта в цепочке ресурсов;
3. Рекуперация сырья при производстве конечной инновационной продукции с целью оптимизации издержек;
4. Формирование новых сырьевых цепочек поставок с приоритетом на азиатский рынок, что снизит технологические и производственные риски;
5. Формирование вертикально – интегрированной организационной структуры и финансирование программных разработок для снижения рисков отсутствия программных средств автоматизации технологического процесса;

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1>, свободный (дата обращения 05.12.2020).
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>, свободный (дата обращения 05.12.2020).
3. Санкции против России. Список URL : <https://aif.ru/dontknows/actual/1159761>, свободный (дата обращения 05.12.2020).

6. Сотрудничество с отечественными научными организациями, для развития собственной технологической базы, не зависимой от поставок западных партнеров.

Мероприятия общего характера, способны минимизировать возможные риски и ухудшение политических настроений в отношении России.

Выводы.

Как мы убедились по данным таблиц 2, 3, 4, инновационная активность в российском сегменте высокотехнологической продукции существенно не пострадала, не наблюдается резкое снижения и «провалов» в инновационной активности. Своевременно принятая программа по модернизации и формированию национальных целей Президентом Российской Федерации [2] и Правительством Российской Федерации оказала положительное влияние в виде минимизации последствий от введения антироссийских санкций. При этом хозяйствующим субъектам, проявляющим инновационную активность необходимо реализовать ряд общих управленческих решений для обеспечения продолжения растущего тренда в инновационном секторе экономики.

Literature:

1. Federal state statistics service. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1>, free (date of application 05.12.2020).
2. National goals and strategic development objectives of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation № 204 dated 07.05.2018. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>, free (date of application 05.12.2020).
3. Sanctions against Russia. List. URL : <https://aif.ru/dontknows/actual/1159761>, free (date of application 05.12.2020).

Кулькова Инна Анатольевна

доктор экономических наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник,
профессор Уральского государственного
экономического университета,
Институт экономики
Уральского отделения РАН
i.a.koulkova@mail.ru

Inna A. Kulkova

Doctor of Economics,
Professor,
Leading Researcher,
Professor of Ural State
University of Economics,
Institute of Economics Ural branch
of the Russian Academy of Sciences
i.a.koulkova@mail.ru

КАК ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА МОЖЕТ ПОВЛИЯТЬ НА РОЖДАЕМОСТЬ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация. В статье представлены результаты экспертного опроса, проведенного автором в целях выявления направления и масштаба влияния повышения возраста выхода на пенсию на репродуктивные намерения населения. Исследование проводилось в октябре 2020 года. В качестве экспертов выступали ученые, много лет занимающиеся вопросами демографии, из разных городов России; всего в исследовании приняли участие 12 экспертов. Несмотря на представленные некоторыми экспертами доказательства, в целом, опрос выявил отсутствие единого мнения экспертов о прогнозах относительно изменения рождаемости вследствие повышения возраста пенсии.

Ключевые слова: повышение пенсионного возраста, рождаемость, репродуктивные намерения, факторы рождаемости, естественное воспроизводство населения, экспертный опрос, демография.

Введение. Повышение пенсионного возраста, осуществляемое в России поэтапно в течение четырех лет, начиная с 2019 года, было обусловлено дефицитом Пенсионного фонда РФ, вызванным сокращением численности работников-плательщиков страховых взносов и увеличением доли пенсионеров в структуре населения. Развивающаяся демографическая ситуация подталкивала Правительство к принятию мер [4], однако, решение о повышении именно пенсионного возраста, а не страховых взносов работодателей, например, было принято поспешно, без серьезного изучения возможных негативных последствий для различных сфер социально-экономической жизни, о которых предупреждали некоторые специалисты [3]. В частности, проводимая пенсионная реформа может способствовать сокращению рождаемости в стране [6], что в долгосрочной перспективе еще больше усугубит демогра-

HOW THE RETIREMENT AGE INCREASE CAN AFFECT FERTILITY: EXPERT OPINION

Annotation. The article presents the results of an expert survey conducted by the author in order to identify the direction and scale of the retirement age increase impact on the population's reproductive intentions. The study was conducted in October 2020. The experts were scientists who have been dealing with demographic issues for many years from different Russian regions; 12 experts took part in the study in total. Despite the evidence presented by some experts, the survey revealed, in general, a lack of consensus on forecasts of changes in fertility due to the retirement age increase.

Keywords: retirement age increase, fertility, reproductive intentions, fertility factors, natural reproduction of the population, expert survey, demography.

фические проблемы страны, вызванные сокращением численности женщин репродуктивного возраста¹ [8].

В октябре 2020 года автором был проведен экспертный опрос с целью обобщения мнения экспертов в области демографии о направлении и силе влияния решения о повышении пенсионного возраста на репродуктивные планы населения, определения причинно-следственных связей и путей сокращения возможных рисков. Для достижения цели были поставлены и решены следующие задачи: систематизировать факторы рождаемости, изучить мнение экспертов о влиянии каждого из факторов, связанных с повышением пенсионного возраста, и их суммарного воздействия.

Методы исследования. Отличительной особенностью экспертного опроса является не массовость респондентов, а уровень качества

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00545

«Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость в России».

экспертов как специалистов в области проблематики задаваемых вопросов. Предпочтительно задаются открытые вопросы, и данный опрос не может быть анонимным, поскольку при использовании данного метода доказывают не репрезентативность выборки, а компетентность экспертов. Традиционно, число опрошенных экспертов бывает не меньше количества вопросов, которые им задаются. Применительно к описываемому опросу, где в опросном листе было 8 вопросов, численность опрошенных экспертов 12 человек является достаточной. С другой стороны, в данной статье будут использованы персональные данные только тех экспертов, которые согласились на их публикацию.

В качестве экспертов выступали высококвалифицированные специалисты в области демографии, имеющие степень доктора или кандидата наук и ученые звания члена-корреспондента РАН, профессора. Отдельные эксперты являются членами экспертных советов при Правительстве Российской Федерации, Комитете Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук, региональных правительствах. Опрошенные эксперты занимают должности:

– директоров научно-исследовательских институтов РАН, в том числе региональных;

– заведующих и профессоров кафедр по демографии, социологии, в том числе, в МГУ им. М.Ю. Ломоносова и Институте демографии Высшей школы экономики, в федеральных университетах.

Все участвующие в опросе эксперты имеют научные интересы, связанные с рождаемостью в России, а также, с экономикой и социологией родительского труда, социологией семьи, родительством, детства, гендерной социологией, исследованием репродуктивных намерений мужчин, региональных особенностей демографических процессов в России, демографической безопасностью, общественным здоровьем, репродуктивным потенциалом, браками и разводами, отношениями между поколениями в семье и межкультурными отношениями. Эксперты проживают и работают не только в Москве и Санкт-Петербурге, но также в Вологде, Кабардино-Балкарии, Екатеринбурге, Сыктывкаре, Красноярске, чем обеспечивается отсутствие смещения выборки, поскольку паттерны поведения в разных регионах имеют некоторые отличия.

Результаты исследования. Первым был задан прямой вопрос о наличии влияния повышения возраста пенсии на рождаемость, и получить одинаковые ответы всех экспертов не получилось: половина экспертов придерживаются мнения о том, что решение о повышении пенсионного возраста никак не повлияет на рождаемость, один эксперт считает, что рождаемость повысится в ближайшие годы, и пять экспертов уверены в том, что рождаемость понизится. Нельзя не согласиться с тем, что связь между возрастом выхода на пенсию и рождаемостью не является прямой и

проявляется опосредованно; этим, на наш взгляд, и объясняется разница в ответах.

Среди факторов, наиболее сильно влияющих на рождаемость, эксперты отметили психологическую готовность к рождению ребенка (10 экспертов из 12 считают его влияние сильным) и любовь супругов/крепкая семья (8 экспертов отметили фактор как сильный и 4 – как средний). В подтверждение силы влияния данных факторов Ольга Николаевна Безрукова – кандидат социологических наук, и.о. зав. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики, доцент факультета социологии СПбГУ, член Демографического совета Санкт-Петербурга – привела результаты ее авторских исследований, подтвердивших, что основными факторами рождаемости выступают «*мотивация родительства, идентификация с родительской ролью, приоритетность ценности детей и родительства*» [2].

Такие факторы, как наличие отдельного жилья у семьи, мест в детских садах и яслях, материальный уровень семьи и выплата материнского капитала, по мнению большинства экспертов, оказывают среднее влияние на процесс рождаемости. Так, Сергей Васильевич Гришаев – доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений, действительный член РАЕН – отмечает, что «*государственные меры поддержки семьи в долгосрочной перспективе мало влияют на увеличение рождаемости*».

Относительно важности нескольких факторов мнения экспертов разделились, так здоровье супругов было отмечено как сильно-, средне- и слабо- влияющий фактор одинаковым числом экспертов. Можно объяснить такие различия в ответах стремительным развитием репродуктивной медицины и разным уровнем доверия к системе здравоохранения в стране. Также был получен весь спектр ответов о важности реальных льгот от государства для граждан, имеющих детей. Можно предположить, что влияние данного фактора отличается в зависимости от социально-экономического уровня развития и ситуации на рынке труда изучаемых экспертами территорий.

Оценка степени влияния фактора помощи родителей тоже не дал однозначного ответа (4 эксперта отметили его сильное влияние, 5 – среднее, 3 – слабое). Как отметила Виктория Шамилевна Шамсутдинова – аналитик стратегической группы Центра национальных проектов Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации – «*в ряде зарубежных исследований показано, что увеличение предложения бабушками своей помощи по уходу за внуками приводит к увеличению рождаемости и участию женщин на рынке труда*». При этом следует отметить, что зависимость рождаемости от данного фактора определяется степенью развития институтов по уходу за детьми. В Российской Федерации обеспеченность детскими дошкольными учреждениями значительно отличается в зависимости от региона и населенного пункта, чем можно объяснить различия в ответах экспертов,

поэтому «повышение пенсионного возраста вкупе с недостаточно хорошо работающими формальными институтами будет иметь негативные последствия для рождаемости».

Возможность досрочного выхода на пенсию как фактор рождаемости большинством экспертов был оценен как невливающий совсем (7 экспертов) или слабо влияющий (3 эксперта). Один эксперт – Виктор Вильгельмович Фаузер, доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, член Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН, эксперт ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ Министерства образования и науки РФ – оценил влияние данного фактора как среднее, отметив, что он «является стимулом для рождения третьего ребенка».

По мнению всех экспертов, рождаемость не повысится из-за удлинения трудовой жизни, которая позволит успеть родить еще одного ребенка женщинам старшего детородного возраста. С одной стороны, как отмечает В.Ш. Шамсутдинова, «безусловно, женское население может воспринимать удлинение трудовой жизни как удлинение жизненного цикла со стабильным заработком, относительно более высоким, чем пенсионные отчисления». С другой стороны, как отметил Александр Борисович Синельников – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член Экспертного совета по семейному и социальному праву Комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей, автор оригинальной методики определения потенциала брачности и степени его реализации – женщины детородного возраста «еще не думают о пенсии. Лишь единицы используют материнский капитал на увеличение своих будущих пенсий».

Для компенсации возможных неблагоприятных последствий повышения пенсионного возраста руководством страны были установлены льготы по досрочному выходу на пенсию для женщин, имеющих трех и более детей. Эксперты разошлись во мнениях по поводу результативности данной меры для повышения рождаемости. Половина экспертов считает, что такая мера не повлияет на увеличение рождаемости, объясняя это тем, что «в период активного деторождения женщины не будут думать о возрасте выхода на пенсию», как отметил Владимир Николаевич Архангельский – кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, автор монографий по проблемам демографии, в т.ч.: «Демографическое поведение и его детерминация», «Факторы рождаемости». Другие эксперты, например Сергей Васильевич Рязанцев – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института социально-

политических исследований РАН (ИСПИ РАН), заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМИ МИД РФ, руководитель авторского коллектива национального демографического доклада (2019) «Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации» – отмечают, что такая законодательная мера «может отчасти стимулировать рождение в многодетных семьях». Такого же мнения придерживается Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующая отделом исследования уровня и образа жизни Вологодского научного центра РАН: «Исходя из того, что не только пенсия, но и пенсия, в том числе, могут способствовать реализации ориентаций на трехдетную семью, увеличение доли многодетных можно ожидать». Однако далее она подчеркивает, что доля многодетных семей никак не будет выше 20–25 %, т.е., той части семей, где трое и более детей являются желаемыми [5].

На вопрос о возможности повышения рождаемости из-за того, что продолжающие работать бабушки и бабушки смогут дольше помогать своим детям и внукам финансово, почти все эксперты ответили отрицательно. Дарья Андреевна Халтурина – кандидат исторических наук, руководитель группы мониторинга стратегических рисков и угроз Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации – объяснила свою позицию тем, что размер доходов бабушек и дедушек «слишком мал, чтобы обеспечивать детей; тем более в условиях высоких рисков разводов это – вообще опасная стратегия». В.В. Фаузер объяснил невозможность увеличения рождаемости за счет данного фактора тем, что «уровень доходов в старших возрастах будет снижаться, а расходы на поддержание здоровья расти. Не до деток будет». Анна Петровна Багирова – доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления ИГУП Уральского Федерального университета, заместитель директора по науке и инновациям Института государственного управления и предпринимательства – отметила, что «такая помощь может быть нерегулярной, и на нее могут рассчитывать скорее не слишком «взрослые», не самые ответственные дети». Обобщая ответы экспертов на данный вопрос, хотелось бы привести ответ В.Ш. Шамсутдиновой: «Для определенной доли населения (например, неработающих женщин – на примере Италии) эффекты дохода могут преобладать над эффектами, обусловленными предоставлением времени от бабушек и дедушек. Но, в целом, повышение пенсионного возраста лишает домохозяйства важного источника гибкого и недорогого ухода за детьми, который необходим для обеспечения широкой деловой активности (на полную ставку и больше) молодых трудоспособных членов семьи, у которых в среднем доходы выше по сравнению с лицами старших трудоспособных возрастов. Поэтому рождаемость не увеличится за счет материальных трансфертов при одновременной потере временных трансфертов».

Ответы экспертов на вопрос о возможном снижении рождаемости из-за того, что бабушки и дедушки не смогут осуществлять присмотр за детьми («сидеть» с ребенком), разделились: 5 экспертов считают, что такое влияние будет минимальным, другие 7 экспертов прогнозируют снижение рождаемости, поскольку происходит процесс разрушения «большой семьи» [7]. Снижение может произойти на 7–10 % (О.Н. Безрукова, А.Б. Синельников) или даже «не более 20 %» (С.В. Гришаев). Снижение рождаемости О.Н.Безрукова объясняет тем, что «*молодые родители могут отложить рождение ребенка в среднем примерно на 3–5 лет. Отложенные рождения могут привести к тому, что вторые и третьи дети вовсе не родятся*».

В таком же соотношении разделились ответы на вопрос о влиянии повышения пенсионного возраста на демографическую ситуацию в стране в целом. Пять экспертов, например, Михаил Борисович Денисенко – кандидат экономических наук, действительный член РАЕН, заместитель директора Института демографии, заведующий кафедрой демографии Института демографии Высшей школы экономики, автор учебника для вузов «Демография» – считают, что влияние минимальное, другие 7 экспертов, например О.Н. Калачикова, отметили, что временно ухудшились условия, а «*реакция на ухудшение условий – снижение иждивенческой нагрузки, т.е. числа детей, которых нужно «вылупить и поставить на ноги*». О.Н. Безрукова отметила такие негативные влияния на демографическую ситуацию, как «*стрессирование значительного числа предпенсионеров*» и снижение рождаемости, «*прежде всего, для тех групп молодых семей, которые ориентированы на поддержку родительских семей (это семьи с традиционным и солидарным типом родительства)*» [2].

Для снижения возможных рисков снижения рождаемости эксперты предложили:

– увеличивать количество и качество работы детских дошкольных учреждений, их доступность, повысить и увеличить продолжительность выплаты пособий по уходу за ребенком, менять социально-психологическую обстановку в стране (С.В. Гришаев);

– расширить использование гибких графиков работы для матерей и отцов (М.Б. Денисенко);

Литература:

1. Архангельский В.Н. Сравнительная оценка влияния мер помощи семьям с детьми на принятие решения о рождении ребенка в зависимости от уровня жизни / В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров, Н.Г. Джанаева; Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской // В сборнике: Семья в современном обществе. Сер. «Демография. Социология. Экономика», 2018. С. 21–32.

– развивать негосударственные детские сады и услуги профессиональных нянь, увеличивать длительность рабочего дня в детских дошкольных учреждениях (В.Ш. Шамсутдинова);

– развивать меры поддержки молодых семейных пар, в том числе, студенческих, развивать инфраструктуру для жизни, работы и отдыха семей с детьми (О.Н. Калачикова). Было предложено позволить выходить раньше на пенсию тем бабушкам и дедушкам, которые заняты уходом за двумя и более внуками (А.Б. Синельников и А.П. Багирова);

– привлекать лиц старшего возраста к оплачиваемой работе по поддержке молодых семей, детей, подростков, молодежи, по передаче опыта, воспитания детей, развития форм межпоколенческой поддержки;

– вовлекать пожилых людей в волонтерскую деятельность с детьми, подростками (О.Н. Безрукова) [9].

Заключение. Таким образом, в ходе экспертного опроса было подтверждено большинство гипотез автора: предельный возраст, когда женщина хотела бы родить ребенка, практически не зависит от возраста выхода на пенсию, соответственно, с удлинением трудовой жизни вероятность повышения рождаемости минимальна. Несмотря на невысокую эффективность мер поддержки рождаемости государством [1], рождаемость в отдельных семьях может повыситься, при этом основной причиной повышения рождаемости выступает желание получить льготу по досрочному выходу на пенсию при наличии трех и более детей, однако, данный ресурс ограничен максимально числом желаемых детей. Основной причиной возможного сокращения рождаемости является сокращение возможностей дедушек и бабушек оказывать своим детям помощь в присмотре за внуками. Эксперты в области демографии не выработали пока единого мнения о суммарном влиянии повышения возраста выхода на пенсию на процессы рождаемости в нашей стране: одни эксперты предполагают, что такое влияние не будет ощутимым, другие прогнозируют сокращение рождаемости на 7–10 %. Более точный прогноз можно составить на основе массового анкетирования женщин репродуктивного возраста относительно изменения их репродуктивных намерений в связи с повышением пенсионного возраста в России.

Literature:

1. Arkhangelsky V.N. Comparative assessment of the impact of assistance measures for families with children on the decision to have a child depending on the standard of living / V.N. Arkhangelsky, V.V. Elizarov, N.G. Dzhanaeva; Ed. S.V. Ryazantseva, T.K. Rostovskaya // In: Family in modern society. Ser. «Demography. Sociology. Economics». 2018. P. 21–32.

2. *Безрукова О.Н.* Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 85–97.
3. *Бобков В.Н.* Повышение пенсионного возраста в Российской Федерации: социально-трудовые последствия / В.Н. Бобков, О.В. Забелина, Н.В. Локтюхина // Народонаселение. 2015. № 4 (70). С. 93–107.
4. *Вишневецкий А.Г.* Демография: за и против повышения пенсионного возраста / А.Г. Вишневецкий, Е.М. Щербакова // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. № 2(42). С. 148–166.
5. *Короленко А.В.* Время на детей: ресурсные возможности современных родителей / А.В. Короленко, О.Н. Калачикова // Социальное пространство. 2019. № 5(22). С. 1.
6. *Шарин В.И.* Систематизация возможных негативных последствий повышения пенсионного возраста в России // Human Progress. Вып. 6. 2019. Т. 5. С.11.
7. *Широкалова Г.С.* Пенсионная реформа как фактор разрушения «большой семьи» // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 2. С. 111–122.
8. *Шубат О.М.* Воспроизводство населения Уральского федерального округа: демографические риски и перспективы динамики / О.М. Шубат, А.П. Караева, А.П. Багирова // Human Progress. 2016. Том 2, № 3. С. 25.
9. *Bezrukova O.* The Rights of Working Mothers and Social Support of the Young Family in Russia / O. Bezrukova, V. Samoylova // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2015. № 5(82). P. 27–44.
2. *Bezrukova O.N.* Models of parenting and parental potential: intergenerational analysis // Sociological research. 2014. № 9. P. 85–97.
3. *Bobkov V.N.* Raising the retirement age in the Russian Federation: social and labor consequences / V.N. Bobkov, O.V. Zabelina, N.V. Loktyukhina // Population. 2015. № 4(70). P. 93–107.
4. *Vishnevsky A.G.* Demography: pros and cons of raising the retirement age / A.G. Vishnevsky, E.M. Shcherbakova // Journal of the New Economic Association. 2019. № 2(42). P. 148–166.
5. *Korolenko A.V.* Time for Children: Resource Possibilities of Modern Parents / A.V. Korolenko, O.N. Kalachikova // Social Space. 2019. № 5(22). P. 1.
6. *Sharin V.I.* Systematization of Possible Negative Consequences of the Retirement Age increase in Russia // Human Progress. 2019. Vol. 5. Iss. 6. P.11.
7. *Shirokalova G.S.* Pension reform as a factor in the destruction of the «big family» // Logos et Praxis. 2018. Vol. 17. № 2. P. 111–122.
8. *Shubat O.M.* Reproduction of the population of the Ural Federal District: demographic risks and dynamics prospects / O.M. Shubat, A.P. Karaeva, A.P. Bagirova // Human Progress. 2016. Vol. 2. № 3. P. 25.
9. *Bezrukova O.* The Rights of Working Mothers and Social Support of the Young Family in Russia / O. Bezrukova, V. Samoylova // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2015. № 5(82). P. 27–44.

Лыщикова Юлия Владимировна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры прикладной экономики
и экономической безопасности,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
lyshchikova@bsu.edu.ru

Германова Олеся Владимировна
специалист
по маркетинговым исследованиям
Центра международных
образовательных программ,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
germanova@bsu.edu.ru

Кочергин Михаил Александрович
аспирант кафедры прикладной экономики
и экономической безопасности,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
kochergin1994@yandex.ru

ВНЕДРЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «УМНЫЙ РЕГИОН»: УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В статье исследована эволюция практик внедрения концепции «Умный регион» в России и за рубежом. Установлено, что в европейских странах внедрение информационных технологий в целях ускорения социально-экономического развития территорий прошло путь эволюции от электронных услуг, обучения и управления до комплексных многоцелевых проектов, обеспечивающих мультипликативный синергетический эффект во всех сферах общественной жизни. В российской практике постепенно происходит смещение акцента от технократического подхода в сторону коэволюционного. Однако существует определенная разрозненность цифровых инициатив территорий наряду с дублированием и пересечением региональных и федеральных проектов. Максимальный синергетический эффект от их внедрения может быть достигнут путем сочетания диверсификации и унификации моделей и архитектур «умного региона» в рамках единой концепции.

Ключевые слова: «умный город», «умный регион», цифровые технологии, управленческие практики, социально-экономическое развитие.

Julia V. Lyshchikova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Applied Economics
and Economic Security,
Belgorod State National
Research University
lyshchikova@bsu.edu.ru

Olesya V. Germanova
Expert Marketing Research
Center for International
Educational Programs,
Belgorod State National
Research University
germanova@bsu.edu.ru

Mikhail A. Kochergin
Graduate student of the Department
of Applied Economics
and Economic Security,
Belgorod National Research University
kochergin1994@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF THE SMART REGION CONCEPT: MANAGEMENT PRACTICES IN RUSSIA AND ABROAD

Annotation. The article examines the evolution of practices for implementing the «Smart Region» concept in Russia and abroad. It is established that in European countries, the introduction of information technologies in order to accelerate the socio-economic development of territories has evolved from electronic services, training and management to complex multi-purpose projects that provide a multiplicative synergistic effect in all spheres of public life. In Russian practice, the emphasis is gradually shifting from the technocratic approach to the co-evolutionary one. There is a certain fragmentation of digital initiatives of territories along with duplication and intersection of regional and Federal projects. The maximum synergistic effect of their implementation can be achieved by combining diversification and unification of models and architectures of the «Smart Region» within a single concept.

Keywords: «smart city», «smart region», digital technologies, management practices, socio-economic development.

Термины «умный город» и «умный регион» в настоящее время становятся неотъемлемой частью стратегических документов городского и регионального развития, ориентированных на использование высоких технологий для решения различного рода проблем. Информационно-коммуникационные технологии, связанные с разработкой приложений для жителей, электронным управлением, планированием и бюджетированием, находят все более широкое применение в современных практиках городских и региональных органах власти. Между тем, ядро или сущность самого «умного города» и «умного региона» по-прежнему имеет множество интерпретаций в системе нормативно-правовых документов стратегического планирования, научных академических источниках и сложившихся в разных странах управленческих концепциях¹.

Поскольку европейские страны являются первопроходцами перехода от «умных городов» к «умным городам-регионам» и «умным регионам»,

проанализируем, в первую очередь, европейский опыт.

Для того, чтобы наиболее верно определить вновь образованные территории Северной Италии, простирающиеся от Милана до долины реки По, неизбежно потребовалось расширение теоретического справочного аппарата от концепции «умного города» до «умного города-региона», или просто до «умного региона» [6]. Вследствие этого, Европейский совет градостроителей (ЕСТР) предложил новое видение европейских городов в XXI веке, основанное на развитии полицентрических городских сетей, полностью безразличных к традиционным национальным и административными границам, в связи с чем, «умный регион» может быть определен и организован как местная полицентрическая городская сеть [3].

Рассмотрим несколько примеров успешных европейских проектов «умных регионов» (табл. 1).

Таблица 1

Европейские управленческие практики «умных регионов»

Регион (проект)	Характеристики
Проекты Interreg (Bird, ICT4SMEs и LoG-IN)	– разработаны в период с 2002 по 2007 гг. городами и регионами северо-европейских стран (Бельгия, Германия, Дания, Нидерланды, Швеция и Великобритания); – способствуют развитию электронных услуг, электронного обучения и электронного управления посредством внедрения широкополосной связи [5]
Smart Regions	– система пилотных проектов, курируемых с 2010 по 2013 год учреждениями, исследовательскими институтами и компаниями из восьми европейских стран (Финляндия, Норвегия, Германия, Австрия, Нидерланды, Польша, Румыния и Испания) в рамках программы Европейской комиссии «Интеллектуальная энергетика Европы» (IEE); – система создавалась с целью развития сетей знаний и достижения целевых показателей энергоэффективности Европы на 2016 и 2020 годы [5].
Comunità Montana Vallo di Diano (Горное сообщество Валло-ди-Диано), Италия	– объединяет четырнадцать соседних муниципалитетов; – способствует развитию единой системы стратегирования, направленной на повышение мобильности ресурсов на местном уровне, экономической продуктивности, а также на переход к устойчивому управлению экологическими и человеческими ресурсами [1; 5]
Unione dei Comuni della Romagna Faentina (Союз муниципалитетов Романья Фаентина), Италия	– создан шестью соседними муниципалитетами; – способствует развитию инклюзивного, «умного» и устойчивого сообщества; – предполагает принятие плана по энергетике и окружающей среде, создание научно-технологического парка, обеспечение городских пространств бесплатным Wi-Fi, а также внедрение электронного управления на основе открытых данных (Associazione Nazionale Comuni Italiani, Osservatorio Nazionale Smart City 2014) [1; 5]
Mantova Smart Region (умный регион Мантуя), Италия	– проект запущен в 2012 году при содействии политехнического университета Милана; – заключается в экспериментальной интеграции цифровых инфраструктур и услуг с культурным, экологическим и ландшафтным наследием, а также во внедрении инновационного подхода к надмуниципальному управлению [5]

Из обобщенных сведений таблицы 1 можно сделать вывод о том, что концепция «умный регион» развивается в европейских странах с 2002 года, эволюционируя от внедрения электронных услуг, электронного обучения и электронного управления посредством широкополосной связи до масштабных комплексных проектов, охватывающих все стороны формирования инклюзивного, «умного» и устойчивого сообщества, обеспечивающих гармонизацию развития национальной экономики и сохранение природных ресурсов.

Интересен также опыт Сизтла (США) как примера перехода от реализации концепции «умного» города к «умному» городу-региону.

Переориентирование учреждений городского управления Большого Сизтла на политику перераспределения, направленную на стимулирование роста, улучшает как способность города к устойчивому развитию, так и его конкурентоспособность. Речь идет, в частности, о разработке транспортных планов, интегрированных с новой политикой распределения, и способствующих преобразованию роста региона в более устойчивый [2].

Управление «умным» городом-регионом Сизтла осуществляется:

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ, номер проекта – МК-23.2019.6,

тема проекта «Умный регион» как междисциплинарный концепт устойчивого пространственного развития».

– на местном уровне – муниципалитетами и округами, которые координируют свои планы с общими планами и стратегиями;

– в более широком масштабе – штатом Вашингтон, который утверждает официальные нормативно-правовые акты и, соответственно, определяет стратегические цели;

– региональным советом Пьюджет Саунд (Puget Sound Regional Council, PSRC), который имеет возможность интегрировать политику в области землепользования, транспорта, окружающей среды, социальной сферы и экономики.

Администрацией президента Барака Обамы «городской регионализм» подкреплялся политикой, направленной на интеграцию инвестиций в экономическое развитие, землепользование и транспорт в пределах городов-регионов США. Отмечалось, однако, что инвестиции в общественный транспорт Сиэтла на начальных этапах приносили пользу, в основном, экономическим центрам городов-регионов, а не их периферии. Это означало, что, хотя цели и были ориентированы на социальное равенство и экологическую устойчивость, политическая устойчивость роста городов-регионов не была однозначной [2].

Несмотря на ряд трудностей Сиэтла в обеспечении реального «умного» роста (основанного на интеграции между землепользованием и транспортной системой через развитие транзитных узлов) и на то, что данный «умный» город-регион, по-видимому, не использует наиболее продвинутые возможности ИКТ, с методологической точки зрения региональная перспектива этого предложения делает его интересной стратегией, которая может стимулировать переход от «умных» городов к «умным» регионам [2].

Индонезийский исследователь Сутриади выделяет следующие эффекты, возникающие в результате внедрения концепции «умный регион»:

– синергию между региональной физической инфраструктурой и региональной системой телекоммуникаций;

– замену физических логистических потоков виртуальными;

– повышение конкурентоспособности и устойчивости региона за счет развития региональных исследовательских центров;

– развитие региональной коммуникационной инфраструктуры (автомобильная, железнодорожная, водная и энергетическая);

– преобразование системы региональной политики с приданием более заметной роли коллективным обсуждениям и действиям;

– налаживание контактов между ключевыми региональными стейкхолдерами [7].

Что касается России, амбициозность утвержденного Правительством Российской Федерации национального проекта «Цифровая экономика» и анонсирование на высшем уровне старта реформы государственного управления диктуют требования к поиску новой модели регионального управления и развития на основе комплексного внедрения цифровых технологий во все сферы функционирования экономики и общества. Подобные изменения уже активно происходят в большом числе регионов, что позволяет проанализировать и обобщить сложившиеся практики в рамках выявленных нами ранее подходов [4] (табл. 2).

Таблица 2

Российские практики «умных регионов»: технократический, экономический и коэволюционный подход

Регион (проект)	Характеристика
1	2
технократический подход	
Проекты «Умный регион» ПАО «Ростелеком» (Нижегородская область, Псковская область, Тюменская область, Приморский край, Ненецкий автономный округ, всего 20 пилотных субъектов РФ)	– реализуются с 2018 года в рамках соглашений регионов о сотрудничестве с ПАО «Ростелеком» в сфере реализации пилотных проектов программы инновационного развития «Умный регион»; – предполагается создание условий для внедрения в различные сферы деятельности регионов комплексных информационных решений, способствующих формированию современной инфокоммуникационной среды, развитию информационного общества, трансформации систем государственного и муниципального управления и интеграции их на базе платформенных решений, безопасному и комфортному проживанию на территории регионов, повышению качества жизни населения [8]
экономический подход	
Краснодарский край	– в сентябре 2019 года одобрена региональная программа «Умная Кубань – лидеры будущего»; – нацелена на формирование «территории умной экономики, ориентированной на реализацию потенциала молодых талантов и предпринимателей, обеспечивающих глобальное технологическое лидерство России»; – предполагает построение «системы государственного управления, ориентированного на человека и обеспечивающего устойчивый рост качества жизни населения, сопоставимый со средним уровнем по странам Организации экономического сотрудничества и развития, и реализацию потенциала молодых талантов и предпринимателей» [11]
Республика Татарстан	– в июне 2015 года принята Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, в рамках которой предусмотрена «интеллектуализация (формирование «умной») экономики: развитие «умных» и экологически чистых технологий, создание «умных» сред, «умных» систем и «умных» производств: транспортных систем, систем энергоснабжения, производственных систем, домов, магазинов, городов и др. [12]

Окончание таблицы 2

1	2
КОЗВОЛЮЦИОННЫЙ (ЭКОСИСТЕМНЫЙ) ПОДХОД	
Свердловская область	– в 2018 году принята Концепция построения «Умного региона» на территории Свердловской области, основная цель которой – развитие человеческого капитала, повышения качества жизни и роста конкурентоспособности экономики через системное внедрение сервисов и решений, опирающихся на наиболее современные достижения в области цифровых технологий, позволяющих на новом уровне решить наиболее актуальные для жителей области проблемы [10]
Ульяновская область	– в 2017 году принята концепция внедрения интеллектуальных цифровых технологий в Ульяновской области «Умный регион» на 2017–2030 годы, предполагающая ускорение экономического развития территорий и повышение качества жизни граждан на основе внедрения в различные сферы жизни информационно-коммуникационных технологий; развитие цифровой экономики, производства и использования инноваций в рамках региональной специализации, создание необходимой для этого инфраструктуры и культивирование компетенций [9]

Подводя итоги проведенного анализа российских практик разработки и внедрения концепций «умный регион», можно сделать ряд важных выводов. Нужно констатировать постепенное усиление и смещение акцента в российской практике от технократического подхода в сторону европейского козволюционного. Это подтверждает тот факт, что в октябре 2019 года Совет по развитию цифровой экономики при Совете Федерации предложил создать в рамках национального проекта «Цифровая экономика РФ» новый федеральный проект «Цифровой регион», предполагающий создание информационных систем для решения задач всей территории регионов, в том числе сельских территорий. В марте 2020 года новую инициативу одобрил премьер-министр Михаил Мишустин, отметив необходимость консолидации бюджетов и синхронизации цифровых

проектов в регионах. Следует согласиться, что существует определенная разрозненность цифровых инициатив в регионах наряду с дублированием и пересечением региональных и федеральных проектов. Например, Ульяновская и Свердловская области одновременно участвуют и в пилотных проектах ПАО «Ростелеком», и разработали и приняли собственные концепции. В то же время, существует и запрос со стороны регионов, и накоплен необходимый потенциал цифровых технологий, чтобы обеспечить максимальный социально-экономический и управленческий синергетический эффект от их внедрения. На наш взгляд, эта цель может быть достигнута путем сочетания диверсификации и унификации моделей и архитектур «умного региона» в рамках единой концепции.

Литература:

1. Associazione Nazionale Comuni Italiani, Osservatorio Nazionale Smart City. 2014. Vademecum per la città intelligente URL : <http://osservatoriosmartcity.it/il-vademecum> (date of application 27.11.2020).
2. *Dierwechter Y.* Smart city-regionalism across Seattle. Progressing transit nodes in labor space? // *Geoforum*. 2013. Vol. 49. P. 139–149.
3. *Fernández Maldonado A.M.* ICT and spatial planning in European Cities. Reviewing the New Charter of Athens // *Built Environment*. 2012. № 38(4). P. 93–103.
4. *Lyshchikova J.V.* The smart region concept: the implementation of digital technology / J.V. Lyshchikova, E.A. Stryabkova, A.S. Glotova, T.N. Dobrodromova // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2019. Vol. 10. № 4(42). P. 1338–1345.
5. *Morandi C.* From Smart City to Smart Region: Digital Services for an Internet of Places / C. Morandi, A. Rolando, S. Di Vita. Springer, 2016. 103 p.
6. *Rolando A.* Learning from places: ICTs for EXPO 2015 in the Turin-Milan region / A. Rolando, T. Djordjevic // *The Journal of Urbanism. NUL-New Urban Languages conference proceedings* (Milan, 19–21 June 2013). Vol. 27. P. 70–78.

Literature:

1. Associazione Nazionale Comuni Italiani, Osservatorio Nazionale Smart City. 2014. Vademecum per la città intelligente URL : <http://osservatoriosmartcity.it/il-vademecum> (date of application 27.11.2020).
2. *Dierwechter Y.* Smart city-regionalism across Seattle. Progressing transit nodes in labor space? // *Geoforum*. 2013. Vol. 49. P. 139–149.
3. *Fernández Maldonado A.M.* ICT and spatial planning in European Cities. Reviewing the New Charter of Athens // *Built Environment*. 2012. № 38(4). P. 93–103.
4. *Lyshchikova J.V.* The smart region concept: the implementation of digital technology / J.V. Lyshchikova, E.A. Stryabkova, A.S. Glotova, T.N. Dobrodromova // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2019. Vol. 10. № 4(42). P. 1338–1345.
5. *Morandi C.* From Smart City to Smart Region: Digital Services for an Internet of Places / C. Morandi, A. Rolando, S. Di Vita. Springer, 2016. 103 p.
6. *Rolando A.* Learning from places: ICTs for EXPO 2015 in the Turin-Milan region / A. Rolando, T. Djordjevic // *The Journal of Urbanism. NUL-New Urban Languages conference proceedings* (Milan, 19–21 June 2013). Vol. 27. P. 70–78.

7. *Sutriadi R.* Defining smart city, smart region, smart village, and technopolis as an innovative concept in indonesia's urban and regional development themes to reach sustainability // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2018. P. 105–115.

8. В Нижегородской области будут развивать проект «Умный регион». URL : <https://www.rbc.ru/nn/20/04/2018/5ad9ba6f9a794723c5faca44> (дата обращения 27.11.2020).

9. Концепция внедрения интеллектуальных цифровых технологий в Ульяновской области «Умный регион» на 2017–2030 годы. URL : <https://it-fund73.ru/ulsmartregion/Koncept.php> (дата обращения 27.11.2020).

10. Концепция построения «Умного региона» на территории Свердловской области. URL : <https://dis.midural.ru/article/show/id/1241> (дата обращения 27.11.2020).

11. Паспорт региональной программы «Умная Кубань – лидеры будущего». URL : https://economy.krasnodar.ru/strategic-planning/files/Pasport_FP_Umnaia_Kuban.pdf (дата обращения 27.11.2020).

12. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. URL : <http://docs2.cntd.ru/document/428570021> (дата обращения 27.11.2020).

7. *Sutriadi R.* Defining smart city, smart region, smart village, and technopolis as an innovative concept in indonesia's urban and regional development themes to reach sustainability // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2018. P. 105–115.

8. The Smart Region project will be developed in the Nizhny Novgorod region. URL : <https://www.rbc.ru/nn/20/04/2018/5ad9ba6f9a794723c5faca44> (date of application 27.11.2020).

9. The concept of implementation of intellectual digital technology in Ulyanovsk region «Smart Region» for the years 2017–2030 URL: <https://it-fund73.ru/ulsmartregion/Koncept.php> (date of application 27.11.2020).

10. The Concept of building a «Smart Region» on the territory of the Sverdlovsk region. URL : <https://dis.midural.ru/article/show/id/1241> (date of application 27.11.2020).

11. Passport of the regional program «Smart Kuban-leaders of the future». URL : https://economy.krasnodar.ru/strategic-planning/files/Pasport_FP_Umnaia_Kuban.pdf (date of application 27.11.2020).

12. Strategy of socio-economic development of the Republic of Tatarstan until 2030. URL : <http://docs2.cntd.ru/document/428570021> (date of application 27.11.2020).

Можина Елена Львовна
кафедра финансов,
бухгалтерского учета и налогообложения,
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет
lev1502@mail.ru

Влияние требований МСФО на подготовку управленческой отчетности

Аннотация. Статья посвящена агрегированию влияния требований МСФО на наиболее существенные особенности подготовки управленческой отчетности в соответствии с требованиями МСФО. Рассмотрены наиболее значимые проблемы подготовки отчетности на основе МСФО российскими организациями. Выявлены преимущества формирования качественной управленческой отчетности как источника информации для целей формирования индивидуальной и консолидированной отчетности организации в соответствии со стандартами МСФО.

Ключевые слова: МСФО, международные стандарты финансовой отчетности, управленческая отчетность, источники информации, проблемы подготовки.

Процесс мировой глобализации существенно влияет и на формирование требований МСФО. В период мировой пандемии 2020 года сотрудничество компаний между странами претерпело небольшой спад, но торговые отношения между компаниями, расположенные на разных континентах и в период кризиса являются очень тесными.

О заинтересованности в тесном взаимодействии говорят и результаты саммита лидеров стран G20 («Группы двадцати») в ноябре 2020 года и единое понимание всех стран-участников, что преодолеть мировой кризис, вызванный пандемией коронавируса, страны мира смогут только совместными усилиями. Также в связи с событиями 2020 года все больше и больше компаний становятся глобальными в своей коммерческой деятельности и, в том числе, международная торговля акциями компаний различных сфер бизнеса постоянно увеличивается. Соответственно, с ростом международной торговли, в том числе и акциями компаний, растет спрос на информацию о данных компаниях и возможность сопоставить данные по ряду компаний в рамках интересующего сегмента бизнеса. Для обеспечения открытости и сопоставимости компаниям необходимо предоставлять инвесторам отчетность, которая позволит удовлетворить данным требованиям и компании выйдут возможность составлять отчетность в соответствии с требованиями МСФО.

Elena L. Mozhina
Department of Finance,
Accounting and Taxation,
Moscow State University
for the Humanities and Economics
lev1502@mail.ru

THE IMPACT OF IFRS ON PREPARATION OF MANAGEMENT REPORTS

Annotation. The article is devoted to the aggregation of the impact of IFRS on the most significant features of the preparation of management reports in accordance with the requirements of IFRS. The most significant problems of preparation of the reporting on the basis of IFRS by the Russian organizations are considered. The advantages of forming high-quality management reporting as a source of information for the purposes of forming individual and consolidated financial statements of an organization in accordance with IFRS standards are revealed.

Keywords: IFRS, International financial reporting standards, management reporting, sources of information, problems of preparation.

В российской экономике по результатам принятия иностранными государствами ряда санкций в последнее время отчетливо формируется институт инвесторов, которые также заинтересованы в получении полной, прозрачной и сопоставимой информации. Возможность привлечения инвесторов в России и потребность предоставления полной и сопоставимой информации о предприятии также осознали и многие российские организации и четко задались целью формировать отчетность в соответствии с требованиями МСФО на постоянной основе, проходить аудит данной отчетности в большей части для подтверждения её достоверности и надежности. С момента утверждения МСФО на территории России многие российские организации задались целью изменения подходов в части формирования отчетности в соответствии с МСФО для выстраивания более прозрачных и понятных процессов для всех пользователей отчетности в соответствии с МСФО по подготовке данных для формирования указанной отчетности в компаниях. Особенно данная проблема отразилась в крупных группах компаний, особенно публичных, чьи акции котируются как на российском, так и на международном рынке.

В рамках процесса подготовки индивидуальной отчетности компании в соответствии с МСФО, либо процесса подготовки консолидированной отчетности компании в соответствии с МСФО необходимо определиться с источниками

информации, среди которых представлено несколько источников:

– отчетность, подготовленная в соответствии с РПБУ;

– управленческая отчетность;

– налоговая отчетность.

Ни один из указанных источников исключить не получится, как и каждый источник не может быть заменен данными другого источника в связи с разнообразностью требований МСФО.

Учитывая разносторонние требования международных стандартов финансовой отчетности и раскрытия в отчетности не только данных по результатам совершенных и отраженных хозяйственных операций в бухгалтерском учете, которые может предоставить отчетность организации в соответствии с требованиями РПБУ, но и возможность отражения активов (а именно: основных средств, инвестиционной собственности) по переоцененной стоимости, которую можно получить только с применением подходов профессиональной оценки группы активов, либо в случае применения исторической (первоначальной) стоимости основных средств, инвестиционной собственности с применением дисконтированных потоков денежных средств по единицам, генерирующим денежные потоки. Последняя информация может быть предоставлена только на основании сформированных внутренних данных организации и её управленческой отчетности, которая будет отражать перечень единиц, генерирующих денежные потоки (в большей части это представляют собой крупные группы объектов основных средств, инвестиционной собственности организации, так и группы). В управленческой отчетности компании данные о денежных потоках по крупным группам основных средств, инвестиционной собственности формируются в разрезе:

– оттоков денежных средств, необходимых для обслуживания указанных объектов на протяжении всего периода их существования;

– притоков денежных средств, поступающих от использования указанных объектов также на протяжении всего периода их существования [4].

Помимо первичного определения и построения самих дисконтированных потоков денежных средств, которые могут сформировать в организации финансовые и производственные подразделения совместно, данную задачу нужно выполнять на систематической основе из периода в период (как правило крупные компании формируют дисконтированные потоки денежных средств один раз в год/полугодие, особенно в период ожидаемого существенного снижения стоимости активов). Данные изменения дисконтированных потоков денежных средств представлены в управленческой отчетности компании и в результате должны быть представлены в индивидуальной или консолидированной отчетности организации в соответствии с МСФО.

Указанный пример иллюстрирует наличие у компании необходимости:

– формирования дисконтированных потоков денежных средств при выборе варианта учетной политики отражения активов (основных средств, инвестиционной собственности) по первоначальной (исторической) стоимости;

– или формирования данных о рыночной оценке активов при выборе варианта учетной политики отражения активов (основных средств, инвестиционной собственности) по переоцененной стоимости и отражает собой наиболее крупную проблему качественной подготовки отчетности организации в соответствии с МСФО. Ввиду того, что основные средства большинства крупных компаний составляют более 65 % – 85 % от общей величины активов отчета о финансовом положении организации и предоставление неполных данных по данной статье существенно влияет на качество подготовленной отчетности организации в соответствии с требованиями МСФО в целом [1; 2].

Указанные данные о дисконтированных потоках денежных средств единиц, генерирующих денежные потоки организации, либо рыночной стоимости активов организации относятся в большей части к области управленческой отчетности и при прохождении аудита, требуют также подтверждения со стороны руководства организации. При отсутствии указанных данных, либо некорректно сформированных, имеющих непоследовательное применение методологии расчета сформированная отчетность организации в соответствии с требованиями МСФО может быть признана аудиторами не полной, не достоверной. Среди перечня крупных публичных российских компаний по настоящее время встречаются такие, которые имеют данную проблему, которую на протяжении последних десяти лет с даты утверждения МСФО в России так и не смогли преодолеть.

В связи с указанным влияние требований МСФО оказало существенное влияние на преобразование процессов более качественной подготовки управленческой отчетности организации и подтверждения использования указанной управленческой отчетности при принятии управленческих решений руководством организации. Указанная управленческая информация необходима при любом методе подготовки отчетности в соответствии с МСФО в организации (трансформации, либо параллельном учете) [3].

Таким образом, качественная подготовка управленческой отчетности в части:

– рыночной стоимости объектов основных средств, инвестиционной собственности;

– дисконтированных потоков денежных средств единиц генерирующих денежные потоки организации для целей подготовки отчетности в соответствии с МСФО позволит сформировать полный и качественный отчет о финансовом положении организации в соответствии с требованиями МСФО как для внутренних, как и для внешних российских и иностранных пользователей МСФО отчетности (в том числе инвесторов) и таким образом предоставляет значительные преимущества компании.

Литература:

1. *Адаменко А.А.* Учет и отчетность коммерческой организации: российские стандарты бухгалтерского учета и международные стандарты финансовой отчетности / А.А. Адаменко, Е.А. Черкалин, Е.А. Пустовалова // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 30(4). С. 220–223.
2. *Донгак Ч.Г.* Международные стандарты финансовой отчетности / Ч.Г. Донгак, А.С.М. Бегзи // Лучшая научная статья 2018. Сборник статей XXII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2018. С. 135–137.
3. *Еприкова Т.Е.* Формирование финансовой отчетности в соответствии с международными стандартами: анализ способов и особенностей их применения в России // Вестник евразийской науки 2019. Т.11. № 6. С. 20.
4. *Щегловская Ю.А.* Положения МСФО и принципы управленческого учета: возможности гармонизации // Учет. Анализ. Аудит. 2018. Т. 5. № 1. С. 98–109.

Literature:

1. *Adamenko A.A.* Accounting and reporting of a commercial organization: russian accounting standards and international financial reporting standards / A.A. Adamenko, E.A. Cherkalin, E.A. Pustovalova // natural-humanitarian studies. 2020. № 30(4). P. 220–223.
2. *Dongak Ch.G.* International standards of financial reporting / Ch. G. Dongak, A.S.M. Begzi // Best scientific article 2018. Collection of articles of the xxii international research competition. Penza, 2018. P. 135–137.
3. *Eprikova T.E.* Formation of financial statements in accordance with international standards: analysis of methods and features of their application in Russia // Vestnik evraziyskoy nauki. 2019. Vol. 11. № 6. P. 20.
4. *Shcheglovskaya Yu.A.* Provisions of IFRS and principles of management accounting: opportunities for harmonization // Accounting. analysis. Audit. 2018. Vol. 5. № 1. P. 98–109.

Ноева Елена Евгеньевна

старший преподаватель,
Финансово-экономический институт,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова
noevga@mail.ru

Евсеев Василий Александрович

магистрант,
Финансово-экономический институт,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова
vasiliy.evseev.97@mail.ru

Саакян Сона Артаковна

Выпускник,
Финансово-экономический институт,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова
sona.saakyan.2014@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ
БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19**



Аннотация. Негативное влияние на экономические процессы ограничительных мер, введенных в условиях пандемии COVID-19, привели к снижению объемов налоговых платежей в бюджет РФ в 2020 году. Несмотря на сокращение доходов бюджета, общепринятая практика поддержки бизнеса в условиях пандемии включает, в первую очередь, мероприятия, предусматривающие снижение налоговой нагрузки и финансовую поддержку. Согласно данным проведенного анализа, представленным в данной статье, реализация данных мероприятий приносит положительный эффект.

Ключевые слова: налоговые доходы бюджета, пандемия COVID-19, бизнес, поддержка, антикризисные меры, бюджетно-налоговая политика.



Поступающие от физических и юридических лиц налоги и сборы выступают основным источником доходов бюджета любого государства. Высокий уровень налоговых доходов является гарантией обеспечения качественного бесплатного образования, здравоохранения, безопасности страны и достойного уровня жизни населения. Налоговые методы регулирования финансово-экономических отношений в экономике в сочетании с другими рычагами создают необходимые предпосылки для формирования и эффективного функционирования единого финансового рынка [4, с. 2].

Elena E Noeva

Senior lecturer,
Financial and Economic Institute,
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov
noevga@mail.ru

Vasiliy A. Evseev

Master student,
Financial and Economic Institute,
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov
vasiliy.evseev.97@mail.ru

Sona A. Sahakyan

Graduate,
Financial and Economic Institute,
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosova
sona.saakyan.2014@mail.ru

**IMPLEMENTATION
OF THE BUDGET AND TAX POLICY
OF THE STATE IN THE CONDITIONS
OF THE COVID-19 PANDEMIC**



Annotation. The negative impact on economic processes of restrictive measures introduced in the context of the COVID-19 pandemic led to a decrease in the volume of tax payments to the budget of the Russian Federation in 2020. Despite the reduction in budget revenues, the generally accepted practice of supporting business in a pandemic includes, first of all, measures to reduce the tax burden and financial support. According to the data of the analysis presented in this article, the implementation of these measures brings a positive effect.

Keywords: budget tax revenues, COVID-19 pandemic, business, support, anti-crisis measures, budget and tax policy.



Об эффективности функционирования бюджетной системы свидетельствует обеспечение сбалансированности доходов и расходов бюджета, а эффективность налоговой системы определяет использование инструментов и механизмов аккумулирования налоговых доходов бюджета, учитывающих интересы участников налоговых правоотношений. Исходя из этого, бюджетно-налоговая политика государства, ориентированная на достижение стабильного воспроизводства и экономического роста, призвана обеспечивать решение целого ряда задач, в том числе:



- обеспечение сбалансированности бюджетов всех уровней;
- развитие финансово-инвестиционного и инновационного потенциала и снижение рисков инвестирования;
- сохранение финансовой стабильности субъектов хозяйствования;
- налоговое регулирование и налоговая оптимизация деятельности хозяйствующих субъектов. [2, с. 123].

Мировой кризис, спровоцированный распространением вируса COVID-19 в 2020 году, привел к значительным негативным экономическим последствиям, поскольку повлиял на наполнение государственных бюджетов, создал новые шоки для предложения и спроса, непохожие на те, с которыми экономика сталкивалась в рамках прошлых кризисов. Пандемия оказала существенное влияние на процессы как в макро-, так и в микроэкономике. По оценкам ОЭСР, принятые для ограничения распространения вируса меры могут привести к снижению экономической активности примерно на 25 % в некоторых странах, а потребительские расходы сократятся примерно на треть. Каждый месяц такого сдерживания предполагает потерю 2 % годового ВВП [7].

Для поддержки экономики в период кризиса принимаются решения, направленные на снижение налоговой нагрузки на бизнес. Таковыми являются временный отказ от взимания налогов на имущество, снижение налогов на водопользование или транспортные средства, снижение, отсрочка или отмена налогов для малых предприятий. Ряд стран также отказался от специальных сборов с туристических и авиакомпаний, а некоторые сократили или освободили определенные сектора экономики от налогов на импорт.

Особенности бюджетно-налоговой политики могут быть разными в зависимости от страны, сектора и бизнеса. В некоторых странах меры поддержки доступны для всех. В других странах помощь предоставляется конкретным секторам (например, туризм, коммерческие авиаперевозки) или компаниям, которые столкнулись со значительным падением доходов. Это последнее условие обычно должно быть подтверждено налогоплательщиком в налоговом органе. В некоторых странах помощь предоставляется на индивидуальной основе (т.е. фирма или предприниматель должны сами обратиться за поддержкой). Большинство государств реализуют целый комплекс противокризисных мер, используя комбинацию инструментов фискальной и финансовой поддержки.

Правительство Российской Федерации в целях предотвращения распространения инфекции также приняло ряд противозидемических мер, в результате которых больше прочих пострадал малый и средний бизнес. В связи с этой ситуацией, были разработаны меры поддержки тем предпринимателям, которые попали в сложную ситуацию в связи с пандемией.

Сразу после принятия решения о введении режима самоизоляции в конце марта 2020 года, на официальном сайте Президента РФ был опубликован Перечень поручений, включающий, в том числе, следующие инициативы в сфере налогообложения [5]:

- предоставить субъектам малого и среднего предпринимательства (МСП), осуществляющим деятельность в отраслях, в наибольшей степени пострадавших в результате распространения коронавирусной инфекции, отсрочку по уплате всех налогов (кроме НДС) на 6 месяцев;

- предоставить микропредприятиям из пострадавших отраслей отсрочку по страховым взносам на 6 месяцев;

- поддержать малый и средний бизнес путем снижения тарифа страховых взносов с 30 % до 15 % для сумм заработной платы, которые превышают МРОТ.

В перечень отраслей, наиболее пострадавших от введения противозидемических мер, вошел число прочих авиа- и автоперевозки, услуги по организации досуга и развлечений, культура, спорт, образование, туристические услуги, гостиничный бизнес, сфера общественного питания, выставочная деятельность, предоставление бытовых услуг, бьюти-индустрия.

Также, субъекты МСП, получили следующие льготы:

- перенос сроков сдачи отчетности по налогам и бухгалтерской отчетности;

- сокращение плановых и внеплановых проверок госорганами;

- продление сроков действия разрешений на строительство, лицензий на продажу алкоголя и некоторых других разрешительных документов [3, с. 21].

Было принято решение предоставить безвозвратные субсидии тем компаниям, деятельность которых пострадала именно из-за установления ограничительных мер. Субсидии в основном могут быть направлены на выплату заработной платы работникам, выплату арендной платы или же погашение задолженности по кредитам. МСП из данного перечня получили право на ряд дополнительных льгот: льготное кредитование, кредитные каникулы для заемщиков и отсрочки по кредитам по госпрограмме, арендные каникулы для арендаторов коммерческой недвижимости и арендаторов госимущества [3, с. 22].

Реализация мер поддержки бизнеса в условиях пандемии, так же, как и ограничительные меры, результатом которых стало значительное снижение предпринимательской активности в РФ, предсказуемо привели к снижению объемов налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ в 2020 году.

В таблице 1 представлены результаты исследования изменений общего объема налоговых

поступлений в бюджет РФ в текущем году по федеральным округам в сравнении с тем же периодом 2019 года [6]. Представленные данные позволяют определить, насколько сильным оказалось негативное влияние пандемии на хозяйственную деятельность на той или иной территории. Данные на 01 января, по сути, представляют

собой общую сумму поступлений за предыдущий год, а вот данные по кварталам – это суммы поступлений уже за соответствующий год, причем не нарастающим итогом, а отдельно за каждый квартал, для большей достоверности результатов, поскольку интерес в данном случае представляет именно временной аспект.

Таблица 1

Объем налоговых платежей в консолидированный бюджет РФ в разрезе федеральных округов в 2019–2020 гг., млн руб.

	Год	На 01 января	На 01 апреля	На 01 июля	На 01 октября
Всего по РФ	2019 г.	21148837,5	5305997,8	5945960,8	5523525,5
	2020 г.	22510631,1	5554435	4374334,3	4880673,2
	Изменение, млн руб.	1361793,6	248437,2	-1571626,5	-642852,3
	Темп прироста, %	6,44	4,68	-26,43	-11,64
Центральный федеральный округ	2019 г.	5534757,2	1509550,6	1504749,3	1520983
	2020 г.	6168365,3	1557806	1394967,9	1600420
	Изменение, млн руб.	633608,1	48255,4	-109781,4	79437
	Темп прироста, %	11,45	3,20	-7,30	5,22
Северо-Западный федеральный округ	2019 г.	2336180,5	555700,9	636347,5	656892,9
	2020 г.	2480441,7	571214,1	565056,5	636317,4
	Изменение, млн руб.	144261,2	15513,2	-71291	-20575,5
	Темп прироста, %	6,18	2,79	-11,20	-3,13
Северо-Кавказский федеральный округ	2019 г.	207838,2	50692,8	58690,9	49584,9
	2020 г.	230502,9	54820,3	49029,5	53821,3
	Изменение, млн руб.	22664,7	4127,5	-9661,4	4236,4
	Темп прироста, %	10,90	8,14	-16,46	8,54
Южный федеральный округ	2019 г.	1034521,9	227365	264368,6	285148,1
	2020 г.	1086729,5	252189,4	252983,5	267721,6
	Изменение, млн руб.	52207,6	24824,4	-11385,1	-17426,5
	Темп прироста, %	5,05	10,92	-4,31	-6,11
Приволжский федеральный округ	2019 г.	3391913,7	843110,9	908122	870496,2
	2020 г.	3538505,1	851511,9	618430,4	745522,4
	Изменение, млн руб.	146591,4	8401	-289691,6	-124973,8
	Темп прироста, %	4,32	1,00	-31,90	-14,36
Уральский федеральный округ	2019 г.	5829594,7	1440769	1687032,2	1422382,2
	2020 г.	5957780,4	1445061,7	891027,8	928826
	Изменение, млн руб.	128185,7	4292,7	-796004,4	-493556,2
	Темп прироста, %	2,20	0,30	-47,18	-34,70
Сибирский федеральный округ	2019 г.	1962752,8	465744,4	534778,3	514139,1
	2020 г.	2059113,7	497846	389699	467836,4
	Изменение, млн руб.	96360,9	32101,6	-145079,3	-46302,7
	Темп прироста, %	4,91	6,89	-27,13	-9,01
Дальневосточный федеральный округ	2019 г.	851278,3	213064,3	351871,7	203899,3
	2020 г.	989192,5	323985,7	213139,6	180207,8
	Изменение, млн руб.	137914,2	110921,4	-138732,1	-23691,5
	Темп прироста, %	16,20	52,06	-39,43	-11,62

Источник: Таблица составлена авторами на основе данных отчетности 1-НОМ за 2019–2020 гг. [6].

В целом, по итогам первого квартала практически во всех федеральных округах наблюдался прирост (хотя бы минимальный) налоговых поступлений в бюджет, хотя влияние пандемии уже ощущали компании, ведущие деятельность на внешнем рынке. Однако во втором квартале последовало резкое снижение экономической активности. Апрель был объявлен нерабочим месяцем с сохранением заработной платы. Эксперты оценили потери от введения данных ограничительных мер в 2–2,5 % ВВП. Затем в мае ВВП России упал до -12 % (больше, чем во времена мирового кризиса 2008 г.). В июне начался постепенный рост, который несколько ускорился в июле [3, с. 22], что, собственно, и подтверждают, данные таблицы 1. По показателям за третий квартал видно,

что темпы падения сократились, а в двух федеральных округах (Центральном и Северо-Кавказском) даже удалось достичь положительных результатов (прирост 5,22 % и 8,54 % соответственно по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.)

На рисунке 1 представлены данные об изменении объемов налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ в процентном соотношении в 2020 году по сравнению с той же датой в 2019 году [6]. Данные свидетельствуют, что пандемия оказала весьма существенное негативное влияние на экономические процессы на всей территории РФ, что, безусловно, отразилось соответствующим образом и на налоговых доходах бюджета.

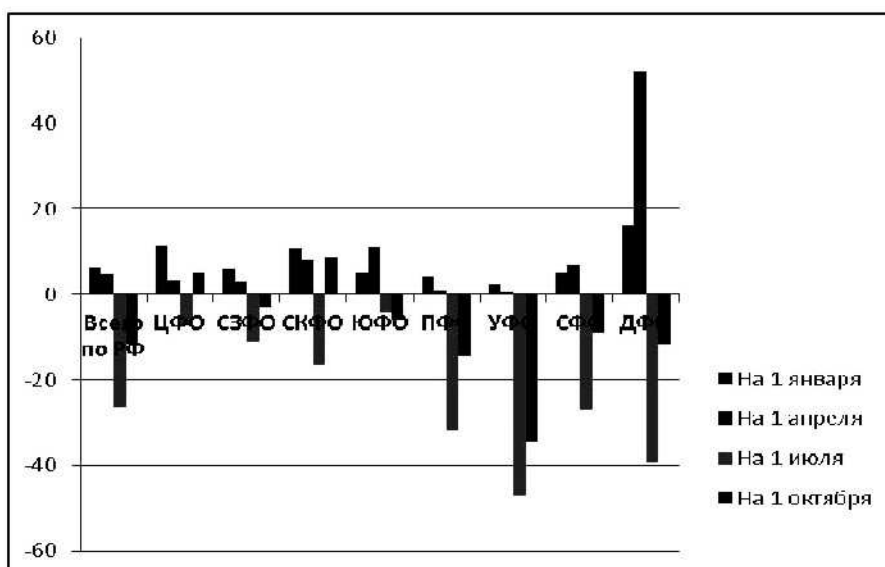


Рисунок 1. Изменение объемов налоговых поступлений в бюджет РФ в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом (%)

Тем не менее, так же очевидно, что ситуация постепенно улучшается, и снижение налоговых поступлений в третьем квартале 2020 года уже не так велико, как можно было наблюдать в период с апреля по июль. Соответственно, можно предположить, что реализуемые меры поддержки предпринимательской деятельности дают определенный положительный результат.

Сложившаяся в экономике ситуация, когда бизнес, особенно в сфере услуг, сталкивается с резким сокращением или вовсе отсутствием доходов в течение какого-то периода, создает предпосылки для массового ухода с рынка небольших

компаний, не имеющих достаточных резервов, роста безработицы, увеличения бедности.

По итогам третьего квартала 2020 г., если считать нарастающим итогом, налоговые поступления в бюджет РФ по сравнению с аналогичным периодом 2019 года сократились почти на 2 триллиона рублей или на 11,7 % (рис. 2). При этом по итогам первого квартала, до начала кризиса, доходы бюджета в 2020 году выросли почти на 250 млрд рублей (чему, видимо, способствовало повышение НДС), однако, в дальнейшем негативное влияние пандемии привело к сокращению поступлений, и разрыв только увеличивался [6].

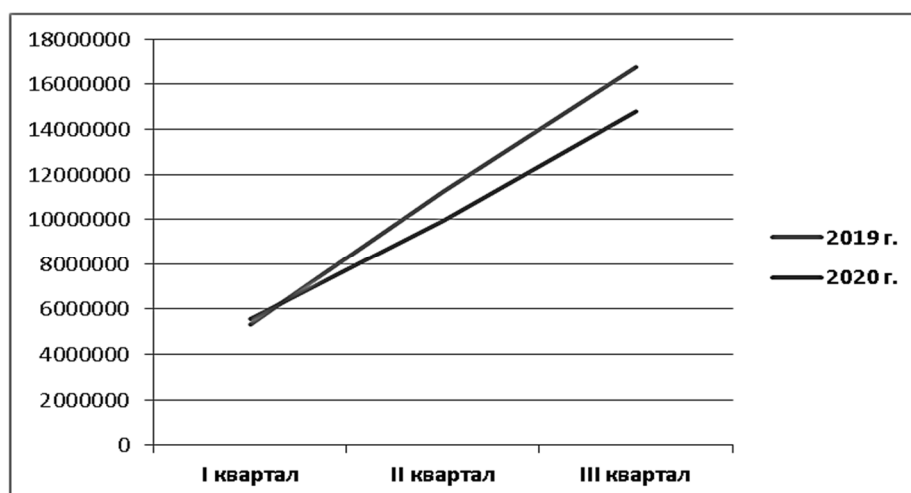


Рисунок 2 – Налоговые поступления в консолидированный бюджет РФ в 2019–2020 гг. (млн руб.)

По предварительным оценкам, реализация минимального объема требуемых фискальных антикризисных мер на текущий год в виде дополнительных бюджетных расходов и снижения налогов может достигать 3–4 % ВВП. При этом по итогам года бюджетная система (включая федеральный, региональный, муниципальный уровень и внебюджетные фонды) может недополучить

7,1 трлн руб., что соответствует 6,3 % от предусмотренного бюджетом ВВП [1].

Потери доходов на региональном уровне суммарно оцениваются в 1,5 % ВВП [1]. В сложившихся обстоятельствах государство будет вынуждено выделить дополнительные средства на поддержку регионов, находящихся в наиболее

трудной ситуации. Общий объем недополученных в результате пандемии COVID-19 бюджетных доходов, в итоге, может достичь 3,5–4 % ВВП, компенсировать которые придется либо за счет средств Фонда национального благосостояния, либо за счет дополнительных заимствований. Сами регионы часть оставшихся потерь профинансируют за счет своих внутренних резервов или опять же заимствований, а часть – за счет оптимизации расходов [1].

Как показывает текущая ситуация, бизнес-структуры могут подвергаться рискам, ведущим к возникновению неплатежеспособности по причинам, не всегда зависящим от самих предприни-

Литература:

1. Бюджетная политика во время пандемии. URL : <https://econs.online/articles/opinions/byudzhetnaya-politika-vo-vremya-pandemii> (дата обращения 25.11.2020).
2. *Власенко М.Г.* Бюджетно-налоговая политика Приморского края // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2017. № 3-2. С. 108–123.
3. *Грибань М.К.* COVID-19: влияние на национальную экономику. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики.* Серия: экономика и право. 2020. № 8. С. 19–23.
4. *Зотиков Н.З.* Особенности формирования доходов федерального бюджета / Н.З. Зотиков, М.В. Львова, О.И. Арланова // *Вестник евразийской науки.* 2019. № 1. Т. 11. С. 1–19.
5. Налоговые последствия пандемии COVID-19 для бизнеса. URL : <https://www.law.ru/article/22746-nalogovye-posledstviya-pandemii-covid-19-dlya-biznesa> (дата обращения 26.11.2020).
6. Федеральная налоговая служба РФ. Официальный сайт. URL : <https://www.nalog.ru> (дата обращения 28.11.2020).
7. Tax and Fiscal Policy in Response to the Coronavirus Crisis: Strengthening Confidence and Resilience. URL : https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=128_128575-o6raktc0aa&title=Tax-and-Fiscal-Policy-in-Response-to-the-Coronavirus-Crisis (дата обращения 29.11.2020).

мателей и их решений, справиться с которыми без вмешательства государства им не по силам. По этой причине, бюджетно-налоговая политика государства должна быть гибкой, продуманной, способной адаптироваться к изменяющейся природе рисков, а также, предусматривать расширение перечня инструментов, механизмов и мер, призванных в условиях кризиса преодолевать возможные проблемы самого разного характера. Это необходимо, чтобы, с одной стороны, способствовать сохранению хозяйствующих субъектов в кризисный период, а, с другой стороны, в нужном объеме обеспечивать налоговые поступления в бюджет.

Literature:

1. Fiscal policy during a pandemic. URL : <https://econs.online/articles/opinions/byudzhetnaya-politika-vo-vremya-pandemii> (date accessed 11/25/2020).
2. *Vlasenko M.G.* Fiscal policy of the Primorsky Territory. // *International Journal of Humanities and Natural Sciences.* 2017. № 3-2. P. 108–123.
3. *Griban M.K.* COVID-19: Impact on the National Economy. // *Modern science: topical problems of theory and practice.* Series: Economics and Law. 2020. № 8. P. 19–23.
4. *Zotikov N.Z.* Features of the formation of federal budget revenues / N.Z. Zotikov, M.V. Lvov, O.I. Arlanova // *Bulletin of Eurasian Science.* 2019. № 1. Vol. 11. P.1–19.
5. Tax implications of the COVID-19 pandemic for business. URL : <https://www.law.ru/article/22746-nalogovye-posledstviya-pandemii-covid-19-dlya-biznesa> (date of application 11/26/2020).
6. Federal Tax Service of the Russian Federation. Official site. URL : <https://www.nalog.ru> (date of application 28.11.2020).
7. Tax and Fiscal Policy in Response to the Coronavirus Crisis: Strengthening Confidence and Resilience. URL : https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=128_128575-o6raktc0aa&title=Tax-and-Fiscal-Policy-in-Response-to-the-Coronavirus-Crisis (date of application 11/29/2020).

Солнцева Оксана Глебовна

кандидат экономических наук,
доцент,
Государственный университет управления
ogsoltse@mail.ru

Фирсова Анна Евгеньевна

преподаватель,
Московский государственный институт
физической культуры, спорта и туризма
имени Ю.А. Сенкевича
annafrank1504@gmail.com

Цунаева Юлия Олеговна

старший преподаватель,
Государственный университет управления
tsunayev@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ КРАУД-ТЕХНОЛОГИЙ В ГОСТИНИЧНОЙ ИНДУСТРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы финтех-инструментов в краудфандинговом сообществе, а также, существующие методы получения финансирования и поиска новых идей с точки зрения экономики гостиничной индустрии. Рассмотрены основные крауд-технологии, в частности, такие как: краудфандинг, краудинвестинг. Краудсорсинг, а также, изложены выводы о применении проектов краудфандинга и концепции для уникальных отелей со своими особенностями и использовании обозначенных крауд-технологий и инструментов.

Ключевые слова: краудфандинг, краудинвестинг, краудсорсинг, гостиничная индустрия.

Если краудфандинг в качестве средства финансирования бизнеса останется, в большей степени, идеологией, нежели реально работающим инструментом, причину этого следует искать в отсутствии эффективного отраслевого образования.

Команды платформ и другие авторитетные представители краудфандингового сообщества – это люди, наделенные властью технологий и обязанные делиться своим социальным, творческим и финансовым капиталом. К сожалению, многие из них не выполняют этих обязательств.

В первую очередь, краудфандинг и краудинвестинг – это технологии, а те, кто размещает кампанию на платформе, как правило, приходят из областей, весьма далеких от технологических решений. Именно поэтому так необходимо, чтобы опытные специалисты учили вновь прибывших

Oksana G. Solntseva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
State University of Management
ogsoltse@mail.ru

Anna E. Firsova

Teacher,
Moscow State Institute
Physical Culture, Sports and Tourism
named after Yu.A. Senkevich
annafrank1504@gmail.com

Yulia O. Tsunayeva

Senior lecturer,
State University of Management
tsunayev@mail.ru

OPPORTUNITIES OF CROWD TECHNOLOGIES IN THE HOTEL INDUSTRY

Annotation. The article discusses the current problems of fintech tools in the crowdfunding community, as well as existing methods of obtaining funding and searching for new ideas from the point of view of the economy in the hotel industry. The main crowd technologies are considered, such as crowdfunding, crowdinvesting, crowdsourcing. Conclusions on the application of crowdfunding projects and concepts for unique hotels with their own characteristics and the use of designated crowd technologies and tools are outlined.

Keywords: crowdfunding, crowdinvesting, crowdsourcing, hotel industry.

основным навыкам, при этом такое образование не должно обходиться слишком дорого для стартапа. Речь идет не о создании стандартного онлайн-курса, подходящего «для всех размеров» и при этом, не дающего четких инструкций для реальной работы. Индустрии не нужна еще одна всемирная отраслевая конференция. Нужно перенаправить внимание на то, как сделать краудфандинг более доступным обычному человеку.

Потребность в таком образовании имеет решающее значение в районах, которые географически удалены от крупных технологических хабов. Люди из этих мест не имеют возможности получить опыт от локальных представителей сообщества или местных авторов проектов. Это крайне необходимо для начинающих предпринимателей, которые традиционно полагаются на техническую помощь от финансируемых правительством

учреждений – но в таких учреждениях просто нет сотрудников, работающих с краудфандингом или с другими финтех-инструментами.

Разрыв между узким кругом причастных к краудфандингу и теми, кто действительно нуждается в этом инструменте, но не имеет к нему доступа, поистине огромен. Данные исследования, проведенного в США группой Economic Innovation Group, наглядно показывают, что, начиная с 2008 года, городские финтех-центры помогли в развитии значительному числу стартапов, оставив мелкие города и поселки без доступных экономических механизмов для получения средств на развитие местного бизнеса [1].

Хотя, согласно исследованию компании Association for Enterprise Opportunity, 40 % малых предприятий из малообеспеченных районов обеспечили США доходы в размере \$1,87 трлн 2 млн из этих предприятий ежегодно приходится искать капитал для элементарного выживания [2].

При этом процент отказов, которые представители бизнеса получают от банков и кредиторов – как традиционных, так и альтернативных – поразительно высок. Так, многие прибегают к чудовищным вариантам с завышенными процентными ставками, что только калечит их бизнес.

Вместо банков и традиционных инвестиционных моделей, отели класса «люкс» все чаще используют для получения финансирования краудфандинг, а для поиска новых идей обращаются к краудсорсингу [4]. На стадии краудсорсинга будущие отельеры используют социальные медиа и собирают идеи потребителей, а во время проектирования и разработки дизайна просят их высказать свое мнение. Затем, они привлекают индивидуальных инвесторов и посредством краудфандинга собирают необходимый капитал. Инвесторы получают от своих вложений такие преимущества, как бесплатное проживание в отеле после его открытия.

В качестве примера можно привести Prodigy Network – компанию, которая занимается строительством недвижимости и собирает капитал через краудфандинг. Prodigy Network принадлежит идея пространства в центре Нью-Йорка, состоящего из 194 блоков для гостиничных номеров, рассчитанных на краткосрочное и долгосрочное проживание – так называемых «cotels».

PSFK заключила партнерское соглашение с краудфандинговой риэлтерской компанией Prodigy Network на создание вариантов дизайна для своего нового проекта 17John, представляющего собой инновационный отель в самом сердце делового центра Нью-Йорка, при помощи краудсорсинговой схемы.

Разработанная данным отельным брендом концепция Cotel призвана полностью изменить процесс разработки дизайна отеля, отвечающего нуждам современного делового человека. Cotel станет уникальным инновационным отелем, в котором все, от дизайна мест общественного пользования и номеров до разработки цифровых

платформ для управления техническим оборудованием, будет разработано силами краудсорсингового сообщества. Как и при реализации других проектов, компания Prodigy Network использует как финансирование, выделенное разработчиками, так и средства, вложенные мелкими инвесторами.

Концепция отеля Cotel разработана краудфандинговой риэлтерской компанией Prodigy Network, в портфолио которой значится рекордная кампания по сбору средств на финансирование строительства проекта BD Vacata, самого высокого небоскреба Колумбии.

Целью организаторов проекта 17John является создание отеля, в котором проведение традиционной деловой встречи или конференции превратится в увлекательный интерактивный опыт. Нью-Йорк был выбран для строительства первого отеля Cotel, поскольку именно он традиционно считается центром деловой и коммерческой активности.

Другой стартап – люкс бутик-отель от Amberlair. Компания так же полагается на краудсорсинг и краудфандинг. Решение о точном местоположении и конструкции отеля принимают инвесторы.

В Global Trends Report отмечается, что новая тенденция, главным образом, коснется люксового сегмента, поскольку это – долгосрочный проект краудфандинга и сама концепция, лучше всего, подходит для уникальных отелей со своими особенностями.

Краудсорсинг способен внести значительные изменения в то, каким образом будут происходить проектирование и разработка дизайна в гостиничной индустрии, при чем речь идет не только о дизайне новых зданий. Например, Marriott International при работе над своими новыми проектами – дизайне полотенец и торговых автоматов – использовал краудсорсинг в социальных медиа. Лучшие идеи были реализованы в ряде отелей Marriott в США.

Предполагается, что в будущем при помощи краудсорсинга будут создаваться тематические отели, финансируемые мелкими инвесторами, разделяющими общую страсть в том или ином хобби, чтении книг, просмотре телешоу или фильмов. Европейским краудфандинговым и краудинвестинговым платформам придется вступить в серьезную борьбу за инвесторов, если они не смогут использовать более одного языка в интерфейсе своих сайтов.

Количество новых платформ, появляющихся в глобальном масштабе каждый год, возрастает. К сожалению, значительная часть европейских сайтов работает только на родном языке, это противоречит самой идее предоставления большего доступа к капиталу путем образования новых связей с инвесторами всего мира.

По данным исследовательской группы, значительное количество европейских благотворительных платформ (35 %) и краудфандинговых платформ с нефинансовым вознаграждением

(48 %) являются многоязычными. Что касается краудинвестиционных и краудлендинговых платформ, только 30 % и 21 % из них соответственно использует более одного языка. Разумеется, некоторые сайты предоставляют возможность выбрать из английского, испанского, французского и немецкого языков. Однако исследования показывают, что более 60 % мировых платформ используют только национальный язык [1].

Предоставление доступа к новым способам финансирования требует инвестиций в человеческий капитал [3]. Индустрии нужны профессионалы, которые смогут научить людей необходимым навыкам, встретиться с предпринимателями и владельцами предприятий, не заставляя их покидать места их локации. Интернет-технологии доступны, но лишь на первый взгляд – ведь работа с этими ресурсами предполагает наличие компьютерной грамотности, а многие не имеют таких навыков. Кроме того, многие приемы ведения бизнеса и создания клиентской сети, часто

Литература:

1. *Гамбеева Ю.Н.* Краудфандинг как инновационный финансовый инструмент цифровой экономики: национальные модели. Государственное управление / Ю.Н. Гамбеева, Н.Н. Кожухова // Электронный вестник. 2019. № 77. С. 6–32.
2. *Рукавишников С.В.* Краудфандинг как новая финансовая технология в парадигме финансовой системы цифровой экономики : монография. М. : Изд-во «Экон-Информ», 2019. 65 с.
3. *Солнцева О.Г.* Инновационные концепции управления в международном бизнесе – Актуальные проблемы управления-2017: Государственный университет управления. М. : Издательский дом ГУУ, 2017. С. 221–224.
4. *Хау Джефф.* Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М. : «АльпинаПаблшер», 2012. 288 с.

используемые в краудфандинге, также требуют определенного опыта.

Руководство платформ не заинтересовано в найме дополнительных сотрудников. Они убеждены в, том что технологии решают любые проблемы. Это люди продаж, и, как правило, автоматически отсеивают тех, кто не готов покупать. У них нет стимула обучать, несмотря на то, что такое образование могло бы сделать потенциальных учеников не только прекрасными предпринимателями, но и будущими клиентами платформ.

Похоже, что эту работу нужно выполнять вне платформ, и финансировать эти усилия должны специальные фонды, способные понять, что на карту поставлено будущее экономики. Если какие-то шаги не будут предприняты уже в ближайшее время, весь эксперимент с краудфандингом ограничится теми, кто уже обладает нужными знаниями или имеет достаточно ресурсов для оплаты консультантов.

Literature:

1. *Gambееva Yu.N.* Crowdfunding as an innovative financial tool of the digital economy: national models. Public administration / Yu.N. Gambееva, N.N. Kozhukhova // Electronic bulletin. 2019. № 77. P. 6–32.
2. *Rukavishnikov S.V.* Crowdfunding as a new financial technology in the paradigm of the financial system of the digital economy : monograph. M. : Publishing house «Econ-Inform», 2019. 65 p.
3. *Solntseva O.G.* Innovative management concepts in international business – Current management problems 2017: State University of Management. M. : Publishing house of GUU, 2017. P. 221–224.
4. *Howe Jeff.* Crowdsourcing. Collective mind as a tool for business development. M. : «AlpinPablsher», 2012. 288 p.

Терещенко Алексей Петрович
кандидат экономических наук
AlexPetr99@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения лекарственной независимости, экономической и национальной безопасности государства в период пандемии COVID-19, виды ответственности за правонарушения и преступления, совершенные в сфере оборота лекарственных средств и медицинских изделий.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная безопасность, лекарственная безопасность, экономический суверенитет, лекарственные средства, медицинские изделия, административная и уголовная ответственность.

Понятие «экономическая безопасность» и «экономический суверенитет» определены Стратегией экономической безопасности России до 2030 года [1]. С политической точки зрения реализация принципа суверенитета осуществляется посредством самостоятельности в принятии решений государством во внешних делах и его верховенство во внутренних делах. Соответственно в экономическом аспекте под реализацией принципа экономического суверенитета следует понимать свободу или самостоятельность ведения хозяйственной деятельности.

Однако, в отличие от политического суверенитета, экономический суверенитет достигается не только самостоятельностью в принятии решений, но и при наличии такого фактора, как «достаточность обеспеченности существования». Под этим подразумевается обладание субъектом таким перечнем и объемом материальных и нематериальных ресурсов, которые будут способны обеспечить его независимую жизнедеятельность.

На современном этапе развития человеческой цивилизации, глобализации экономики, сформировавшегося уровня международного разделения труда (МРТ), фактор «достаточность обеспеченности существования» в определенной степени приобретает весьма условный характер.

Сущность МРТ заключается в торговом обмене стран мира производимыми товарами, услугами, а также технологиями, инновациями, капиталом. С одной стороны стремление более глубоко включиться в МРТ может объясняться целью расширения производства и реализации тех

Alexey P. Tereschenko
Candidate of Economic Sciences
AlexPetr99@yandex.ru

ENSURING DRUG INDEPENDENCE AS A FACTOR IN THE ECONOMIC AND NATIONAL SECURITY OF THE STATE

Annotation. The article examines the problems of ensuring drug independence, economic and national security of the state during the COVID-19 pandemic, the types of liability for offenses and crimes committed in the field of circulation of medicines and medical devices.

Keywords: economic security, national security, drug safety, economic sovereignty, medicines, medical devices, administrative and criminal liability.

продуктов, для которых у конкретной страны исторически имелись или созданы наилучшие условия, что позволяет увеличить производство таких продуктов до объемов, способных удовлетворить как внутренний спрос, так и потребности других стран.

С другой стороны вынужденной причиной включения государства в процесс МРТ является стремление нивелировать противоречие между ростом внутринациональных общественных потребностей и объективно существующим недостаточным объемом имеющихся ресурсов для их удовлетворения.

Новейшая история демонстрирует ситуацию, когда наша страна вынуждена включаться в МРТ в качестве импортера тех или иных товаров и услуг не в силу наличия каких-либо природно – географических ограничений и различий типа хозяйствования, а в силу утраты в ходе политических и социальных изменений:

– экономического и научно-технического потенциала;

– преимущественности предыдущих научно-технических достижений и разработок;

– кадрового потенциала в научной, технической, образовательной производственной и других важных сферах.

Негативные последствия этого проявились в ходе усилий российского государства организовать эффективное противодействие распространению

пандемии COVID-19 и обеспечить в достаточном количестве:

– больных – лекарственными средствами; медицинский персонал – средствами защиты;

– лечебные учреждения – медицинской техникой, приборами, транспортными средствами, в том числе для службы скорой медицинской помощи.

В ходе «первой волны» распространения инфекции отечественная медицина столкнулась и с отсутствием достаточного количества надежных отечественных методов и приборов для диагностирования нового заболевания. В определенной степени на скорость разработки отечественными производителями тест-систем для определения COVID-19 повлияло наличие бюрократических проволочек и выбранного способа централизации принятия решений. Предполагая наличие высокой степени риска заражения, ответственные государственные органы выдвинули жесткие требования для лабораторий, способных проводить исследования, ограничили для разработчиков тест-систем доступ к штамму вируса.

«Вторая волна» пандемии обозначила проблему неспособности имеющихся на сегодня лечебных учреждений и медицинского персонала принимать всех нуждающихся в стационарном лечении пациентов. В результате стихийно возникающего спроса на ряд лекарственных препаратов, в том числе первой необходимости, образовался их дефицит.

Одной из основных составляющих национальной безопасности государства является безопасность личности. Обеспечение безопасности личности заключается в целенаправленной деятельности государства и институтов гражданского общества, основывающейся на установлении равновесия между интересами личности, государства и общества. Жизненно важными интересами личности являются реализация права на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленного в статье 41 Конституции Российской Федерации, а также физическая и экономическая доступность продуктов питания.

Степень реализации указанных прав определяет качество жизни граждан и влияет на воспроизводство национального человеческого капитала, отражающего способность народа формировать инновационную экономику и общество с высоким и достойным уровнем жизни. Исходя из этого, одной из главных основ экономической и национальной безопасности, в первую очередь, является здоровье человека.

Понятие «продовольственная безопасность» рассматривают как ситуацию, при которой все люди в каждый момент времени имеют физический и экономический доступ к достаточной в количественном отношении безопасной пище, необходимой для ведения активной и здоровой жизни.

Продовольственная безопасность подразумевает способность страны за счет собственных ресурсов обеспечивать продуктами питания текущие и чрезвычайные потребности как населения

страны в целом, так и каждого отдельно взятого человека, в соответствии с научно обоснованными нормами. Считается, что страна находится в продовольственной безопасности, когда не менее 80 % основных продуктов питания производит она сама. Понятие «продовольственная безопасность» имеет предельные характеристики и связана с пороговыми величинами. В России пороговыми значениями уровня продовольственной обеспеченности выступают научно обоснованные медицинские нормы потребления, которые оптимальны для полноценного и устойчивого развития личности, и социальные нормативы, а именно так называемая «потребительская корзина» [2].

Термин «лекарственная безопасность» применяется в медицине и понимается как сравнительная характеристика эффективности и оценки риска причинения вреда здоровью человека лекарственными препаратами. Представляется возможным провести экстраполяцию и, с точки зрения безопасности всего общества, определить понятие «лекарственная безопасность» как деятельность государства, направленную на создание условий, при которых обеспечивается лекарственный суверенитет страны и люди в необходимый момент времени имеют физический и экономический доступ к качественным лекарственным средствам для лечения и последующего возвращения к ведению активной и здоровой жизни.

Особенностью российского рынка остается его высокая зависимость от импорта – 70 % в стоимостном выражении. Более 80 % российских препаратов производится с применением импортных субстанций. За 2016–2019 гг. импорт субстанций вырос в 2,3 раза в долл. США и в полтора раза в объемах [3].

Учитывая, что Россия вовлечена в международное разделение труда (МРТ), целесообразным является определение индикаторов и установление научно обоснованных, оптимальных пороговых значений импорта лекарственных средств для устранения глубокой зависимости отечественных потребителей от зарубежных поставщиков и обеспечения лекарственной безопасности государства и личности.

Кроме этого, не всегда поступающие в страну лекарственные препараты и субстанции, имеют легальное происхождение, являются безопасными. Законодатели отреагировали на появление новых угроз лекарственной безопасности и разработали Федеральные законы № 95-ФЗ «О внесении изменений в статью 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» и № 89-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», вступившие в действие с 01 апреля 2020 года. Изменения предусматривают повышенную ответственность за распространение фальсифицированных, контрафактных, некачественных, незарегистрированных лекарств и медицинских изделий с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Динамика импорта и доли стран-поставщиков лекарственных средств в Российскую Федерацию

Страны	2018 г. млн дол	2019 г. млн дол	Динамика, %	Удельный вес 2019 г., %
Германия	2244,3	3035,7	35,3	21,6
США	637,5	1168,9	83,4	8,3
Италия	650,6	998,3	53,4	7,1
Франция	825,4	993,8	20,4	7,1
Швейцария	658,6	954,4	44,9	6,8
Ирландия	430,3	731,1	69,9	5,2
Индия	514	633,1	23,2	4,5
Великобритания	460,2	544,4	18,3	3,9
Венгрия	355,7	408,4	14,8	2,9
Прочие	–	–	–	32,6

Данные сервиса SeaNews TCBT. URL : <https://seanews.ru/2020/04/02/ru-import-farmaceuticheskoy>

Однако законодатели предусмотрели и ряд оговорок касаясь порядка применения ч. 2 и 3 ст. 6.33 КоАП РФ и ч. 1.1. ст. 238.1 УК РФ.

Так, не являются административным правонарушением или уголовным преступлением действия:

– если реализация (сбыт) и (или) ввоз таких лекарственных средств или медицинских изделий допускаются в соответствии с законодательством

об обращении лекарственных средств и законодательством в сфере охраны здоровья;

– если указанные лекарственные средства или медицинские изделия в Российской Федерации не производятся;

– если указанные лекарственные средства или медицинские изделия рекомендованы к применению Всемирной организацией здравоохранения.

Таблица 2

Ответственность за распространение фальсифицированных, контрафактных, незарегистрированных лекарств или медицинских изделий с использованием средств массовой информации

Состав правонарушения или преступления	Ответственность		
	Физические лица	Юридические лица	Должностные лица
ч. 3 ст. 6.33 КоАП РФ Реализация фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарств или БАДов с использованием сети Интернет (без признаков уголовно наказуемого деяния)	штраф от 75000 до 200000 рублей	ЮЛ – от 2 до 6 миллионов рублей или приостановление деятельности на срок до 90 суток ИП – от 150000 до 600000 рублей или приостановление деятельности на срок до 90 суток	штраф от 150000 до 600000 рублей
ч. 1.1. ст. 238.1 УК РФ Совершенные с использованием СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет, производство, сбыт или ввоз на территорию РФ фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий	– Принудительные работы на срок от 4 до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 2 до 3 лет или без такового либо; – лишение свободы на срок от 4 до 6 лет со штрафом в размере от 750000 до 2500000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 2 лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 4 лет или без такового		

С одной стороны, ужесточение ответственности заставит задуматься потенциальных правонарушителей, однако введенные оговорки могут позволить безнаказанно ввозить и сбывать незарегистрированные лекарства и медицинские изделия. Правоприменительной и судебной практики по

принятым изменениям в законодательстве на данный момент пока не достаточно, чтобы провести анализ и сделать выводы об эффективности принятых мер по противодействию угрозам лекарственной, экономической и национальной безопасности государства.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL : <http://kremlin.ru>

Literature:

1. Order of the President of the Russian Federation of 13.05.2017. № 208 «The Economic Security Strategy of the Russian Federation until 2030». URL : <http://kremlin.ru>

2. Михайлушкин П.В. Условия и основные критерии обеспечения продовольственной безопасности // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 92(08).

3. Национальное Рейтинговое Агентство (НРА). Фармацевтический рынок РФ – государство нам поможет? URL : <https://www.ra-national.ru> (дата обращения 13.08.2020).

2. *Mikhailushkim P.V.* Conditions and basic criteria for achieving food security // Academic journal KUBGAU. 2013. № 92(08).

3. National Rating Agency (NRA). Pharmaceutical market of Russian Federation – Will government help us? URL : <https://www.ra-national.ru> (date of application 13.08.2020).

Фролов Иван Владимирович
кандидат юридических наук,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
Login8@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ДИСТАНЦИОННАЯ ТОРГОВЛЯ»

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы выработки единого подхода к определению понятия "дистанционная торговля". Автор отмечает, что необходимость законодательного закрепления данного понятия обусловлена ростом торговли товарами и услугами в условиях постоянного развития электронных коммуникаций. Обосновывается необходимость включения в разрабатываемое определение таких признаков, как распространение данного понятия на сферу услуг, исключение возможности контакта не только с товаром или его образцом, но и с лицом, продающим товар или оказывающим услугу, наличие потребителя, в роли которого выступает покупатель товара или заказчик услуги, а также, широкий спектр средств связи, которые могут использоваться для осуществления дистанционного выбора и заказа товаров и услуг.

Ключевые слова: дистанционная торговля, правила дистанционной торговли, права потребителей, защита прав потребителей.

До настоящего времени в доктрине гражданского права так и не сложилось единого понимания такого явления, как дистанционная торговля, несмотря на неоднократные попытки его унификации [2] и существование специальной нормативно-правовой регламентации [3]. Вместе с тем, потребность в выработке определения данного понятия для его законодательного закрепления становится все более актуальной по мере роста торговли товарами и услугами в условиях развития электронных коммуникаций с учетом необходимости обеспечения единства нормативно-правового регулирования.

Представляется необходимым закрепить в законодательстве единый подход к рассматриваемому понятию, отвечающий потребностям гражданского оборота. В частности, необходимо распространить понятие «дистанционной торговли» на отдельные случаи оказания услуг, ориентируясь на подход, принятый в европейских странах. В Европейском Союзе правовое регулирование дистанционных договоров охватывает и куплю-продажу, и оказание услуг, в том числе, финансовых, и многие другие виды договоров, то есть, допускается заключение в рамках дистанционной торговли, как договоров дистанционной продажи

Ivan V. Frolov
Candidate of Legal Sciences,
Russian State Academy
intellectual property
login8@mail.ru

PROBLEMS WITH THE CONCEPT OF «DISTANCE TRADING» DEFINITION

Annotation. The article deals with the problems of developing a unified approach to the definition of «distance trade». The author notes that the need for legislative consolidation of this concept is due to the growth of trade in goods and services in an environment of constant development of electronic communications. It is justified the need to include in the definition under development such as the extension of this concept to the sphere of services, the exclusion of the possibility of contact not only with the goods or its sample, but also with a person selling goods or providing a service, the presence of a consumer, which acts as a buyer of goods or customer of the service, as well as a wide range of means of communication that can be used for remote selection and order of goods and services.

Keywords: distance selling, distance selling rules, consumer rights, consumer protection.

товаров, так и договоров дистанционного оказания услуг, что отражено в ряде директив ЕС [1].

Вместе с тем, целесообразным нам представляется ограничиться упоминанием только о продаже товаров и оказании услуг, не распространяя рассматриваемое понятие на случаи выполнения работ. Во-первых, это соответствует подходу, принятому в странах ЕС. Так, в директивах ЕС, связанных с дистанционной торговлей, упоминается только о продаже товаров и оказании услуг. Во-вторых, данное ограничение представляется логически обоснованным. При заказе услуг, например, просмотра фильма из каталога «онлайн-кинотеатра» или чтения книги из электронной библиотеки, потребитель получает именно услугу с характерным отсутствием результата ее оказания в материальной форме, то есть, без передачи какого-либо материального носителя.

Если пользователь заказывает на специальном сайте изготовление игрушки, пошив костюма, создание и доставку букета, то, в итоге, он получает конкретный товар, то есть, в данном случае можно говорить о продаже «будущей вещи», соответствующей согласованным дистанционно характеристикам, а не о выполнении работ. Вариант

дистанционного заказа работ, например, по починке одежды, обуви, ремонту квартиры и т.п. вряд ли получит широкое распространение, так как подобные работы предполагают действия с имуществом заказчика, его осмотр, оценку необходимых затрат, требующие не только обмена информацией, но и передачи имущества (вещей), что обычно предполагает контакты сторон или их представителей, передачу их курьеру, иные способы доставки исполнителю, выполняющему такие работы.

Из сферы правового регулирования, относящегося к дистанционной торговле, должны быть исключены ситуации, в которых существует возможность непосредственного контакта с лицом, продающим товар или оказывающим услугу. В качестве дистанционной торговли должны рассматриваться только случаи, когда выбор товара и обмен офертой и акцептом для его приобретения происходят дистанционно.

Возможность прямых контактов между продавцом и покупателем делает излишними многие предусматриваемые для дистанционной торговли положения. Например, у сторон появляется возможность подписывать договоры, обмениваться документами на бумажных носителях.

Отсутствие упоминания об исключении контакта с продавцом составляет один из существенных недостатков положений, закрепленных в настоящее время в статье 497 ГК РФ и в статье 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей», согласно которым, речь идет о недоступности только самого товара или образца товара, вследствие чего, дистанционной торговлей должны признаваться, например, случаи продажи коммивояжером, разъезжающим по стране, продукции с использованием каталогов продаваемой продукции вместо предоставления ее образцов. При этом необходимо отличать от дистанционной торговли более широкое по своему содержанию понятие «электронная торговля» [2], которая может включать не только деятельность, направленную на продажу товаров и оказание услуг, но и на выполнение работ с использованием электронных коммуникаций.

Кроме того, к дистанционной торговле должны относиться только случаи, когда товары или услуги приобретаются для личных, потребительских целей, не связанных с предпринимательской деятельностью, вследствие чего, в отношении потребителя устанавливаются специальные положения, направленные на его защиту как «слабой стороны» договора.

Литература:

1. Директива № 97/7/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите потребителей по договорам, заключаемым дистанционным способом» (Принята в г. Брюсселе 20.05.1997, с изм. и доп. от 13.11.2007). URL : <http://eur-lex.europa.eu>

Установление таких особых положений необходимо в связи с тем, что предполагается, что потребитель не может ознакомиться со всеми характеристиками товара, не имея возможности его осмотреть, потрогать, проверить в действии, в связи с чем, потребителю требуется дополнительная защита. Распространение таких особых положений на предпринимателей, коммерческие организации привело бы к созданию неравных условий для участников рынка.

Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, имеют другие возможности для защиты своих интересов, в частности, являясь профессионалами в своей сфере деятельности или за счет привлечения таких профессионалов, в соответствующих случаях могут достаточно точно выбрать необходимый им товар или услугу, согласовать все, связанные с ними характеристики и условия, а также, имеют возможность заключать договоры с использованием электронной подписи и использовать иные варианты электронного документооборота и дополнительной коммуникации. При осуществлении предпринимательской деятельности существует возможность заключения и подписания договора без необходимости установления специальных положений, защищающих права «слабого» участника дистанционной торговли.

Именно в связи с непредпринимательским характером дистанционной торговли, важно, чтобы все лица, участвующие в продаже товаров или оказании услуг, несли особую ответственность перед потребителем, что позволит гарантировать права потребителей при покупке товаров дистанционным способом с использованием любых средств электронной коммуникации.

Таким образом, в разрабатываемое определение, как нам представляется, должны войти такие признаки понятия «дистанционной торговли», в том числе отсутствующие в статье 497 ГК РФ, как:

- 1) распространение данного понятия, как на продажу товаров, так и на оказание услуг;
- 2) исключение возможности контакта не только с товаром или его образцом, но и с лицом, продающим товар или оказывающим услугу;
- 3) указание на наличие потребителя, в роли которого выступает покупатель товара или заказчик услуги;
- 4) наиболее широкий спектр средств связи и видов электронной коммуникации, которые могут использоваться для осуществления дистанционного выбора и заказа товаров и услуг.

Literature:

1. Directive № 97/7/EC of the European Parliament and the Council of the European Union «On the Protection of Consumers under Contracts Concluded by Remote Means» (Adopted in Brussels 20.05.1997, with amendments and additional from 13.11.2007) // <http://eur-lex.europa.eu>

2. Модельный закон об электронной торговле (Принят в г. Санкт-Петербурге 25.11.2008 Постановлением 31-12 на 31-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 43. С. 268–293.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.09.2007 № 612 (ред. 16.05.2020) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» // Собрание законодательства Российской Федерации, 08.10.2007. № 41. Ст. 4894.

2. The model law on electronic trading (Accepted in St. Petersburg 25.11.2008 by Resolution 31-12 at the 31st plenary session of Inter-parliamentary Assembly of the State Parties of the CIS) // The Newsletter. Inter-Parliamentary Assembly of the States Members of the Commonwealth of Independent States. 2009. № 43. P. 268–293.

3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 27.09.2007 № 612 (ed. 16.05.2020) «On Approval of Rules for the Sale of Goods by Remote Means» // Legislative Assembly of the Russian Federation. 08.10.2007. № 41. Art. 4894.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.12.2020
Подписано в печать 23.12.2020
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 8,9
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 56

e-mail: id.yug2016@gmail.com